SEX and REPRESSION in SAVAGE SOCIETY

BRONISLAW MALINOWSKI

Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd
LONDON

СЕКС И ВЫТЕСНЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ ДИКАРЕЙ

БРОНИСЛАВ МАЛИНОВСКИЙ

Перевод с английского
НАТАЛЬИ МИКШИНОЙ

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2011

УДК 316.723
ББК 88.53
М19

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Научный редактор
АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

Малиновский, Б.
М19 Секс и вытеснение в обществе дикарей [Текст] / пер. с англ. Н. Микшиной; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 224 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0835-0 (в пер.).

Бронислав Малиновский (1884–1942) — известнейший британский антрополог польского происхождения. Его перу принадлежит ряд увлекательных книг о верованиях и обычаях туземцев Новой Гвинеи и Тробрианских островов. Предлагаемая вниманию читателя работа — не только очередное захватывающее исследование, описывающее сокровенные стороны жизни удивительных обитателей Океании, но и документ эпохи. Малиновский одним из первых стал применять принципы психоанализа в других областях науки, хотя использовал он эти принципы далеко не безоговорочно. Книга, написанная при жизни Фрейда, представляет собой яркую и убедительную полемику с идеями основателя психоанализа и его последователей. Споря с психоанализом, ученый подробно разбирает проблему Эдипова комплекса на богатом материале из жизни матрилинейного общества, а затем постепенно расширяет круг интересов антропологии, осваивая «промежуточную область между наукой о человеке и наукой о животных».

Книга будет интересна не только специалистам в области антропологии и психоанализа, но и самому широкому кругу читателей.

УДК 316.723
ББК 88.53

ISBN 978-5-7598-0835-0 (рус.)
ISBN 0-415-25554-6 (англ.)

СОДЕРЖАНИЕ

МОЕМУ ДРУГУ
ПАУЛЮ КУНЕРУ

Новая Гвинея, 1914,
Австралия, 1918,
Южный Тироль, 1922

ПРЕДИСЛОВИЕ

Психоанализ за последние десять лет приобрел невероятную популярность. Он оказывает все большее влияние на современную литературу, науку и искусство. Одно время это было буквально повальное увлечение. И многих глупцов это впечатлило, а многих педантов шокировало и отпугнуло. Автор настоящего труда, несомненно, относится к первым, поскольку в свое время был совершенно очарован теориями Фрейда и Риверса, Юнга и Джонса. Но педантизм всегда останется главной страстью ученого, и последующая рефлексия вскоре охладила первоначальный пыл.

Внимательный читатель может проследить этот процесс во всех его нюансах по этой небольшой книге. Однако я не хочу создать впечатление драматического *volte-face*[1]. Я никогда и ни в каком смысле не был приверженцем практики или теории психоанализа; и все-таки, несмотря на чрезмерность притязаний, хаотичность аргументации и нечеткость терминологии психоанализа, я должен признать, что он послужил для меня незаменимым источником вдохновения и ценных указаний относительно определенных аспектов человеческой психологии.

Психоанализ погрузил нас в динамическую теорию сознания, придал практический характер изучению психических процессов, заставил сосредоточиться на детской психологии и истории отдельного человека. Наконец, он выявил скрытые, непризнанные стороны человеческой жизни.

Открытое обсуждение секса, различных постыдных, скверных и тщеславных человеческих проявлений — то, за что психоанализ более всего осуждают и бранят, — на мой взгляд, имеет наибольшую ценность для науки и должно быть с благодарностью принято

[1] Резкая перемена (*фр.*). — *Примеч. пер.*

исследователем человека в том случае, если он хочет изучать свой предмет свободно, без всяких помех и фиговых листков. Как ученик и последователь Хэвлока Эллиса я, например, не стал бы обвинять Фрейда в «пансексуализме» — хотя и в корне не согласен с его пониманием сексуального импульса. Но я и не намерен соглашаться с его взглядами против своей воли, с ханжеским благочестием отмыв руки от грязи, которой они покрыты. Человек — это животное; в этом качестве он бывает временами нечист, и честный антрополог не может отрицать этот факт. Претензия ученого к психоанализу заключается не в том, что психоанализ рассуждает о сексуальности в открытую и во всех подробностях, но в том, что расуждает он о ней неверно.

Что касается непростой истории настоящего издания, первые две части были написаны намного раньше остальных. Многие изложенные там идеи были сформулированы, когда я изучал жизнь меланезийских общин на коралловом архипелаге. Замечания моего друга профессора Ч.Г. Селигмана и литература, которой он меня любезно снабдил, побудили меня задуматься о том, каким образом в обществе, основанном на материнском праве, могли появиться Эдипов комплекс и другие проявления «бессознательного». Непосредственные наблюдения над устройством матрилинейного комплекса у меланезийцев, насколько мне известно, являются первым случаем применения теории психоанализа к изучению примитивной жизни и как таковые могут представлять интерес для исследователей человека, его сознания и культуры. Мои выводы изложены в терминах более психоаналитических, чем мне бы того хотелось. Но даже и при этом я обхожусь в основном такими словами, как «комплекс» и «вытеснение», и использую их в совершенно определенном и эмпирическом смысле.

Продолжая читать работы Фрейда, я обнаружил, что все менее и менее склонен безоговорочно прини-

мать его выводы, не говоря уж о тех выводах, к которым приходят каждый отдельный вид и подвид психоанализа. Как антрополог я совершенно убежден в том, что амбициозные теории, касающиеся диких племен, гипотезы возникновения человеческих институтов и истории культуры, должны основываться на достоверном знании примитивной жизни, а также сознательных и бессознательных аспектов человеческого разума. В конце концов, групповой брак, тотемизм, избегание тещи или свекрови, а также магия происходят отнюдь не в «бессознательном»; все они — неопровержимые социологические и культурные факты, и для их теоретического обобщения требуется такой опыт, который нельзя приобрести в кабинете психоаналитика. В том, что мои опасения оправданны, я убедился, внимательно изучив «Тотем и табу», «Психологию масс и анализ человеческого "Я"» Фрейда, «Австралийский тотемизм» Рохейма и антропологические работы Рейка, Ранка и Джонса. Мои выводы обосновываются в третьей части этой книги.

В последней части книги я попытался изложить свои вытекающие из эмпирических наблюдений представления о происхождении культуры. Я в общих чертах описываю изменения, которые должна была претерпеть животная природа людей под воздействием аномальных условий культуры. Прежде всего я стремлюсь показать, что вытеснение сексуального инстинкта и определенного рода «комплекс» должны были появиться как своеобразный психический побочный продукт создания культуры.

Последняя часть книги — об инстинкте и культуре, является, на мой взгляд, наиболее важной и в то же время наиболее спорной. Это первая в своем роде работа, по крайней мере, с антропологической точки зрения: попытка освоения «ничейной территории» — промежуточной области между наукой о человеке и наукой о животных. Конечно, большинство моих аргументов нужно будет пересмотреть, но я полагаю,

что благодаря им были поставлены важные вопросы, которые рано или поздно должны быть проанализированы биологами, зоопсихологами, а также исследователями культуры.

Что касается зоопсихологии и биологии, тут мне пришлось ограничиться самым общим кругом чтения. Я опирался в основном на работы Дарвина и Хэвлока Эллиса; профессоров Ллойда Моргана, Херрика и Торндайка; д-ра Хипа, д-ра Келера и г-на Пайкрофта, а также на сведения, которые можно найти в социологических книгах Вестермарка, Хобхауса, Эспинаса и др. Я не даю подробных ссылок в этой работе и хотел бы здесь подчеркнуть, сколь многим обязан работам профессора Ллойда Моргана, чья концепция инстинкта представляется мне наиболее адекватной и чьи наблюдения я нашел наиболее полезными. Я слишком поздно обнаружил, что вкладываю несколько иной смысл в термины *инстинкт* и *привычка*, нежели профессор Ллойд Морган, и что то же касается и наших с ним представлений о *пластичности инстинктов*. Я не думаю, что это предполагает серьезное расхождение мнений. Я также полагаю, что культура открывает новое измерение пластичности инстинктов и что зоопсихологу будет полезно познакомиться с вкладом антрополога в эту проблему.

Я выражаю признательность за вдохновение и помощь в подготовке книги моим друзьям г-же Бренде З. Селигман (Оксфорд); д-ру Р.Х. Лоуи и профессору Креберу из Калифорнийского университета; г-ну Ферту (Новая Зеландия); д-ру В.А. Уайту (Вашингтон) и д-ру Г.С. Салливану (Балтимор); профессору Херрику из Чикагского университета и д-ру Гинзбергу из Лондонской школы экономики; д-ру Дж.В. Гамильтону и д-ру С.Е. Джеллиффу (Нью-Йорк); д-ру Э. Миллеру (клиника Харли-стрит); г-ну и г-же Хайме де Ангуло (Беркли, Калифорния) и г-ну Ч.К. Огдену (Кембридж); профессору Радклиффф-Брауну (Кейптаун и Сидней) и г-ну Лоренсу К. Франку (Нью-Йорк). Полевые ис-

следования, которые легли в основу этой книги, стали возможны благодаря щедрости г-на Роберта Монда.

Компетентная критика моего друга Пауля Кунера из Вены, которому посвящена эта книга, позволила мне яснее сформулировать мои идеи по данному предмету и по многим другим.

Б. М.

Кафедра антропологии
Лондонской школы экономики,
февраль 1927 г.

После долгого пренебрежения импульсами в пользу ощущений современная психология начинает инвентаризацию и описание инстинктивных видов деятельности. Это, бесспорно, положительное явление. Но когда она пытается объяснить сложные события в личной и общественной жизни путем прямой отсылки к этим природным силам, объяснение становится туманным и надуманным...

Прежде чем говорить о психологическом элементе в обществе, нужно понять, какие именно социальные условия преобразовали первоначальную деятельность в четко выраженные и значимые обычаи. В этом состоит подлинное значение социальной психологии... Человеческая природа поставляет сырье, но обычай определяет структуру и устройство... Человек привержен привычке, а не разуму или инстинкту.

Психоаналитическое понимание секса наиболее поучительно, потому что оно со всей очевидностью демонстрирует нам, к чему приводит искусственное упрощение социальных следствий и преобразование их в психические причины. Писатели, обычно мужчины, рассуждают о психологии женщин так, словно имеют дело с платоновской универсальной сущностью... Явления, представляющие собой типичные признаки современной западной цивилизации, они трактуют так, как если бы те с неизбежностью вытекали из неизменных естественных импульсов человеческой природы...

ДЖОН ДЬЮИ

«Человеческая природа и поведение»

I. *Формирование комплекса*

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Психоанализ зародился в медицинской практике, и его теории имеют главным образом психологическую природу, но он также тесно связан с двумя другими отраслями знания — биологией и социологией. Возможно, одна из главных заслуг психоанализа — образование еще одной связи между этими тремя разделами науки о человеке. Психологические взгляды Фрейда — его теории конфликта, вытеснения, бессознательного, формирования комплексов — образуют наиболее разработанную, собственно психоаналитическую, часть его учения. Биологическая доктрина — представления о сексуальности в ее соотношении с другими инстинктами, концепт «либидо» и различных его трансформаций — является наименее разработанным и наиболее противоречивым разделом теории, чаще всего подвергающимся критике, отчасти необоснованной, отчасти справедливой. Социологический аспект, интересующий нас прежде всего, заслуживает большего внимания. Любопытно, что, хотя социология и антропология послужили основным источником фактического материала для психоанализа и хотя учение об Эдиповом комплексе имеет, очевидно, социологический аспект, этот аспект получил наименьшее развитие.

Теория психоанализа — это, в сущности, теория влияния семейной жизни на психику человека. Нам показывают, как сильные эмоции, стрессы и конфликты ребенка с отцом, матерью, братом и сестрой формируют по отношению к ним определенные устойчи-

вые психические установки, или сентименты, которые, отчасти сохраняясь в памяти, отчасти в бессознательном, влияют на дальнейшую жизнь человека в обществе. Я употребляю здесь слово *сентимент* в том особом значении, которое сообщает ему теория эмоций и инстинктов А.Ф. Шанда со всеми подразумеваемыми ею важными смысловыми оттенками.

Социологическая природа этого учения очевидна: вся фрейдистская драма разыгрывается в пределах социальной организации определенного типа, в узком кругу семьи, состоящей из отца, матери и детей. Таким образом, *семейный комплекс,* — по мнению Фрейда, важнейший психологический факт, — обусловлен воздействием определенной социальной группировки на человеческое сознание. Опять же, психический отпечаток, возникший в ранние годы, оказывает влияние на дальнейшую социальную жизнь человека в том смысле, что предрасполагает его к образованию определенных связей, формирует рецептивные установки и творческий потенциал в области традиции, искусства, знания и религии.

Итак, на взгляд социолога, к психологической трактовке комплекса необходимо добавить две социологические главы: введение, где бы описывалась социологическая природа влияния семьи, и эпилог, в котором содержится анализ значения комплекса для общества. Отсюда для социолога вытекают две проблемы.

Первая проблема. Если семейная жизнь имеет столь судьбоносное значение для человеческой психики, ее характер заслуживает большего внимания, поскольку ясно, что в каждом общественном строе — своя *семья.* Ее устройство значительно варьируется в зависимости от уровня развития и характера цивилизации, и она по-разному выглядит в различных стратах одного и того же общества.

Согласно теориям, до сих пор не утратившим своей актуальности среди антропологов, семья чрезвычайно изменилась в ходе развития человечества: от первой

промискуитетной формы, основанной на сексуальном и экономическом коммунизме, через «групповую семью», основанную на «групповом браке», «кровнородственную семью», основанную на «пуналуальном браке», *Grossfamilie*[1] и клановое родство к итоговой форме — современной индивидуальной семье, основанной на моногамном браке и *patria potestas*[2]. Помимо таких антропологических построений, в которых нехватка фактов сочетается с избытком теории, мы располагаем непосредственными наблюдениями за жизнью современных диких племен, также свидетельствующими о множестве вариантов устройства семьи. Различия зависят от того, каким образом распределяется *власть*: будучи в той или иной степени закрепленной за отцом, она порождает различные формы патриархата; будучи закрепленной за матерью — различные подвиды материнского права. Значительно различаются способы счета происхождения и наследования — матрилинейность вследствие незнания отца и патрилинейность, несмотря на это незнание; патрилинейность, вследствие обладания властью и патрилинейность по экономическим причинам. Кроме того, устройство семьи среди различных рас и народов зависит от особенностей расселения, жилищных условий, источников пищи, разделения труда и т.д.

Следовательно, возникает проблема: меняются ли вместе с устройством семьи конфликты, страсти и привязанности или они одни и те же для всего человечества? Если они меняются, как это в действительности и происходит, то нуклеарный семейный комплекс также не может быть константой для всех человеческих рас и народов; он должен варьироваться в зависимости от устройства семьи. Главная задача теории психоанализа, таким образом, заключается в изуче-

[1] Большая семья (*нем.*) — состоящая из трех и более поколений. — *Примеч. пер.*

[2] Отцовская власть (*лат.*). — *Примеч. пер.*

нии пределов варьирования, разработке адекватной формулы и, наконец, в исследовании исключительных видов устройства семьи и определении соответствующих форм нуклеарного комплекса.

Пожалуй, за одним только исключением[3], эта проблема прежде не ставилась — во всяком случае, в отчетливом виде. Единственный комплекс, признающийся школой Фрейда и считающийся ее представителями универсальным — я имею в виду Эдипов комплекс — соответствует по преимуществу нашей патрилинейной арийской семье с сильной *patria potestas,* за которой стоят римское право, христианская мораль и современные экономические условия жизни зажиточной буржуазии. Тем не менее предполагается, что этот комплекс существует в каждом примитивном или варварском обществе. Конечно, это не так, и детальное рассмотрение первой проблемы покажет нам, насколько это допущение неверно.

Вторая проблема. Какова природа влияния семейного комплекса на формирование мифа, предания и сказки, на определенные дикарские и варварские обычаи, виды социальной организации и достижения материальной культуры? Существование этой проблемы, безусловно, признано авторами-психоаналитиками, применяющими принципы психоанализа к изучению мифа, религии и культуры. Но теория о влиянии семьи на культуру и общество посредством семейного комплекса не была проработана должным образом. Большая часть представлений, имеющих отношение ко второй проблеме, требует тщательного пересмотра с социологической точки зрения. С другой стороны,

[3] Я говорю о работе Дж.К. Флюгеля «Психоаналитическое исследование семьи» (*Flügel J.C.* The Psycho-Analytic Study of the Family), которая хотя и написана психологом, во всех отношениях ориентирована в социологическом направлении. В последних главах, особенно в XV и XVII, представлен, в сущности, подход к решению настоящей проблемы, хотя автор и не формулирует ее явным образом.

конкретные решения актуальных мифологических проблем, предложенные Фрейдом, Ранком и Джонсом, намного убедительнее, чем их общий принцип, что «миф — это извечный сон расы».

Психоанализ, подчеркивая, что интерес примитивного человека сосредоточен на нем самом и людях вокруг него и имеет конкретную и динамическую природу, стал правильным основанием для психологии примитивного общества, в которой до этого часто господствовали ложные представления о бесстрастном отношении человека к природе и склонности к философским размышлениям о своем уделе. Но игнорирование первой проблемы и молчаливое допущение, что Эдипов комплекс существует во всех типах общества, привели к тому, что в антропологические работы психоаналитиков закрались определенные ошибки. Таким образом, они не могут получить правильные результаты, когда пытаются проследить Эдипов комплекс, преимущественно патриархальный по своему характеру, в матрилинейном обществе; или легкомысленно выдвигают гипотезы группового брака или промискуитета, как если бы не требовалась особая осторожность при разговоре об условиях, совершенно отличных от условий нашей семьи, какой она предстает в практике психоанализа. Усугубляя эти противоречия, психоаналитик, занимающийся антропологией, выдвигает гипотетическое предположение об определенном типе первобытной орды или о доисторическом прообразе тотемического жертвоприношения или о сновидческом характере мифа, обычно совершенно несовместимое с фундаментальными принципами самого психоанализа.

Первая часть настоящей работы представляет собой, в сущности, попытку на основании результатов непосредственного наблюдения за жизнью диких племен проанализировать первую проблему — зависимость нуклеарного комплекса от устройства семьи. Рассмотрение второй проблемы будет предпринято во

второй части, а в последних двух частях те же вопросы обсуждаются в целом.

2. СЕМЬЯ ПРИ ОТЦОВСКОМ ПРАВЕ И МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ

Лучший способ рассмотреть первую проблему — как устройство семьи в том или ином обществе влияет на особенности «семейного комплекса» — подойти к вопросу эмпирически, проследить формирование комплекса в жизни типичной семьи и в случае, если речь идет о различных цивилизациях, провести сравнительный анализ. Я не предлагаю здесь исследовать все формы семьи, но намерен сравнить подробно два типа, известные мне по личным наблюдениям: патрилинейную семью в современной цивилизации и матрилинейную семью некоторых островных сообществ в Северо-Западной Меланезии. Однако эти два случая представляют собой, пожалуй, наиболее радикально различающиеся типы семьи среди всех известных социологам и тем самым вполне отвечают нашей цели.

Опишем в нескольких словах жителей Тробриандских островов Северо-Восточной Новой Гвинеи (или Северо-Западной Меланезии), чья культура, наряду с нашей собственной, будет предметом нашего анализа.

Эти туземцы матрилинейны, т.е. их общественный строй предполагает счет родства только по матери, и счет происхождения и наследования ведется по женской линии. Это значит, что мальчик или девочка принадлежат к семье, клану и общине матери: мальчик наследует титулы и социальное положение брата матери, и имущество переходит к ребенку не от отца, а от дяди по матери или тети по матери соответственно.

Все мужчины и женщины на Тробриандских островах со временем обзаводятся семьей — после периода детских сексуальных игр, сменяющегося ничем не стесняемой свободой в юности и затем более постоян-

ной совместной жизнью влюбленных в «холостяцком доме», который они делят с двумя или тремя другими парами. Брак — обычно моногамный, за исключением вождей, имеющих по несколько жен, — это стабильный союз, подразумевающий сексуальную исключительность, совместное экономическое существование и независимое домашнее хозяйство.

На первый, поверхностный взгляд может показаться, что это в точности такой же брак, какой принят у нас. Однако в действительности он совершенно иной. Во-первых, муж не считается отцом детей в обычном для нас смысле; согласно представлениям туземцев, которым неведома идея физического отцовства, он не имеет никакого отношения к их рождению с физиологической точки зрения. Дети, по туземным поверьям, это крошечные духи, помещаемые в лоно матери, как правило, через посредство духа ее покойной кровной родственницы[4]. Муж должен защищать детей и заботиться о них, «принять их в свои объятия», когда они рождаются, но они — не «его» дети в том смысле, что он участвовал в их зачатии.

Таким образом, отец — это любимый, доброжелательный друг, но не признанный официально кровный родственник детей. Он — посторонний человек, пользующийся авторитетом благодаря личным отношениям с ребенком, а не социальному положению в роду. Кровное родство, т.е. тождество материи, «та же плоть», связывает ребенка только с матерью. Власть над детьми принадлежит брату матери. Согласно строгому табу, запрещающему любые дружеские отношения между братьями и сестрами, он не может быть близок с матерью и, следовательно, с ее семейством. Она признает его власть и склоняется перед ним, как простой

[4] См. мои работы: «Отец в примитивной психологии» (The Father in Primitive Psychology // Psyche Miniatures. 1927) и «Балома — духи мертвых» (*Малиновский Б.* Балома: духи мертвых на Тробрианских островах // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004).

человек склоняется перед вождем, но между ними не может быть нежных отношений. Ее дети при этом — его единственные наследники и потомки, и он обладает над ними непосредственной властью. После его смерти его собственность переходит к ним, и в течение своей жизни он должен передать им все особые умения, которыми владеет, — танцы, песни, мифы, магию и ремесла. Он также кормит сестру и ее семью, большая часть того, что выращивается в его саду, идет им. Итак, от отца дети ждут только любящей заботы и нежной дружбы. Брат их матери олицетворяет собой принцип дисциплины, авторитета и исполнительной власти в семье[5].

Жена относится к мужу отнюдь не подобострастно. У нее есть свое имущество и своя собственная сфера влияния, частная и общественная. Дети никогда не видят, чтобы отец грубо обращался с матерью. В то же время отец только отчасти является кормильцем семьи и главным образом должен работать на своих сестер, и мальчики знают, что, когда вырастут, должны будут в свою очередь работать на своих сестер.

Брак ориентирован на отца: жена переходит в дом и общину мужа, если происходит из другой, как это обычно бывает. Дети, следовательно, растут в общине, официально им чуждой, не имея ни права на землю, ни законного права гордиться своей деревней; их дом, имущество, малая родина, родовая гордость относятся к другому месту. Это двоякое влияние порождает странные сочетания и путаницу.

[5] Описание необычного экономического устройства этих туземцев вы найдете в моей статье «Примитивная экономика» (Primitive Economics // Economic Journal. 1921) и книге «Аргонавты западной части Тихого океана», гл. II и VI (*Малиновский Б.* Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004).

Правовое устройство исчерпывающе описано в моей книге «Преступление и обычай в обществе дикарей» (1926 г.) (*Малиновский Б.* Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004).

С раннего возраста сыновья и дочери одной матери разделены в семье в соответствии со строгим табу, запрещающим любые близкие отношения между ними и, прежде всего, предписывающим им не иметь никаких общих дел, как-либо связанных с сексуальной сферой. Так, табу запрещает брату, во всем остальном пользующемуся властью над сестрой, пускать в ход эту власть, когда речь идет о ее браке. Следовательно, право давать или не давать согласие на брак остается за родителями, и отец — муж ее матери — наделен наибольшими полномочиями только в этом единственном случае.

Огромная разница между двумя типами семьи, составляющими предмет нашего анализа, начинает проясняться. Во главе семьи нашего типа стоит властный, авторитарный муж и отец, пользующийся поддержкой общества[6]. Также наше экономическое устройство отводит ему роль кормильца семьи, который может — по крайней мере, номинально — быть щедрым или скупым, на свое усмотрение. На Тробрианских островах, напротив, мать независима, а муж не имеет никакого отношения к зачатию детей, не является кормильцем семьи, не может оставить детям свое имущество и не имеет над ними власти в социальном смысле. Родственники же матери обладают большим влиянием,

[6] Я хотел бы отметить, что, хотя под «нашей собственной» цивилизацией я имею в виду европейское и американское общество в целом, прежде всего я говорю о «типичной» европейской семье, поскольку выводы психоанализа основаны на этом материале. Я не берусь сказать, существует ли среди высших социальных слоев западноевропейских или североамериканских городов тенденция к установлению материнского права, скорее схожего с правовыми идеями Меланезии, чем с римским и континентальным правом. Если тезис этой книги верен, некоторые современные явления в области секса («вечеринки с поцелуями» и т.п.), а также ослабление патриархальной системы должны принципиально изменить эмоциональные установки и отношения внутри семьи.

особенно ее брат — кормилец семьи, чье имущество сыновья наследует после его смерти. Таким образом, в этом отношении социальная жизнь и семья тробрианцев организованы совершенно иначе, чем в нашей культуре.

При том, что семейная жизнь матрилинейного общества представляет интерес для изучения, может показаться излишним останавливаться на нашей собственной семейной жизни, которую все мы так хорошо знаем и которая так часто обсуждается в новейшей психоаналитической литературе. Мы могли бы принять ее как нечто само собой разумеющееся. Но, во-первых, строгий компаративный подход требует четких представлений о сравниваемых объектах; а во-вторых, поскольку приводимые здесь матрилинейные данные получены с помощью специальных методов антропологической полевой работы, европейский материал должен быть представлен в том же виде — как если бы он был получен с помощью тех же методов научного наблюдения и проанализирован с антропологической точки зрения. Как уже отмечалось, я не нашел ни в одном психоаналитическом труде прямого и последовательного описания социальной среды; еще меньше мне удалось обнаружить сведений о том, как нуклеарный комплекс и обусловливающие его причины варьируются в нашем обществе в зависимости от социальной группы. Однако очевидно, что детские конфликты в покоях обеспеченных буржуа и в крестьянской хижине или в однокомнатной «клетушке» бедного рабочего совершенно различны. Теперь, просто для того чтобы подтвердить истинность психоаналитической доктрины, было бы полезно рассмотреть низшие, грубые слои общества, где вещи называются своими именами, где ребенок находится в постоянном контакте с родителями, живет и ест в одной с ними комнате и спит в одной с ними постели, где никакой «заместитель родителя» не осложняет картину, хорошие манеры не умеряют животные инстинкты и где мелкие дрязги и соперничество по-

вседневной жизни выливаются в ожесточенную, хотя и затаенную вражду[7].

Мы можем добавить, что изучение социальных и биологических оснований нуклеарного комплекса с целью дальнейшего применения этого понятия в фольклористике настоятельно требует учитывать крестьян и необразованные классы. Это объясняется тем, что народные традиции берут начало в обстоятельствах, скорее напоминающих жизненные условия современного крестьянина или бедного ремесленника Центральной и Восточной Европы, нежели жизненные условия раскормленных нервических жителей Вены, Лондона или Нью-Йорка.

Для ясности сравнения я разделю детство на этапы и каждый из них буду рассматривать отдельно, описывая и сравнивая их в обоих обществах. Для осмысления нуклеарного комплекса важно четко различать этапы семейной жизни, поскольку психоанализ — и это действительно одна из главных его заслуг — раскрыл ярусность человеческого сознания и показал его примерное соответствие этапам развития ребенка. Определенные периоды сексуальности, кризисы, сопутствующие регрессии и амнезии, когда некоторые воспоминания вытесняются в сферу бессознательного, — все это предполагает четкое разделение жизни ребенка на периоды[8]. Для нашей цели достаточно вы-

[7] Мои личные познания о жизни, обычаях и психологии восточноевропейских крестьян подтверждают глубокую разницу между необразованными и образованными классами одного и того же общества в том, что касается психологических установок родителей по отношению к детям и детей — к родителям.

[8] Хотя разделение на несколько отдельных этапов играет важнейшую роль во фрейдовском понимании детской сексуальности, в его наиболее обстоятельной работе на эту тему («Три очерка по теории сексуальности») последовательные этапы не представлены ни явным, ни неявным образом. Это несколько затрудняет чтение книги для неспециалиста в психоанализе и порождает определенные двусмысленности

делить четыре периода в развитии ребенка, определяемые биологическими и социальными факторами.

Младенчество — период, когда ребенок полностью зависим от матери, нуждается в грудном питании и защите, не может самостоятельно двигаться, не может сообщить свои мысли и желания. Мы будем исходить из того, что этот период длится от рождения до времени отнятия от груди. В диких племенах он продолжается около двух-трех лет. В цивилизованном обществе он намного короче — как правило, около года. Но для разделения детства на этапы лучше ориентироваться на естественные сроки. Ребенок в этом возрасте физиологически привязан к семье.

Раннее детство — возраст, в котором ребенок, неспособный пока еще существовать независимо от матери, тем не менее может двигаться, говорить и самостоятельно играть рядом с ней. Мы будем исходить из того, что этот период длится три или четыре года и, таким образом, завершается примерно в возрасте шести лет. На этот период жизни приходится первый постепенный разрыв семейных связей. Ребенок учится быть самостоятельным и независимым от семьи.

Детство — достижение относительной независимости, время бесцельных прогулок и игр с другими детьми. Это также время, когда во всех ответвлениях человечества и во всех социальных классах ребенок так или иначе принимается в полноправные члены общества. Некоторые дикие племена проводят под-

Окончание сн. 8

и противоречия, действительные и мнимые, которые автор настоящей книги пока не разрешил полностью. Прекрасное в остальном флюгелевское толкование положений психоанализа (*Flügel.* The Psycho-Analytic Study...) также грешит этим недостатком, что очень досадно в работе, которая ставит своей целью прояснение и систематизацию доктрины. Слово «ребенок» используется на протяжении книги то в значении «младенец», то в значении «подросток», и смысл, как правило, приходится понимать из контекста. Я надеюсь, что в этом отношении настоящий труд будет небесполезен.

готовительные ритуалы инициации. Другие племена и наши крестьяне и рабочие, особенно в материковой Европе, начинают обучать ребенка принципам хозяйствования. В западноевропейском и американском обществах в этом возрасте дети отправляются в школу. Это период второго разрыва с семьей, и он длится вплоть до пубертатного периода, имеющего естественные временны́е границы.

Подростковый возраст — от физиологического созревания до полной социальной зрелости. В жизни многих диких племен этот период включает в себя основные обряды инициации; в других племенах в этот период на незамужних девушек и неженатых юношей начинают распространяться племенной закон и порядок. В современном цивилизованном обществе это время средней и старшей ступеней школы или завершающего периода профессионального обучения. Это время окончательного выхода из-под родительской опеки. В диких племенах и низших слоях нашего общества обычно он заканчивается браком и созданием новой семьи.

3. ПЕРВЫЙ ЭТАП СЕМЕЙНОЙ ДРАМЫ

Полная зависимость детеныша от матери характерна для всех млекопитающих: от матери зависят питание, защита, тепло, чистота и физический комфорт ребенка. Этим потребностям соответствуют различные виды телесного взаимодействия матери и ребенка. Физиологически мать испытывает сильную инстинктивную привязанность к ребенку, а ребенок тянется к материнскому организму, нуждаясь в тепле ее тела, безопасности ее объятий и, прежде всего, в ее молоке и контакте с ее грудью. Сначала их связь определяется избирательным пылом матери — ей дорог только ее ребенок, а ребенка устроит грудь любой кормящей женщины. Но вскоре ребенок также начинает отличать мать, и его привязанность к ней приобретает

индивидуальный, исключительный характер. Таким образом, при рождении между матерью и ребенком устанавливается пожизненная связь.

Эта связь основана на том биологическом факте, что в раннем возрасте млекопитающие не могут обходиться без посторонней помощи, и, следовательно, выживание вида зависит от одного из сильнейших инстинктов — инстинкта материнской любви. Но общество спешит вмешаться и добавить к мощному голосу природы свой поначалу шаткий закон. Во всех человеческих обществах, как диких, так и цивилизованных, обычай, право и нравы, иногда даже религия признают связь между матерью и ребенком обычно уже в первые месяцы беременности. Мать, а иногда и отец должны соблюдать различные табу и ограничения либо проводить обряды, чтобы обеспечить благополучие новой жизни в лоне матери. Рождение ребенка — всегда значимое общественное событие, с которым связаны многие традиции и практики, часто религиозные. Таким образом, наиболее естественная и непосредственно биологическая связь — связь между матерью и ребенком — имеет как общественное, так и физиологическое измерение и не может быть описана без указания на влияние традиций и обычаев общества.

Попробуем кратко обобщить и охарактеризовать эти социальные содетерминанты материнства в нашем собственном обществе. Материнство — нравственный, религиозный и даже художественный идеал цивилизованного мира, беременная женщина защищена законом и обычаем и является объектом поклонения, сама же она в своем положении должна быть счастливой и гордой. Осуществимость этого идеала подтверждается историческими и этнографическими данными. Даже в современной Европе ортодоксальные польские евреи сохраняют это отношение, и для них беременная женщина — объект почитания. В христианских арийских обществах среди низших классов беременность

воспринимается как обуза и помеха; среди состоятельных людей — как неудобство, затруднение и причина временного изгнания из обычной социальной жизни. Поскольку мы, таким образом, должны признать важность дородовой эмоциональной установки матери относительно будущего ребенка и поскольку подобная установка в значительной степени зависит от социальной среды и социальных ценностей, необходимо более тщательно изучить эту социологическую проблему.

Общество одобряет и подкрепляет биологические особенности и инстинктивные импульсы матери; многие социальные обычаи, идеалы, этические нормы направлены на то, чтобы мать была нянькой своему ребенку, и это в целом характерно как для низших, так и для высших классов почти всех народов Европы. Однако даже эти фундаментальные, биологически обусловленные отношения подвергаются значительным аберрациям в определенных обществах вследствие установившихся обычаев и слабости врожденных импульсов. Так, во Франции среди средних слоев было принято отдавать ребенка кормилице на первый-второй годы жизни; не менее пагубным был обычай нанимать кормилицу или давать младенцу искусственную пищу для сохранения формы груди матери — когда-то он был широко распространен среди обеспеченных классов, но сейчас осуждается как противоестественный. Здесь вновь нужно добавить социологические штрихи к картине материнства с учетом изменений, которые она претерпевает вследствие национальных, экономических и этических различий.

Рассмотрим теперь те же отношения в матрилинейном обществе побережья Тихого океана. Меланезийка неизменно выказывает горячую любовь к своему ребенку, и окружающее общество поддерживает, поощряет и идеализирует ее чувства посредством традиций и обычаев. С первого месяца беременности женщина должна заботиться о благополучии будуще-

го ребенка, соблюдая ряд пищевых табу и другие ограничения. Беременная женщина традиционно является объектом поклонения, идеалом, полностью претворенным в жизнь в поведении и чувствах туземцев. При первой беременности проводится сложная церемония, с несколько неясной целью, но подчеркивающая важность события и оказывающая почет беременной женщине.

После родов мать и ребенок уединяются примерно на месяц, мать постоянно занимается ребенком, нянчит его, и в хижину допускаются только определенные родственники женского пола. Усыновление ребенка в обычных обстоятельствах — крайне редкое явление, и даже в этом случае ребенка отдают только после того, как отлучили от груди; и ни при каких обстоятельствах его не могут усыновить посторонние люди, только ближайшие родственники. Ряд обрядов, таких как ритуальное омовение матери и ребенка, особые табу, соблюдаемые матерью, соединяют мать и дитя узами обычая в дополнение к естественным узам[9].

Таким образом, в обоих обществах биологический инстинкт дополняется социальными установлениями обычая, этических норм и нравов, и все они работают в одном направлении, усиливая связь матери и ребенка, создавая условия для полной реализации радости материнства. Это согласие между социальными и биологическими факторами является залогом полного удовлетворения и высочайшего блаженства. Общество объединяется с природой, чтобы воспроизвести условия счастливого пребывания плода в утробе, нарушенные травмой рождения. Доктор Ранк в работе, которая уже признана значимой для развития психо-

[9] Важная форма табу, соблюдаемая матерью после рождения ребенка, — сексуальное воздержание. Прекрасное описание высоких нравственных взглядов туземцев в связи с этим обычаем можно найти в книге Дж. Питт-Риверса «Контакт рас и культурный конфликт» (*Pitt-Rivers G.* The Contact of Races and Clash of Culture. 1927. Ch. VIII. Sec. 3).

анализа[10], показал, насколько важны для последующей жизни внутриутробное существование и память о нем. Что бы мы ни думали о «травме» рождения, первые месяцы жизни после рождения, бесспорно, повторяют благодаря действию как биологических, так и социологических факторов блаженное состояние ребенка, прерванное «травмой» отнятия от груди. Исключения можно найти только среди высших слоев цивилизованного общества.

Еще большие различия между патрилинейной и матрилинейной семьей в этот период обнаруживаются в вопросе отцовства. Достаточно неожиданно, что в примитивном обществе, которому неведома физическая связь отца с ребенком и где царит материнское право, отец должен поддерживать куда более близкие отношения с ребенком, чем это обычно бывает в нашем обществе. В нашем собственном обществе отец играет незначительную роль в жизни грудного ребенка. Согласно обычаям, традициям и нравам отец из обеспеченных слоев не допускается в детскую комнату, а крестьянин или рабочий вынужден оставлять ребенка и жену одних на большую часть суток. Его может возмущать, что ребенок требует к себе столько внимания и что забота о нем отнимает столько времени, но, как правило, он и не помогает, и не мешает управляться с маленьким ребенком.

Для меланезийцев, как мы знаем, «отцовство» — исключительно социальная связь. Отчасти она определяется его долгом перед детьми жены; он должен «принять их в свои объятия» — мы уже цитировали эту фразу; должен нести их, если в походе мать устала, и должен помогать ей заботиться о них дома. Он обслуживает, моет их, и в меланезийском языке существует

[10] «Травма рождения» (Das Trauma der Geburt, 1924). Излишне говорить, что выводы доктора Ранка в этой книге совершенно неприемлемы для автора данной работы, который не только не признает последних достижений психоанализа, но даже и не понимает их смысла.

множество стандартных выражений, описывающих тяготы отцовства и сыновнюю благодарность. Типичный отец на Тробрианских островах — трудолюбивая, добросовестная нянька, и в этом он следует чувству долга, отраженному в социальной традиции. Тем не менее отец всегда искренне интересуется своими детьми, иногда даже страстно, и исполняет все свои обязанности усердно и с любовью.

Итак, сравнивая патриархальное и матриархальное отношения к ребенку на этом первом этапе, мы видим, что главное отличие заключается в роли отца. В нашем обществе отец исключен из ситуации и в лучшем случае исполняет второстепенную роль. На Тробрианских островах он играет весьма активную роль, и это позволяет ему создать куда более прочную и нежную связь с детьми. В обоих обществах, за редкими исключениями, невелика вероятность возникновения конфликта между биологическими тенденциями и социальными условиями.

4. ОТЦОВСТВО ПРИ МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ

Мы переходим к тому периоду, когда ребенок уже отлучен от груди, учится ходить и начинает говорить. Однако биологически он медленно обретает независимость от тела матери. Он не меньше тянется к матери, для него не менее важны ее присутствие, прикосновение, нежные объятия.

Это естественное, биологическое желание, но в нашем обществе желания ребенка рано или поздно пресекаются. Прежде всего надо понимать, что период, о котором мы будем говорить, начинается с процесса отлучения от груди. С этого момента блаженная гармония младенческой жизни разрушается или, по меньшей мере, видоизменяется. Среди высших классов отлучение ребенка от груди подготавливается понемногу, осуществляется постепенно и обычно проходит безболезненно. Но среди низших классов в нашем

обществе отлучение от груди — обычно тяжелое испытание для матери и, конечно, для ребенка. Позже другие силы начинают препятствовать близости матери и ребенка, с которым на этом этапе происходят разительные изменения. Он обретает независимость в движениях, может самостоятельно есть, выражать свои чувства и мысли, начинает понимать и наблюдать. В высших классах общества мать и ребенок разлучаются постепенно. Это не вызывает шока у ребенка, но оставляет в его жизни пустоту, тоску и неудовлетворенное желание. В низших классах, где ребенок спит в одной постели с родителями, в какой-то момент это начинает вызывать неудобства, ребенок становится помехой и страдает от более грубого обращения.

Чем материнство на коралловых островах Новой Гвинеи отличается на этом этапе от материнства в нашем обществе? Во-первых, отлучение ребенка от груди происходит намного позже, когда ребенок уже самостоятелен, может бегать, играть, ест практически любую пищу и имеет другие интересы; т.е. это происходит тогда, когда ребенок сам не нуждается более в молоке матери, и таким образом исключается первая детская травма.

«Матриархат» — право матери, ни в коем случае не означает власть жестоких, страшных мегер. Матери на Тробрианских островах холят и лелеют своих детей, играют с ними в это время так же ласково, как и на более раннем этапе, и это поведение поддерживается обычаями и этическими нормами. Также в соответствии с законом, обычаями и традициями ребенка и мать связывают более тесные узы, чем жену и мужа, чьи права подчинены правам ребенка. Психология семейных отношений, следовательно, имеет иной характер, и отторжение ребенка отцом происходит редко, если вообще происходит. Другое различие между меланезийской и типичной европейской матерью заключается в том, что первая — куда более снисходительна: ребенка воспитывают мало и почти не занимаются его

нравственным воспитанием, и поскольку все прочие процессы начинаются позже и осуществляются другими людьми, для жестокости не остается места. Это отсутствие материнской дисциплины предотвращает, с одной стороны, такие отклонения, как суровость, иногда имеющая место в нашем обществе; с другой же стороны, вследствие этого ребенок теряет интерес, желание угодить матери и получить ее одобрение. Как мы помним, в нашем обществе это желание — одна из основ сыновней привязанности, позволяющая установить длительную связь в последующей жизни.

Если вернуться к роли отца, мы видим, что в нашем обществе, вне зависимости от национальности или общественного класса, отец по-прежнему имеет статус патриарха[11]. Он — глава семьи и существенное звено рода, он также кормилец семьи.

Будучи абсолютным правителем в семье, он может стать тираном, и в этом случае между ним и женой, между ним и детьми возникают всевозможные конфликты. Их особенности во многом определяются социальной средой. В обеспеченных слоях западного цивилизованного мира ребенок отделен от отца множеством установлений. Хотя ребенок постоянно находится под присмотром няни, обычно о нем также заботится и осуществляет контролирующую функцию мать, и в этом случае она почти всегда становится главным объектом привязанности ребенка. Отец, с другой стороны, редко появляется на горизонте ребенка, причем, как правило, только в качестве стороннего наб-

[11] Здесь я вновь должен сделать исключение для современной американской и британской семьи. Отец постепенно теряет свое положение патриарха. Однако, поскольку этот процесс еще не завершен, было бы неразумно брать его здесь в расчет. Я полагаю, психоанализ не может надеяться сохранить концепцию Эдипова комплекса для будущих поколений, которые будут знать только слабовольного отца, находящегося под каблуком у жены. К нему дети будут испытывать скорее жалость и снисходительность, чем страх и ненависть!

людателя и чужака, в присутствии которого ребенок должен хорошо себя вести, рисоваться и показывать себя. Отец для ребенка — это власть и наказание, и это делает его устрашающей фигурой. Обычно результатом становятся смешанные чувства; он — идеальное существо, вокруг него вертится мир; и в то же время он — «великан-людоед», которого ребенок должен бояться и для удобства которого, как вскоре понимает ребенок, организовано все в доме. Любящий и сочувствующий отец легко исполнит роль полубога. Напыщенный, неласковый или бестактный вскоре вызовет подозрительность и даже ненависть ребенка. По отношению к отцу мать становится посредником, иногда готовым донести о шалостях ребенка вышестоящим органам, но в то же время способным встать на его защиту и отвратить наказание.

В случае с бедными крестьянами или рабочими Центральной и Восточной Европы, которые всем семейством делят одну комнату и даже одну кровать, картина иная, хотя результаты сходны. Отец поддерживает более тесный контакт с ребенком, что иногда позволяет развиться большей привязанности, но, как правило, приводит к хроническим и более тяжелым конфликтам. Когда отец возвращается домой уставший с работы или пьяный из трактира, он, конечно, срывает плохое настроение на домочадцах и грубо обращается с женой и ребенком. Нет ни одной деревни, ни одного бедного квартала в современном городе, где бы не имели место случаи настоящей патриархальной жестокости. Из своего личного опыта я могу привести множество случаев, когда крестьяне, вернувшись домой, исключительно ради удовольствия били детей или вытаскивали их из постели и отправляли на улицу в холодную ночь.

Даже в лучшем случае, как только отец возвращается домой с работы, дети должны вести себя тихо, прекратить шумные игры и сдерживать спонтанные, характерные для детей вспышки эмоций. Отец — также

высшая карательная инстанция в бедных домах, в то время как мать выступает заступницей и часто терпит то же обращение, что и дети. Более того, в еще более бедных домах экономическая роль кормильца и социальный авторитет отца признаются еще быстрее и безоговорочнее наряду с его личным влиянием.

Роль меланезийского отца на этом этапе существенно отличается от роли европейского патриарха. Я вкратце описал в четвертой главе его общественное положение в качестве мужа и отца и роль, которую он исполняет в доме. Он не является главой семьи и ее кормильцем, и дети не ведут от него свое происхождение. Это полностью меняет его юридические права и его личное отношение к жене. Мужчина с Тробрианских островов редко ссорится с женой, едва ли когда-либо пытается обойтись с ней грубо и никогда не может установить длительную тиранию. Даже сексуальное сожительство не считается по местному закону и обычаю обязанностью жены и исключительным правом мужа, как это принято в нашем обществе. Аборигены Тробрианских островов считают, в соответствии с традициями, что муж в долгу перед своей женой за сексуальные услуги, что он должен заслужить их и затем оплатить. Один из способов, собственно, главный способ, для него выполнить свой долг — заботиться о детях и показывать свою привязанность к ним. В меланезийском языке существует множество поговорок, отражающих эти принципы в своего рода бытовом фольклоре. Для грудного ребенка муж — любящая и заботливая нянька; позже, в раннем детстве он играет с ним, носит на руках и обучает спортивным играм.

Таким образом, правовые, этические и другие традиции племени и все общественные силы создают совершенно иное положение мужчины как супруга и отца, отличное от положения патриарха. И хотя описываем мы его абстрактно, это ни в коем случае не просто формальный, отвлеченный принцип. Он выра-

жается в каждой мелочи повседневной жизни, определяет все семейные отношения и чувства. Дети никогда не видят свою мать в подчиненном положении или жалкой зависимости от мужа, даже если она — простолюдинка замужем за вождем. Отец никогда не бьет детей; он не их кровный родственник, не их господин, не их благодетель. У него нет прав или привилегий. Тем не менее он, как и любой другой нормальный отец во всем мире, питает к ним нежную привязанность; и это чувство, вместе с его традиционными обязанностями, побуждает его пытаться завоевать их любовь и тем самым сохранить свое влияние на них.

Сравнивая отцовство в Меланезии и Европе, необходимо учитывать как биологические, так и социологические факты. С биологической точки зрения, каждый человек, несомненно, склонен испытывать нежные и теплые чувства к своим детям. Но эта склонность, по-видимому, недостаточно сильна, чтобы перевесить испытания, которые влечет за собой рождение детей. Поэтому когда общество вмешивается и заявляет, что отец является абсолютным господином и дети служат его удовольствию и славе, это социальное влияние нарушает равновесие естественной привязанности и естественного раздражения, вызванного тяготами. Матрилинейное общество, напротив, не дает отцу никаких прав и привилегий на привязанность детей, он должен ее заслужить, и в этом же нецивилизованном обществе на него меньше давят экономические обязанности и амбиции, в результате он может свободнее следовать своим отцовским инстинктам. Следовательно, в нашем обществе баланс между биологическими и социальными силами, соблюдавшийся в раннем детстве, затем нарушается. В меланезийском обществе гармоничные отношения сохраняются.

Отцовское право, как мы могли убедиться, во многом является источником семейных конфликтов, накладывая на отца общественные требования и даруя ему особые привилегии, не соответствующие ни био-

логическим тенденциям, ни личным чувствам, которые он может испытывать к детям и вызывать в них.

5. ДЕТСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Вступая на территорию, осваиваемую Фрейдом и психоаналитиками, я тем не менее старался избегать темы секса, отчасти потому что хотел подчеркнуть социологический аспект моей работы, отчасти — остерегаясь спорных теоретических моментов, таких как природа взаимной привязанности матери и ребенка или «либидо». Но на этапе, когда дети начинают самостоятельно играть и проявлять интерес к окружающим людям, сексуальность впервые обретает форму, которая непосредственно влияет на семейную жизнь и может быть подвергнута внешнему социологическому наблюдению[12]. Внимательный наблюдатель за поведением европейских детей, не забывший свое собственное детство, должен будет признать, что в раннем возрасте, между тремя и четырьмя годами, ребенок начинает испытывать интерес и любопытство особого рода. Помимо мира законных, нормальных и «милых» вещей ему открывается мир постыдных желаний, тайных интересов и скрываемых импульсов. Появляются две категории вещей — «приличные» и «неприличные», «невинные» и «грязные», и различать эти категории необходимо на протяжении всей оставшейся жизни.

[12] Читатель, интересующийся темой детской сексуальности и детской психологии, также может познакомиться с трудами: А. Молла «Сексуальная жизнь детей» (*Moll A.* Das Sexualleben des Kindes. 1908); Хэвлока Эллиса «Исследования психологии пола» (*Ellis H.* Studies in the Psychology of Sex. 1919. P. 13; 1910. Vol. I. P. 36, 235). Не меньший интерес представляют книга Г. Плосса (под редакцией Ренца) «Ребенок в народных обычаях и нравах» (*Ploss-Renz.* Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. 1911–1912); труд Шарлотты Бюлер «Внутренняя жизнь подростков» (*Bühler Ch.* Das Seelenleben des Jugendlichen. 1925) и работы Уильяма Штерна на тему детской психологии.

Некоторые люди полностью подавляют в себе «неприличное», и гипертрофированные приличные ценности превращаются в злобную пуританскую добродетель или еще более отвратительное лицемерие традиционной морали. Или «приличное» глушится излишествами порнографического характера, и «непристойное» оборачивается полной развращенностью ума, что не менее отвратительно, чем лицемерная «добродетель».

На втором этапе детства, который мы сейчас разбираем (примерно от четырех до шести лет, по моей схеме), «неприличное» сосредоточивается вокруг интереса к выделительным функциям, эксгибиционизма и игр с обнажением, часто связанных с жестокостью. Дифференциации между полами пока почти нет, как нет и интереса к половому акту. Всякий, кто достаточно долго жил среди крестьян и хорошо знаком с тем, как проходит их детство, знает, что там это обычное, хотя и не афишируемое положение вещей. В рабочем классе дело, по-видимому, обстоит так же[13]. В высших слоях «непристойности» не носят принципиально иного характера, хотя и подавляются в гораздо большей степени. Проводить наблюдения в этой социальной страте намного сложнее, чем среди крестьян; тем не менее их необходимо проводить с педагогическими, нравственными и евгеническими целями и разрабатывать подходящие методы исследования. Результаты, я думаю, в значительной мере подтвердят некоторые утверждения Фрейда и его школы[14].

[13] Добросовестный социолог Золя дал нам богатый материал на эту тему, полностью соответствующий моим собственным наблюдениям.

[14] По моим наблюдениям, тезисы Фрейда о нормальности раннего развития сексуальности, незначительной дифференциации между полами, анальном эротизме и отсутствии генитального интереса верны. В недавней статье «Очерк истории психоанализа» (1923) Фрейд несколько изменил свою точку зрения и утверждает, не приводя аргументы, что на этом этапе детям уже свойственен «генитальный» интерес. Я с этим не могу согласиться.

Как пробудившаяся детская сексуальность или непристойное поведение влияют на отношение ребенка к семье? В разделении чего бы то ни было на «приличное» и «неприличное» родители и особенно мать всецело принадлежат к первой категории и не затронуты в сознании ребенка «неприличными» смыслами. Чувство, что мать может знать о неприличных детских играх, крайне неприятно ребенку, и у него совершенно нет желания в ее присутствии упоминать или говорить с ней на темы, связанные с сексом. Отец, который также находится строго вне «неприличной» категории, кроме того, является моральным авторитетом, и его такие мысли и занятия могут оскорбить. Ведь «неприличное» всегда сопровождается чувством вины[15].

Фрейд и школа психоанализа акцентировали сексуальное соперничество между матерью и дочерью, отцом и сыном соответственно. Лично я считаю, что соперничество между матерью и дочерью не начинается в столь раннем возрасте. Во всяком случае я никогда не видел тому никаких подтверждений. Отношения между отцом и сыном сложнее. При том, что, как уже говорилось, у маленького мальчика нет мыслей, желаний или импульсов по отношению к матери, которые

[15] Подходы современных родителей быстро меняются. Сейчас мы старательно «просвещаем» детей и обстоятельно готовим их к сексу. Однако, во-первых, мы должны помнить, что имеем дело с меньшинством, даже среди британской и американской интеллигенции. А во-вторых, я вовсе не уверен, что в результате такого подхода удастся в значительной мере преодолеть робость и стеснительность детей перед родителями, когда речь идет о сексе. Даже среди взрослых, по-видимому, существует общая тенденция избегать сильных, волнующих и неоднозначных эмоций в любых стабильных отношениях, основанных на ежедневном общении. Даже у тробрианцев, в целом «несдержанных», родитель никогда не выступает доверенным лицом ребенка в вопросах секса. Поразительно, насколько легче признаться в чем-то щекотливом или постыдном тем друзьям и знакомым, которые не слишком тесно соприкасаются с нашей повседневной жизнью.

бы он сам отнес к категории «неприличного», очевидно, что молодой организм реагирует на близкий физический контакт с матерью[16]. Общеизвестен совет, который старухи-крестьянки дают молодым матерям: после трех лет мальчики должны спать отдельно от матери. Крестьянам хорошо известно как о детских эрекциях, так и о том, что мальчик привязан к матери иначе, чем девочка. То, что в таких условиях в отношениях отца и его маленького сына есть элемент соперничества, представляется вероятным даже стороннему наблюдателю. Психоаналитики безоговорочно поддерживают эту точку зрения. Среди обеспеченных классов грубые конфликты возникают реже, если вообще возникают: вместо этого они разыгрываются в воображении и носят характер хотя и более утонченный, но от этого не менее коварный.

Нужно отметить, что на этом этапе, когда ребенок начинает проявлять соответствующие его полу характер и темперамент, родители по-разному относятся к дочери и сыну. Отец видит в сыне своего наследника, который займет его место в роду и в доме. Поэтому он становится все более требовательным, и это влияет на его чувства в одном из двух направлений: если у мальчика обнаруживаются умственные или физические недостатки, если он не соответствует идеалу отца, он становится предметом горького разочарования и враждебности. Вместе с тем даже на этом этапе соперничество, обида на то, что ребенок в будущем его заменит, и меланхолия стареющего отца ведут опять-таки к враждебности. Подавленная в том и другом случае враждебность ожесточает отца против сына и

[16] Это было написано в 1921 г., и с тех пор я изменил свои взгляды на предмет. Утверждение, что «молодой организм реагирует на близкий физический контакт с матерью», кажется мне теперь абсурдным. Я рад, что могу использовать столь выразительное слово, при том что сам же и высказал эту абсурдную мысль. Я привожу адекватный, как мне кажется, анализ этого аспекта детской психологии позднее (см. часть IV, гл. 9).

вызывает в ответ враждебные чувства. В то же время у матери нет причин для негативных эмоций, и, кроме того, она восхищается сыном как будущим мужчиной. Чувство отца к дочери — его повторению в женском обличье, — как правило, исполнено нежности и, возможно, тщеславия. Таким образом, социальные факторы соединяются с биологическими и побуждают отца более нежно относиться к дочери, чем к сыну, а мать — наоборот — к сыну. Но нужно заметить, что склонность к ребенку противоположного пола, потому что он противоположного пола, необязательно имеет сексуальный характер.

В Меланезии мы находим совершенно иной тип сексуального развития ребенка. То, что биологические импульсы принципиально не меняются, кажется очевидным. Но я не нашел никаких признаков того, что можно назвать непристойным поведением или подпольным миром, где ребенок тайно предается занятиям, в основном связанным с выделительными функциями организма или эксгибиционизмом. Разумеется, наблюдения за этой сферой жизни в силу самой ее природы затруднительны: установить личный контакт с ребенком из дикого племени очень непросто, и если бы для дикарей существовал мир неприличного, как он существует для нас, было бы так же бесполезно расспрашивать среднего взрослого меланезийца, как и обычных мать, отца или няньку в нашем обществе. Но есть одно обстоятельство, которое настолько кардинально меняет ситуацию в отношении этих туземцев, что здесь невозможно ошибиться: проявления детской сексуальности генитального типа на более позднем этапе, чем тот, о котором мы говорим сейчас, — примерно в возрасте пяти или шести лет — не подвергаются ни вытеснению, ни цензуре, ни моральному осуждению. Поэтому если бы на более раннем этапе имело место непристойное поведение, тем легче было бы его наблюдать на более позднем генитальном этапе сексуальных игр.

Как тогда объяснить отсутствие в примитивном обществе периода, связанного с тем, что Фрейд называет «прегенитальным», «анально-эротическим» интересом? Мы лучше это поймем, когда познакомимся с особенностями детской сексуальности на следующем этапе развития ребенка и увидим, что в этом отношении меланезийские дети существенно отличаются от наших.

6. ПЕРИОД УЧЕНИЧЕСТВА

Мы приступаем к анализу третьего этапа детства, начинающегося в пять–семь лет. В этом возрасте ребенок начинает ощущать себя независимым, придумывает собственные игры, ищет среди ровесников товарищей по играм, с которыми он хочет гулять без присмотра взрослых. Это время, когда игра начинает перерастать в более определенные занятия и серьезные жизненные интересы.

Продолжим наши сравнения на этом этапе. В Европе с началом школьной жизни — или обучения ремеслу, как это принято у необразованных классов, — ребенок освобождается от влияния семьи. Мальчик или девочка до некоторой степени утрачивают исключительную связь с матерью. В случае с мальчиком часто в этот период происходит перенос сентимента на заместительницу матери: какое-то время ребенок воспринимает ее с той же пылкой нежностью, какую прежде питал к матери, но без других чувств. Подобный перенос не следует путать с более поздней склонностью мальчиков-подростков влюбляться в женщин старше них. В то же время возникает желание освободиться от собственнической материнской заинтересованности, и доверие ребенка становится уже не столь безоговорочным. У крестьян и низших классов отделение от матери происходит раньше, чем среди высших классов, но сам процесс мало чем отличается. Если мать сильно привязана к ребенку, особенно мальчику,

она склонна испытывать некоторую ревность и обиду и всячески препятствовать обретению им независимости. Это, как правило, только усугубляет болезненность разрыва.

Дети на коралловых островах Западной части Тихого океана также стремятся к независимости. Это происходит даже более явным образом, так как отсутствие обязательного образования и строгой дисциплины в этом возрасте позволяет свободнее раскрыться естественным наклонностям детской природы. Однако мать в Меланезии не испытывает ревнивого раздражения или беспокойства в связи с новообретенной независимостью ребенка, поскольку у матери отсутствует сколько-нибудь глубокая воспитательская заинтересованность в ребенке. На этом этапе дети на Тробрианском архипелаге начинают создавать небольшие юношеские сообщества внутри общины. Они бродят группами, играют на отдаленных пляжах или в уединенных уголках джунглей, объединяются с другими сообществами детей из соседних деревень, и во всем этом, хотя они и подчиняются своим лидерам, они почти полностью независимы от взрослых. Родители никогда не пытаются их удерживать, мешать им или устанавливать какой-либо режим. Конечно, сначала семья сохраняет значительное влияние на ребенка, но процесс выхода из-под опеки родителей развивается постепенно, непрерывно, свободно и естественно.

В этом заключается принципиальная разница между Европой, где часто из интимной семейной обстановки ребенок попадает в холодную атмосферу школьной дисциплины или начальной профессиональной подготовки, и Меланезией, где процесс обретения ребенком независимости поступателен, свободен и приятен.

Перейдем к фигуре отца на этом этапе. В нашем обществе — опять-таки за исключением определенных современных аспектов семейной жизни в Великобритании и Америке — он по-прежнему олицетворяет принцип власти в семье. Вне дома, в школе, в мастер-

ской, где крестьянский ребенок знакомится с навыками физического труда, власть принадлежит либо отцу, либо его «заместителю». В высших классах на этот этап приходится очень важный процесс сознательного формирования идеала отца и отцовской власти. Ребенок начинает осмыслять то, что он чувствовал и угадывал прежде, — власть отца как главы семьи и его экономическую роль. Представления о его непогрешимости, мудрости, справедливости и могуществе обычно так или иначе и в различной мере внушаются ребенку матерью или нянькой путем религиозного и нравственного воспитания. Быть идеалом всегда непросто, и поддерживать его в повседневной жизни — действительно трудная задача, особенно для человека, чье плохое настроение и сумасбродство не сдерживаются никакой дисциплиной. Поэтому как только идеал отца складывается, он тут же и разрушается. Сначала, видя слабость или дурной нрав отца, ребенок испытывает только смутное беспокойство, страх вызвать его гнев, ощущение несправедливости, возможно, стыд, когда отец совсем уже не контролирует свои эмоции. Вскоре формируется типичный сентимент по отношению к отцу, смесь противоречивых эмоций — уважения, презрения, привязанности и неприязни, нежности и страха. На этом этапе детства в установке ребенка по отношению к родителю мужского пола дает о себе знать социальное влияние, обусловленное патриархальными институтами. Между отцом и мальчиком более четко выкристаллизовываются описанные в предыдущем разделе соперничество престолонаследника и старого правителя, а также взаимная ревность, и в силу этого в отношениях отца и сына в большей степени проявляются негативные элементы, нежели в отношениях отца и дочери.

Среди низших классов процесс идеализации отца носит более грубый характер, но имеет не меньшее значение. Как уже говорилось, в типичном крестьянском доме отец — откровенный тиран. Мать подчиняется

его власти и передает это отношение детям, которые почитают воплощаемую отцом мощную и грубую силу, но одновременно боятся ее. Здесь также формируется сентимент, состоящий из амбивалентных чувств, причем отец отдает явное предпочтение дочерям.

Какова роль отца в Меланезии? На этом этапе она невелика. Он продолжает быть другом детям, помогает им, учит их тому, что им нравится, и столько, сколько они хотят. Дети на этом этапе менее заинтересованы в нем и в целом предпочитают ему своих маленьких товарищей. Но отец всегда рядом, готовый помочь советом, отчасти товарищ по играм, отчасти защитник.

Однако в этот период в жизнь ребенка вторгаются племенной закон и власть, принуждение и запрет на определенные желания. Но этот закон и принуждение олицетворяет не отец детей, а совершенно другой человек, брат их матери, глава семьи среди мужчин в матриархальном обществе. Именно он обладает властью и активно ею пользуется.

Его власть, будучи подобной отцовской власти в нашем обществе, не полностью ей идентична. Во-первых, он начинает влиять на жизнь ребенка намного позже, чем европейский отец. Кроме того, он никогда не вторгается в интимный мир семьи, поскольку живет в другой хижине и часто в другой деревне, так как брак на Тробрианских островах ориентирован на отца, и его сестра и ее дети живут в деревне мужа и отца. Таким образом, его власть действует на расстоянии и не может стать деспотичной в тех мелочах, которые более всего раздражают. Он привносит в жизнь ребенка, как мальчика, так и девочки, две вещи: во-первых, понятия долга, запрета и принуждения; во-вторых (особенно в жизнь мальчика) понятия честолюбия, гордости и социальных ценностей, половина из которых составляют смысл жизни тробрианца. Принуждение наступает, когда он начинает руководить занятиями мальчика, требовать от него услуг и учить его племен-

ным законам и запретам. Многие из них мальчик уже знает от родителей, но *када* (брат матери) для него — настоящее воплощение власти и правил.

Мальчика шести лет дядя берет с собой в поход, привлекает для работы в саду, для сбора урожая. Участвуя во всех этих видах деятельности в деревне дяди вместе с остальными членами родовой общины, мальчик понимает, что вносит свой вклад в *бутура* своего рода; он все больше ощущает свою принадлежность к этой деревне и населяющим ее людям, осваивает традиции, мифы и легенды своего рода. Также в этом возрасте ребенок часто проводит время с отцом, и интересно отметить разницу в его отношении к двум мужчинам. Отец по-прежнему остается для него близким другом, он любит с ним работать, помогать ему и учиться у него; но он все больше и больше осознает, что эти занятия основаны на доброй воле, а не на законе, что удовольствие, которое он получает, должно быть наградой само по себе, но что слава уходит к чужому роду. Ребенок также видит, что его мать получает от брата распоряжения, принимает от него поддержку, относится к нему с глубоким уважением, склоняется перед ним как простой человек перед вождем. Он постепенно начинает понимать, что он — наследник своего дяди и сам также будет господином над своими сестрами, от которых к этому времени он уже отделен социальным табу, запрещающим между ними любую близость.

Дядя по материнской линии, как отец в нашем обществе, становится идеалом для мальчика, человеком, которому нужно угождать и подражать в будущем. Мы видим, что большинство отличительных черт, делающих столь непростым образ отца в нашем обществе, в Меланезии относятся к брату матери. Он обладает властью, его идеализируют, ему покоряются мать и дети, а отец полностью освобожден от этих неприятных прав и характеристик. Но дядя открывает для ребенка новые понятия, которые делают жизнь больше, инте-

реснее и привлекательнее, — социальное честолюбие, слава и традиции рода, гордость за свой род, перспективы богатства, власти и положения в обществе.

Нужно понимать, что в то время, когда европейский ребенок начинает познавать наши сложные социальные отношения, меланезийский ребенок также начинает постигать принцип родства, являющийся основанием социального устройства. Эти принципы разрушают интимность семейной жизни и заново организуют для ребенка социальный мир, который до сих пор состоял для него из более широкого круга семьи, дальних родственников, соседей и жителей деревни. Ребенок учится различать во всех этих группах две главные категории. К первой относятся члены его рода, его *вейола*. Это прежде всего его мать, его братья и сестры, его дядя по материнской линии и все их кровные родственники. Это люди из той же плоти, что и он. Люди, которым необходимо подчиняться, помогать в работе, выступать на их стороне в войне и личных конфликтах. На женщин его рода накладывается строгое сексуальное табу. Другая социальная категория состоит из чужаков, или «аутсайдеров», *томакава*. Так называют всех людей, которые не являются родственниками по материнской линии или не принадлежат к одной родовой общине. Но в эту группу также входят отец и его родственники, женщины, с которыми мальчик может вступать в брак или любовные отношения. Теперь он может иметь с этими людьми, и особенно с отцом, близкие личные отношения, но это, однако, совершенно игнорируется законом и моралью. Итак, с одной стороны — сознание идентичности и родства, связанное с социальными амбициями и гордостью, но также и с принуждением и сексуальными запретами; а с другой — ничем не ограничиваемые дружба и естественные чувства в отношении отца и его родственников, а также сексуальная свобода, но они не ассоциируются ни с личной идентичностью, ни со связями внутри одной традиции.

7. СЕКСУАЛЬНОСТЬ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ДЕТСТВА

Мы переходим к проблеме сексуальности на третьем этапе — в позднем детстве, как мы можем его назвать; это этап игры и свободных передвижений, который продолжается примерно с пяти-шести лет до полового созревания. Рассматривая предыдущий период детства, я старался разграничивать секс и влияние социальной среды и буду придерживаться этого подхода и здесь, чтобы яснее обозначить вклад биологических и социальных факторов.

По Фрейду, в современной Европе у детей в этом возрасте возникает очень любопытное явление: регрессия сексуальности, латентный период, перерыв в развитии сексуальных функций и импульсов. Этот латентный период особенно важен во фрейдовской системе неврозов, поскольку связан с амнезией, полным забвением, стирающим воспоминания о детской сексуальности. Поразительно, что этот важный и интересный тезис Фрейда другие ученые обходят стороной. Например, Молл в книге о детской сексуальности (основательный и компетентный труд[17]) ничего не говорит о перерыве в сексуальном развитии. Наоборот, его описание подразумевает неуклонное и постепенное увеличение сексуальности в ребенке, кривая растет постоянно, без каких-либо интервалов. Удивительно, но, похоже, иногда Фрейд и сам сомневается в своем тезисе. Этот период детства единственный не имеет ясного и четкого описания, и в одном или двух местах Фрейд даже отрицает его существование[18]. Тем

[17] *Moll.* Das Sexualleben des Kindes.

[18] Латентный период часто упоминается, например, в «Трех очерках», «Лекциях». Но ни в одной из этих книг ему не уделено существенного внимания. Мы читаем: «Латентного периода может и не быть, он вовсе не обязательно прерывает на время сексуальную деятельность и гасит сексуальные интересы по всей линии» (*Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. Лекция 21. М.: Наука, 1989).

не менее на основании материала, полученного благодаря личному знакомству с хорошо подготовленными школьниками, я могу утверждать, что латентный период всегда начинается в возрасте примерно шести лет и длится от двух до четырех лет. В это время интерес к сфере неприличного ослабевает, соблазнительные краски меркнут, их очарование вытесняется и забывается, и появляются новые интересы.

Как же объясняется эта непоследовательность во взглядах Фрейда, а также то, что остальные исследователи секса игнорируют подобного рода факты?

Ясно, что мы имеем дело не с тем, что глубоко коренится в органической природе человека, но с феноменом, во многом, если не во всем, определяемым социальными факторами. Если мы попытаемся провести сравнительный анализ различных социальных слоев, то увидим, что среди низших классов, особенно у крестьян, латентный период намного меньше выражен. Для того чтобы получить ясную картину, вернемся к предыдущему периоду детской прегенитальной сексуальности и посмотрим, как эти два звена соединяются. Мы говорили в пятой главе, что и в низших, и высших классах в раннем возрасте существует острый интерес к «неприличному». Однако у крестьянских детей он проявляется несколько позже и имеет немного иной характер. Сравним еще раз источники «анального эротизма», как назвал его Фрейд, у детей низших и высших классов[19]. В детской ребенка из обеспеченной семьи интерес к естественным выделительным функциям сначала поощряется, а затем внезапно подавляется. Нянька или мать, которая до определенного момента пытается стимулировать процесс, хвалит быстрое исполнение и демонстрирует всем желающим результаты, вдруг обнаруживает, что ребенок проявляет к это-

[19] Я не стал бы использовать уродливый неологизм «анальный эротизм», но, поскольку у этого термина есть определение, нет ничего дурного, чтобы заимствовать его у доктрины, которую мы здесь обсуждаем.

му слишком большой интерес и его игры становятся, как кажется взрослым, какими-то нечистоплотными, хотя для ребенка это совершенно естественно. Затем нянька показывает свою власть, шлепает ребенка, превращая его игру в преступление и насильственным образом подавляя его интерес к таким занятиям. Ребенок растет, умолчания, недовольство взрослых и условности начинают придавать естественным функциям таинственную привлекательность.

Те из вас, кто помнит по собственному детству, насколько сильно ощущается гнет этой атмосферы намеков и недомолвок и как быстро ребенку приходится с ней свыкнуться, согласятся, что категория «неприличного» создана взрослыми. Более того, по наблюдениям за детьми и по собственным воспоминаниям легко удостовериться, что дети быстро перенимают искусственные установки взрослых, становясь маленькими резонерами, моралистами и снобами. В крестьянской среде условия совершенно иные. Дети узнают о сексе в раннем возрасте: они не могут не видеть сексуальных отношений родителей и других родственников; они слышат то, что говорится при ссорах, когда непристойная брань сопровождается добросовестным перечислением «технических деталей». Они ухаживают за домашним скотом, размножение которого является очень важным вопросом в доме и свободно обсуждается во всех подробностях. Поскольку они погружены в естественный мир, то менее склонны делать тайно то, что могут делать открыто и в свое удовольствие. Дети рабочих, возможно, находятся посередине между этими двумя крайностями. Не контактируя с животным миром, они, с другой стороны, еще чаще наблюдают постельные сцены и слышат непристойности.

К чему приводят эти существенные различия между детьми из обеспеченных семей и детьми пролетариата? Прежде всего, «непристойное поведение», усугубляемое среди детей из среднего класса подавлением естественного любопытства, намного менее выражено

в низших классах и проявляется позже, когда «непристойность» связана уже с генитальной сексуальностью. В высших классах, после того как интерес к неприличному изживает себя и появляются новые интересы, в жизни ребенка начинается латентный период. Новые интересы занимают ребенка, и отсутствие определенных знаний, обычное у детей образованных родителей, обусловливает позднее возникновение генитального интереса.

В низших классах эти знания и генитальный интерес уже имеются в этом возрасте и представляют первый этап постоянного, неуклонного развития с раннего периода до полного сексуального созревания.

Природа общественного влияния дополняет эти факты, и в результате в жизни ребенка из обеспеченной семьи возникает значительный перерыв. При том что вся его жизнь до шести лет была посвящена развлечениям, сейчас он вдруг должен ходить в школу и готовить уроки. Крестьянский ребенок уже до этого помогал с готовкой, или присматривал за младшими детьми, или ухаживал за гусями или овцами. В это время в его жизни нет никакого перерыва.

Таким образом, при том что детский интерес к неприличному пробуждается в крестьянском ребенке и ребенке из рабочей семьи раньше и в другой форме, он менее тайный, меньше обременен чувством вины, следовательно, он менее аморальный, менее «анально-эротический» и в большей мере связан с полом. Он легче переживается и более естественно перерастает в раннюю сексуальную игру. Латентный период почти полностью отсутствует или, во всяком случае, гораздо менее выражен. Теперь нам понятно, почему психоанализ, занимающийся невротиками из состоятельных слоев общества, выявил этот период, а доктор Молл, чьи наблюдения носили общий медицинский характер, — нет.

Но если у нас и были какие-то сомнения по поводу классовых различий и причин этих различий в нашем

обществе, они должны рассеяться, когда мы обратимся к Меланезии. Здесь, конечно, условия отличаются от тех, в которых растут дети из образованных классов нашего общества. Как мы помним из пятой главы, раннее «непристойное поведение», тайные игры и интересы здесь отсутствуют. В сущности, можно сказать, что для этих детей не существует категорий «приличное-неприличное», «чистое-нечистое». Те же причины, по которым эти категории для наших крестьян не так важны, как для среднего класса, еще более явно и непосредственно действуют в Меланезии. Для меланезийцев нет табу на секс в целом; естественные функции не скрываются ни за какой завесой приличия, в том числе от ребенка. Учитывая, что эти дети бегают голышом, что выделительные функции воспринимаются в этом обществе как нечто естественное, что не существует общего табу на обнажение частей тела или на наготу в целом; учитывая, что маленькие дети в возрасте трех и четырех лет начинают сознавать существование такого явления, как генитальная сексуальность, и что вскоре это и другие детские игры будут приносить им удовольствие, мы заключаем, что различие между двумя обществами объясняется скорее социальными факторами, чем биологическими.

Этап, который я сейчас описываю, — соответствующий нашему периоду латентности, — является этапом детской независимости, когда маленькие мальчики и девочки играют вместе в своего рода детской республике. Один из главных интересов этих детей составляют сексуальные игры. С практикой секса в раннем возрасте дети знакомят друг друга, или иногда их знакомят с ней старшие товарищи. Разумеется, на этом этапе они неспособны совершить половой акт и довольствуются всевозможными играми, в которых взрослые предоставили им полную свободу. Таким образом, они открыто удовлетворяют свои любопытство и чувственность.

Очевидно, что доминирующий интерес таких игр имеет, как выразился бы Фрейд, «генитальную» природу, что во многом они вызваны желанием подражать действиям и интересам старших детей и взрослых и что этот период почти полностью отсутствует в жизни более благополучных европейских детей и только в малой степени наличествует в крестьянской и рабочей среде. Говоря об этих развлечениях детей, туземцы часто называют их «развлечениями соития» (*мвайгини квайта*). Или говорят, что они играют в мужа и жену.

Не нужно думать, что все игры носят сексуальный характер. Многие дети вовсе не играют в такие игры. Но у маленьких детей есть особые занятия, в которых сексу отводится главное место. Меланезийские дети любят «играть в мужа и жену». Мальчик и девочка строят небольшой шалаш и называют его домом; они делают вид, что исполняют функции жены и мужа, и среди них важнейшей, конечно, является половой акт. Либо группа детей идет на пикник, где развлечения включают в себя еду, драку и сексуальные игры. Или они разыгрывают церемонию торговой сделки, заканчивающуюся опять-таки сексуальными играми. Чувственные удовольствия, по-видимому, не составляют исключительный предмет их интереса; в таких более сложных играх также должен присутствовать какой-нибудь творческий и романтический интерес.

Очень важный аспект этой детской сексуальности — отношение к ней взрослых. Как уже говорилось, родители не считают ее хоть сколько-нибудь предосудительной. В целом они воспринимают это как нечто само собой разумеющееся. Самое большее, что они могут делать, — это шутить на эту тему между собой, обсуждая любовные трагедии и комедии мира детей. Они никогда и не помышляют о том, чтобы вмешаться или выразить неодобрение, при условии, что дети достаточно благоразумны, т.е. не устраивают свои любовные игры в доме, но уходят куда-нибудь в укромное место.

Но прежде всего дети предоставлены сами себе во всех своих любовных делах. Не только нет родительского вмешательства, но и вообще взрослые не питают извращенного сексуального интереса к детям и, конечно, никогда не участвуют в такого рода играх. Насилие над детьми меланезийцам неизвестно, и человек, играющий с ребенком в сексуальные игры, показался бы им смешным и отвратительным.

Очень важная черта сексуальных отношений детей — уже упоминавшееся табу на отношения между братом и сестрой. С раннего возраста, когда девочка впервые надевает юбочку из травы, братья и сестры одной матери должны быть разлучены согласно строгому табу, запрещающему любые близкие отношения между ними. Даже еще раньше, когда они только начали ходить, они играли отдельно. Позднее они никогда не общаются свободно в социальном плане; не должно быть и малейшего подозрения в том, что один из них заинтересован в любовных делах другого. Хотя в играх и языке для детей нет ограничений, даже совсем маленький мальчик не может ассоциировать секс со своими сестрами, а тем более делать намеки или шутить на эту тему в их присутствии. Такой порядок сохраняется в течение всей жизни, и величайшая бестактность, какую только можно вообразить, — это спросить брата о любовных делах его сестры или наоборот. Это табу очень рано разрушает семью, поскольку мальчики и девочки, чтобы избежать друг друга, должны покинуть родительский дом и идти в другое место. С учетом всего этого можно представить себе огромную разницу между нами и меланезийцами в вопросе подростковой сексуальности на этом этапе позднего детства. В то время как в нашем обществе среди образованных классов на это время приходится перерыв в развитии сексуальности и латентный период, сопровождающийся амнезией, в Меланезии очень раннее проявление генитального интереса приводит к такому типу сексуальности, который нам совершен-

но незнаком. Начиная с этого периода, сексуальность меланезийских детей развивается постоянно, хотя и постепенно, до достижения возраста полового созревания. При условии строжайшего соблюдения одного табу общество позволяет развиваться подростковой сексуальности абсолютно свободно.

8. ПУБЕРТАТНЫЙ ПЕРИОД

В возрасте примерно 9–15 лет, в зависимости от климата и расы ребенок достигает полового созревания. Половое созревание — это не отдельный момент или поворотная точка, а более или менее длительный период развития, когда полностью перестраиваются половая система, вся система внутренних секреций и организм в целом. Мы не можем рассматривать пубертатный период как *conditio sine qua non*[20] сексуального интереса или даже сексуальной активности, поскольку не достигшие этого возраста девочки могут участвовать в половом акте, а у неполовозрелых мальчиков бывают эрекции, и они могут практиковать *immissio penis*[21]. Но несомненно, что возраст полового созревания — важнейшая веха в сексуальной истории человека.

Более того, секс на этом этапе так тесно связан с другими аспектами жизни, что в этой главе мы будем обсуждать сексуальные и социальные вопросы вместе, и не будем их разделять, как мы это делали, исследуя два предыдущих этапа. Сравнивая тробрианцев с нашим собственным обществом в этот период, мы должны отметить, что эти племена не проводят обрядов инициации по достижении ребенком половой зрелости. С одной стороны, таким образом из нашего анализа устраняется крайне важный вопрос; но, с другой, это позволит нам отчетливее проследить различия между патрилинейным и матрилинейным обществами, так

[20] Непременное условие (*лат.*). — *Примеч. пер.*

[21] Введение члена во влагалище (*лат.*). — *Примеч. пер.*

как в большинстве других примитивных сообществ пубертатный период оказывается «замаскированным» из-за церемонии инициации.

Что касается нашего собственного общества, мы должны говорить отдельно о мальчике и о девочке, так как на этом этапе они развиваются совершенно по-разному. В жизни мужчины половое созревание означает обретение полной психической и телесной силы и окончательное формирование половых признаков. Вместе с новой мужественностью полностью меняется его отношение к жизни, как и отношение к сексу и к своему положению в семье. Начиная с последнего, мы можем наблюдать очень интересный феномен, оказывающий большое влияние на отношение юноши к матери, сестре и другим родственницам. Типичный мальчик-подросток в нашем цивилизованном мире в этом возрасте начинает крайне стесняться матери, презрительно и даже грубо вести себя с сестрами и стыдится перед друзьями всех своих родственниц. Кто из нас не помнит муки неописуемого стыда, когда, беспечно гуляя со школьными товарищами, мы вдруг встречали мать, тетю, сестру или даже кузину и должны были ее поприветствовать. Это было чувство глубокой вины, как если бы нас застали *in flagrante delicto*[22]. Некоторые мальчики пытались не заметить родственницу, другие, посмелее, заливались краской, но здоровались, но каждый чувствовал, что это бросало тень на его социальное положение и оскорбляло его мужественность и независимость. Не вдаваясь в психологию этого феномена, мы можем видеть, что эти стыд и смущение — того же рода, что и стыд, связанный с нарушением хороших манер.

Новообретенная мужественность глубоко влияет на отношение мальчика к миру, на все его мировоззрение. Он начинает высказывать свои независимые мнения, отстаивать свою личность и честь, свою по-

[22] На месте преступления (*лат.*). — *Примеч. пер.*

зицию относительно власти и интеллектуального лидерства. Это новый этап в отношениях отца и сына, новая оценка и новое испытание идеала отца. Он не выдерживает этого испытания, если обнаруживается, что отец — дурак или «прохвост», ханжа или «старый хрыч». Обычно отец перестает быть авторитетом или, по крайней мере, теряет возможность влиять на мальчика в значительной мере, даже если в последующей жизни они опять сближаются. Однако если отец выдерживает крайне суровую критику этого периода, вполне возможно, что он останется идеалом для сына. Обратное, конечно, тоже верно, так как отец также заинтересованно присматривается к сыну в этом возрасте и в равной мере критичен относительно того, соответствует ли мальчик его идеалу будущего наследника.

Новое восприятие секса, рекристаллизация, которая происходит в пубертатный период, оказывает большое влияние на отношение мальчика не только к отцу, но и к матери. Образованный мальчик только теперь вполне понимает биологическую природу связи между ним самим и его родителями. Если он глубоко любит и почитает мать, как это обычно бывает, и продолжает идеализировать отца, он может принять мысль о том, что появился в результате полового акта между родителями, хотя поначалу она и вносит сильное смятение в его внутренний мир. Но если он презирает и ненавидит отца, пусть и втайне, как нередко бывает, эта мысль оскверняет его мать и порочит то, что для него наиболее дорого.

Новая мужественность влияет прежде всего на сексуальный кругозор мальчика. Психически он готов к знаниям, физиологически готов применить их в жизни. Обычно в это время он получает первые уроки секса и в той или другой форме начинает вести половую жизнь, не всегда регулярную, часто в виде мастурбаций или ночных поллюций. Эта эпоха во многих отношениях становится распутьем для мальчика.

Либо пробудившийся сексуальный импульс вкупе с сильным темпераментом и нестрогими моральными принципами полностью его захватит и вознесет на волне чувственности либо другие интересы и мораль частично или даже полностью отсрочат это пробуждение. Пока он сохраняет идеал целомудрия и готов за него бороться, у него есть рычаг для того, чтобы перенести сексуальные импульсы на более высокий уровень. Конечно, соблазны в основном определяются социальным окружением и образом жизни мальчика. Расовые характеристики, моральные устои и культурные ценности в пределах европейской цивилизации существенно разнятся. В ряде стран мальчикам из определенных классов общества свойственно отдаваться на волю разрушительных сил сексуальной распущенности. В других странах мальчик делает это на свой страх и риск. В третьих общество по большей части освобождает его от груза личной ответственности, устанавливая строгие нормы нравственности.

В его отношении к противоположному полу сначала появляется что-то похожее на то, что он испытывает к матери и сестре, — некоторое смущение, притяжение и вместе с тем отторжение. Женщина, которая, как ему кажется, может оказать на него глубокое влияние, пугает его и вызывает настороженность. Он чувствует в ней угрозу его пробудившейся независимости и мужественности.

Также на этом этапе к концу пубертатного периода появляется новое сочетание нежности и сексуальности, в котором детские воспоминания о материнской нежности соединяются с новыми аспектами сексуальности. Воображение и особенно сны вызывают у мальчика ужасное замешательство и играют странные шутки с его психикой[23].

Все это относится главным образом к мальчику из высших, обеспеченных классов. Если мы сравним с

[23] Эта концепция подробнее рассматривается далее (см. часть IV, гл. 9).

ним подростка из крестьянской или рабочей семьи, то увидим, что существенные черты в основном те же, но индивидуальных вариаций, возможно, меньше, и в целом картина более спокойная.

Также существует период эмоциональной грубости по отношению к матери и сестрам, которая особенно заметна в крестьянском подростке. Ссоры с отцом, как правило, становятся более ожесточенными теперь, когда мальчик сознает собственные силы и свое положение наследника, когда он испытывает новые для него жажду обладания и стремление к власти. Часто в это время начинается постоянная борьба за главенство. В сфере сексуальной активности кризис не столь глубок и не в такой степени сказывается на отношении к родителям. Но основные принципы те же.

Девочка из образованного класса переживает кризис, когда у нее проходят первые месячные, которые, хотя и посягают на свободу и осложняют жизнь, окружены ореолом таинственной привлекательности и обычно ожидаются с нетерпением. Но в социальном плане пубертатный период для девочки не так значим; она продолжает жить дома или учиться в школе; все ее занятия и учеба не противоречат обычной семейной жизни — мы не говорим здесь о современной, владеющей профессией девушке. Цель ее жизни — замужество. Важная черта ее отношений с семьей — часто начинающееся в это время соперничество между матерью и дочерью. Сложно сказать, как часто оно принимает определенную, ярко выраженную форму[24], но очевидно, что оно искажает типичные отношения в обычной семье. Также в это время и не раньше появляется особая нежность в отношениях отца и дочери, которая зачастую сопровождается соперничеством с матерью. Такова конфигурация комплекса Электры; и он, как видим, совершенно отличен по своей природе от Эдипова комплекса. Если оставить в стороне вопрос

[24] Такого рода случай, например, убедительно описан в весьма поучительном романе Мопассана «Сильна как смерть».

большей склонности женщин к истерии (здесь мы обсуждаем лишь то, что составляет основу нормальности), в целом можно сказать, что комплекс Электры встречается реже, он менее социально значим и оказывает не столь большое влияние на западную культуру. В то же время инцест между отцом и дочерью случается несравнимо чаще, чем инцест между матерью и сыном, по разным причинам биологической и социологической природы. Однако нас в основном интересует культурное и социальное влияние комплексов, и мы не можем подробно проследить аналогию между Эдиповым комплексом и комплексом Электры. Мы также не можем уделить место сравнению высших классов, где подавление интенсивнее, случаев истерии больше, но меньше действительных случаев инцеста, и низших классов, где девочки, чей сексуальный интерес проявляется раньше и более естественным образом, менее склонны к истерическим искажениям, но чаще страдают от преследований отца[25].

Вернемся теперь к Тробрианским островам. Пубертатный период здесь начинается раньше, но мальчики и девочки начинают жить половой жизнью еще до его наступления. В социальной жизни тробрианца пубертатный период не становится резкой поворотной точкой, как в тех примитивных обществах, где проводятся церемонии инициации. Мальчик постепенно, по мере того как становится мужчиной, начинает принимать более активное участие в экономических занятиях племени; он считается молодым мужчиной (*улатиле*), и к концу пубертатного периода он — полноправный член племени, готовый к браку, выполнению обязан-

[25] Отец-крестьянин очень часто покушается на дочь. По-видимому, особенно это распространено среди романских народов. Мне рассказывали о большой распространенности такого вида инцеста среди румынских крестьян, и так же обстоит дело в Италии. На Канарских островах мне лично известно несколько случаев инцеста между отцом и дочерью, они живут открыто в бесстыдном «браке» и воспитывают своих детей.

ностей и осуществлению прав. Девочка, которая в начале пубертатного периода более свободна и независима от семьи, также должна больше работать, активнее проводить свободное время и выполнять все те ритуальные, экономические и правовые обязанности, которые накладывает на нее полная зрелость.

Но важнейшее и наиболее интересное для нас изменение — частичный распад семьи, который происходит, когда мальчики и девочки в подростковом возрасте перестают постоянно жить в родительском доме. Братья и сестры, избегающие друг друга уже много лет, с самого детства, должны соблюдать строгое табу, чтобы исключить любую возможность контакта в этот период поиска сексуальных отношений. Эта опасность устраняется с помощью специального института, *букуматула*. Это название специальных домов, где живут группы мальчиков и девочек подросткового возраста. Мальчик, достигнув половой зрелости, идет в такой дом, которым управляет молодая вдова или молодой мужчина, где живут несколько подростков, от трех до шести человек, и куда приходят их возлюбленные[26]. Таким образом, подростки уходят из родительского дома, хотя, пока мальчик не женится, он всегда будет возвращаться домой, чтобы поесть, и будет работать на родителей. Девочка в редкие целомудренные ночи тоже может возвращаться домой.

Какие установки по отношению к матери, отцу, сестре или брату складываются у меланезийских мальчика или девочки на этом важном этапе? Так же, как и в случае с европейскими мальчиком или девочкой, мы видим, что в этот период только закрепляется,

[26] Подробное описание и анализ этого удивительного института, представляющего собой максимальное приближение к тому, что мы называем групповым браком, см. в следующей моей книге «Сексуальная жизнь дикарей» (*Малиновский Б.* Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004).

принимает окончательную форму то, что постепенно формировалось на протяжении предыдущих этапов жизни. Мать, от груди которой ребенок был отнят, — в самом широком смысле этого слова, — остается для него главным родным человеком на всю оставшуюся жизнь. Если некому будет ее обеспечивать, это будет делать он, и ее дом всегда будет для него вторым домом. Привязанность и забота, предписываемые социальным долгом, по-прежнему основываются на действительном чувстве, и когда взрослый мужчина умирает или у него случается несчастье, мать горюет, и ее скорбь — самая долгая и искренняя. Тем не менее между матерью и ребенком мало личной дружбы, взаимного доверия и близости, которые так характерны для этих отношений в нашем обществе. Отделение от матери, которое на каждом этапе, как мы видели, проходит легче и более основательно, чем у нас, с меньшим количеством ранних травм и насильственного подавления, оказывается более полным и гармоничным.

Отец в этот период временно забыт. Мальчик, который уже ребенком был вполне независимым гражданином маленькой детской республики, с одной стороны, получает сейчас дополнительную свободу в виде *букуматула*; с другой, его в гораздо большей степени связывают различные обязательства по отношению к его *када* (дяде по матери). У него остается меньше свободного времени и меньше интереса к отцу. Позже, когда начинаются конфликты с дядей, он, как правило, снова поворачивается к отцу, и между ними тогда устанавливается дружба на всю жизнь. Но на этом этапе, когда подросток должен выполнять свои обязанности, изучать традиции, ремесла и магию, у него больше интереса к брату матери, его учителю и наставнику, и у них прекрасные отношения[27].

[27] Отношения между подростком, его отцом и братом матери в действительности несколько сложнее, чем я мог показать здесь; это весьма любопытная картину драматического столкновения несовместимых принципов кровного родства

Существует еще один важный момент, отличающий чувства меланезийского мальчика к родителям от чувств образованного мальчика в нашем обществе. У нас в пубертатный период, когда происходит социальная инициация, перед подростком открывается новый яркий мир, и его сияние бросает странную тень на прежние теплые чувства ребенка к отцу и матери. Его собственная сексуальность отдаляет его от родителей, вносит сумятицу в отношения с ними и порождает серьезные трудности. Другое дело — матрилинейное общество. Отсутствие раннего периода непристойного поведения и первого мятежа против власти родителей; постепенное и открытое развитие сексуального импульса с тех пор, как он впервые начал волновать молодую кровь; позиция доброжелательных наблюдателей, которую занимают родители по отношению к сексуальности своего ребенка; полное, но постепенное исключение матери из любовных чувств мальчика; одобрение отца — все это способствует тому, что усиление сексуальности в период полового созревания не влияет напрямую на отношение к родителям.

Однако отношения между братом и сестрой существенно меняются в результате усиления сексуальности — особенно в пубертатный период. Это табу, которое распространяется на все свободное сообщество и полностью исключает мотив секса из отношений брата и сестры, влияет на сексуальные представления обоих. Ибо, во-первых, нужно помнить, что это табу — серьезный сексуальный барьер в жизни мужчины, который он не может преодолеть, и что это также важнейшее правило нравственного поведения. Более того, запрет, начинавшийся в детстве с разлучения братьев и сестер и сущностью которого всегда остается это

Окончание сн. 27

и власти. Этот вопрос будет обсуждаться в моей следующей книге, посвященной родственным связям. См. также «Преступление и обычай».

разлучение, распространяется также на всех других женщин той же родовой общины. Таким образом, сексуальный мир для мальчика делится на две половины: одна из них, куда входят женщины его собственного клана, для него запретна; другая, к которой принадлежат женщины остальных трех кланов, законна.

Сравним теперь отношения между братом и сестрой в Меланезии и Европе. У нас детская близость постепенно сходит на нет и сменяется довольно-таки скованными отношениями, при которых сестра естественным образом, но не полностью отделена от брата социальными, психологическими и биологическими факторами. В Меланезии в ту пору, когда между братом и сестрой может возникнуть какая-либо близость в играх или общие детские секреты, вступает в силу строгое табу. Сестра остается таинственным существом: она всегда рядом, но никогда не приближается, отделенная невидимой, но непробиваемой стеной традиционного закона, который постепенно превращается в моральный и личный императив. Сестра — единственное слепое пятно на сексуальном горизонте. Любые естественные импульсы детской нежности с самого начала и систематически подавляются, подобно другим естественным детским импульсам в нашем обществе, и сестра становится, таким образом, «неприличным» объектом для размышлений, интереса и чувства, так же, как вещи, считающиеся запретными для наших детей. Позднее, когда появляется личный опыт сексуальной жизни, пелена скрытности, разделяющая этих двоих, еще уплотняется. При том что они должны постоянно избегать друг друга, брат — кормилец семьи сестры, и вследствие этого они постоянно должны помнить друг о друге. Такое искусственное и раннее подавление приводит к определенным результатам. Психологи фрейдистской школы могут легко их предсказать.

Все эти вопросы я рассматривал почти исключительно с позиции мальчика. Какая установка по отно-

шению к семье складывается в период полового созревания у меланезийской девочки? В целом ее установка не слишком значительно отличается от установки ее европейской сверстницы, как и в случае с мальчиком. Табу на близость между братом и сестрой приводит к тому, что тробрианский матриархат затрагивает девочку в меньшей степени, чем мальчика. Поскольку ее брату строго запрещено проявлять какой-либо интерес к ее сексуальной жизни, в том числе к ее браку, и брат ее матери также должен держаться в стороне от этих вопросов, ее поверенным в матримониальных делах, как ни странно, становится ее отец. Итак, между дочерью и отцом устанавливаются отношения не вполне идентичные тем, что существуют у нас, но все же очень на них похожие. В нашем обществе разногласия между дочерью и отцом обычно невелики, и эти отношения напоминают те, что существуют между отцом и ребенком на Тробриандских островах. Но, с другой стороны, там близость между взрослым мужчиной и девочкой-подростком, которая, нужно помнить, не считается его кровной родственницей, таит в себе соблазн. Ситуацию усугубляет тот факт, что, хотя на дочь не распространяется табу по законам экзогамии, сексуальные отношения между отцом и дочерью считаются в высшей степени предосудительными; при этом они никогда не называются *сувасова*, что означает нарушение экзогамии. Причина этого запрета заключается, конечно, попросту в том, что неправильно иметь сексуальные отношения с дочерью женщины, с которой сожительствуешь. Мы не должны удивляться, когда позже, исследуя типичные отношения между членами семьи, обнаружим, что инцест между отцом и дочерью в действительности случается, хотя это едва ли можно назвать распространенным явлением, и это никак не отражено в фольклоре.

Что касается матери, в целом их с дочерью отношения развиваются более естественно, чем в Европе, но без существенных отличий. Одно отличие есть: уход

девочки в пубертатный период из родительского дома и ее многочисленные сексуальные интересы вне его, как правило, предотвращают соперничество и ревность между ней и матерью, хотя не всегда исключают инцест между отцом и дочерью. Таким образом, за исключением установки по отношению к брату, в целом сентименты юной меланезийки и европейской девочки схожи.

9. МАТРИЛИНЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС

Мы сравниваем две цивилизации — европейскую и меланезийскую и уже отметили ряд глубоких различий, объясняющихся принципиальным несходством сил, с помощью которых каждое из этих обществ воздействует на биологическую природу человека. Хотя в каждом из них присутствуют определенная терпимость в плане сексуальной свободы и определенные способы ограничения и регулирования сексуального инстинкта, тем не менее сферы действия табу и вариации сексуальной свободы внутри заданных границ абсолютно различаются. Также по-разному распределяется власть в семье, и в соответствии с этим по-разному ведется счет кровного родства. Мы проследили в обоих обществах развитие среднестатистических мальчика и девочки в условиях тех или иных племенных законов и обычаев. Мы обнаружили почти на каждом этапе существенные различия, обусловленные взаимодействием биологических импульсов и социальных норм — то гармоничным, то конфликтным, ведущим то к недолговечному блаженству, а то и к разладу, в котором, однако, заложены возможности будущего развития. На последнем этапе жизненного цикла ребенка, по достижении им половой зрелости, его чувства складываются в систему сентиментов по отношению к матери, отцу, брату, сестре, а на Тробрианских островах — к дяде по материнской линии. Эту систему, в каждом обществе обладающую своими

типичными чертами, мы в духе психоаналитической терминологии назвали «семейным комплексом», или «нуклеарным комплексом».

Теперь я попробую вновь кратко сформулировать основные черты двух «комплексов». Эдипов комплекс — система установок, типичных для нашего патриархального общества, формируется в раннем детстве, отчасти во время перехода от первого ко второму этапу детства, отчасти в течение второго. Таким образом, к концу второго этапа, когда мальчику около пяти или шести лет, его установки в целом сформированы, хотя, возможно, еще не окончательно. И они уже включают в себя ненависть и подавленные желания. В этом, я полагаю, наши выводы ничем не отличаются от выводов психоанализа[28].

В матрилинейном обществе на этом этапе, хотя у ребенка сформировались вполне определенные сентименты по отношению к отцу и матери, в них нет ничего подавленного, ничего негативного, никаких фрустрированных желаний. Как образуется это различие? Как мы видели, социальные нормы тробриандского материнского права почти полностью гармонируют с биологическим развитием, в то время как отцовское право в нашем обществе подавляет развитие ряда естественных импульсов и наклонностей. Страстная привязанность к матери, физическое желание быть рядом с ней в патриархальных институтах так или иначе пресекаются или подавляются. Влияние нашей морали, осуждающей детскую сексуальность; жестокость отца, особенно в низших классах; неуловимая, но бесспорная атмосфера его исключительного права на мать и ребенка в высших классах; страх жены не угодить мужу — все это разводит детей и родителей. Даже когда борьба между отцом и ребенком за личное

[28] Сейчас я, конечно, понимаю, что ни один ортодоксальный или полуортодоксальный психоаналитик не согласится ни с моим тезисом о «комплексе», ни с прочими положениями моей теории.

внимание матери сводится к минимуму или нулю, на втором этапе происходит столкновение социальных интересов отца и ребенка. Ребенок — обуза и помеха родительской свободе; он напоминает о возрасте и закате жизни, и если это сын, воплощает в себе угрозу будущего социального соперничества. Таким образом, в отношениях отца и ребенка всегда найдется предостаточно возможностей не только для столкновения в плане чувственности, но прежде всего для социальных разногласий. Я намеренно сказал «ребенок», а не «мальчик», поскольку, согласно нашим выводам, пол не имеет сособого значения на этом этапе, когда еще не сложились более близкие отношения между отцом и дочерью.

Все эти силы и влияния отсутствуют в матрилинейном обществе тробрианцев. Прежде всего — и это, разумеется, не имеет никакого отношения к материнскому праву — нет осуждения секса или чувственности как таковых; нет нравственного ужаса перед идеей детской сексуальности. Чувственная привязанность ребенка к матери развивается естественно, пока не изживает себя под влиянием других телесных интересов. Отношение отца к ребенку на протяжении этих двух ранних периодов можно описать как отношение близкого друга и помощника. В то время как наш отец в лучшем случае полностью устраняется из детской, тробрианский отец сначала выступает в роли няньки ребенка, а потом его товарища по играм.

Особенности досексуального опыта на этом этапе также различны в Европе и Меланезии; в нашем обществе, особенно среди высших классов, дисциплинарные меры, принятые в детской, вызывают у ребенка склонность к тайному изучению непристойных вещей, особенно выделительных функций и органов. У тробрианцев такого периода нет. Далее, это прегенитальное непристойное поведение ведет к установлению различий между пристойным и непристойным, чистым и нечистым; и непристойная, скрываемая от

родителей сфера деятельности внезапно усиливает, придавая ему новое измерение, табу на определенные отношения с матерью (вдобавок к изгнанию из ее постели и запрету на ее объятия).

Таким образом, в этом отношении тробрианским детям также неведомы сложности нашего социального устройства. На следующем этапе сексуальности мы находим не менее значимое отличие. В Европе существует более или менее выраженный латентный период, подразумевающий перерыв в сексуальном развитии и, по мнению Фрейда, способствующий усилению вытеснения и общей амнезии, а также чреватый многими опасностями для нормального развития сексуальной жизни. Вместе с тем он представляет собою торжество культурных и социальных интересов над сексуальностью. У дикарей секс в ранней генитальной форме — почти неизвестной в нашем обществе — на этом этапе выходит среди интересов ребенка на первое место и никогда уже больше не сдает своих позиций. Это, с культурной точки зрения во многих отношениях деструктивное, явление помогает ребенку постепенно и гармонично выйти из-под влияния семьи.

Итак, мы перешли ко второй половине развития ребенка, поскольку период сексуальной латентности в нашем обществе приходится именно на это время. Рассматривая два поздних этапа, образующих вторую половину развития, мы находим еще одно глубокое отличие. В нашем обществе в раннем пубертатном возрасте Эдипов комплекс, установки мальчика по отношению к родителям еще больше укрепляются и кристаллизируются. В Меланезии формирование любого комплекса в основном и даже почти исключительно приходится на эту вторую половину развития. Ведь только в этот период ребенок знакомится с системой вытеснений и табу, которые в определенной степени подчиняют себе его природу. На эти силы он реагирует частично адаптацией, частично развитием более или менее подавленных желаний и противоборствую-

щих устремлений, поскольку человеческая природа не только податлива, но и эластична.

Подавляющие и формирующие силы в Меланезии образуют двойную структуру — это подчинение матриархальному племенному закону и запреты экзогамии. Первое происходит под влиянием брата матери, который, пробуждая в ребенке такие чувства, как достоинство, гордость и честолюбие, оказывается с ним в отношениях, во многом подобных отношениям ребенка и отца в нашем обществе. С другой стороны, предъявляемые им требования, а также соперничество между престолонаследником и правителем вызывают негативные эмоции ревности и обиды. Таким образом, формируется «амбивалентная» установка: на сознательном уровне преобладает почтительность, а подавленная ненависть проявляется только косвенно.

Второе табу — запрет инцеста, набрасывает покров сексуальной тайны на сестру и в меньшей степени на других родственниц по материнской линии, а также женщин из родовой общины мальчика. Из всего этого класса женщин сестра — женщина, в отношении которой табу соблюдается особенно строго. Мы отмечали, что это разделяющее табу, появляющееся уже в раннем детстве мальчика, обрывает естественный детский импульс — зарождающуюся нежность к сестре. Кроме того, в силу того, что даже случайный контакт, имеющий хоть какое-то отношение к сексу, рассматривается как преступление, это табу вселяет в юношу неотступные, хоть и подавляемые, мысли о сестре.

Сравнивая две системы семейных отношений в целом, мы видим, что в патриархальном обществе детское соперничество и позднейшие социальные функции привносят в отношения отца и сына, помимо взаимной привязанности, некоторую долю обиды и неприязни. С другой стороны, в отношениях матери и сына вследствие преждевременной разлуки в раннем детстве остается глубокая неизбывная тоска, которая позднее, когда у ребенка возникают сексуальные инте-

ресы, смешивается в памяти с новыми телесными импульсами и часто принимает эротический характер в фантазиях и сновидениях. На Тробрианских островах нет разногласий между отцом и сыном, и тоска ребенка по матери постепенно сходит на нет естественным, спонтанным образом. Двойственная установка почтительности и неприязни формируется по отношению к дяде, а подавленное инцестуальное желание может быть сформировано только по отношению к сестре. Применяя к каждому обществу сжатую, хотя и несколько упрощенную формулу, мы можем сказать, что при Эдипове комплексе существует подавленное желание убить отца и жениться на матери, в то время как в матрилинейном обществе тробрианцев это желание состоит в том, чтобы жениться на сестре и убить брата матери.

Итак, мы подвели итоги нашего развернутого исследования и ответили на первый вопрос: изучив варьирование нуклеарного комплекса в зависимости от устройства семьи, мы показали, в какой мере его особенности связаны с определенными чертами семейной жизни и сексуальных нравов.

Мы признательны психоанализу за то, что он открыл свойственную нашему обществу конфигурацию сентиментов и отчасти объяснил, главным образом в отношении секса, почему такой комплекс должен существовать. На предыдущих страницах мы дали описание до сих пор никем не изучавшегося нуклеарного комплекса другого общества — матрилинейного. Мы обнаружили, что этот комплекс существенно отличается от патриархального, и указали причины этих различий, а также проанализировали действующие здесь социальные силы. Мы провели наше сравнение на обширном материале и, помимо сексуальных факторов, также систематически привлекали и другие элементы. Результаты нашего исследования весьма существенны, ведь до сих пор никто и не подозревал о существовании другого типа нуклеарного комплекса. На осно-

вании этого анализа я пришел к выводу, что теории Фрейда не просто описывают человеческую психологию, но достаточно четко прослеживают изменения человеческой природы, обусловленные различными устройствами общества. Другими словами, я установил глубокое соответствие между типом общества и характерным для него нуклеарным комплексом. Этот вывод, будучи в определенном смысле подтверждением главного положения фрейдовской психологии, может тем не менее побудить нас видоизменить некоторые из ее формул, придав им больше гибкости. Если говорить конкретнее, необходимо систематически прослеживать соответствия между биологическими и социальными факторами; не принимать Эдипов комплекс за универсальный, но выделять каждый раз особый, свойственный данному типу цивилизации комплекс.

II. *Зеркало традиции*

1. КОМПЛЕКС И МИФ ПРИ МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ

Теперь остается перейти к изучению второй проблемы, обозначенной в первой части книги, т.е. попытаться установить, будет ли матрилинейный комплекс, столь отличающийся от Эдипова по происхождению и природе, отличаться еще и по характеру влияния на традицию и социальную организацию; мы также намерены показать, что в социальной жизни и фольклоре туземцев вытеснение проявляется в формах, свойственных именно этой культуре. Страсти, обычно удерживаемые в рамках с помощью жестких табу, обычаев и карательных мер, прорываясь в преступлениях, извращениях, отклонениях или же в драматических событиях, время от времени вносящих смятение в однообразную жизнь примитивного сообщества, выводят на поверхность матриархальную ненависть к дяде или инцестуальное влечение к сестре. Матрилинейный комплекс отражается также и в фольклоре меланезийцев. Исследование мифов, сказок, легенд и магических ритуалов показывает, что вытесненная ненависть к дяде, обычно прикрываемая традиционными почтительностью и лояльностью, прорывается наружу в этих повествованиях, в основе которых лежат фантазии и вытесненные желания.

Особенно интересны любовная магия туземцев и связанная с ней мифология. Считается, что в любовной магии сосредоточена вся сила сексуальной притягательности и обольщения. Меланезийцы верят, что корни этой магии уходят в драматические события прошлого, зафиксированные в странном трагическом мифе об инцесте между братом и сестрой. Таким обра-

зом, наша научная позиция, основанная на изучении социальных внутрисемейных отношений и анализе родственных связей, подтверждается также благодаря исследованию культуры этих меланезийских племен.

2. БОЛЕЗНИ И ПЕРВЕРСИИ

Данные, приводимые в этой части моего исследования, не вполне однородны: если по некоторым вопросам мне удалось собрать всю необходимую информацию, то относительно других я должен признаться в своем невежестве или недостаточном знании и скорее обозначить проблему, нежели объявить ее решенной. Это связано отчасти с недостатком специальных знаний в области психических заболеваний, отчасти с тем, что, как я выяснил, традиционная техника психоанализа неприменима к аборигенам; отчасти с проблемой неизбежной неравноценности материала, особенно собранного среди других племен, где я жил намного меньше и работал в куда менее благоприятных условиях, чем на Тробриандских островах.

Я начну с самого слабого пункта. Тут прежде всего возникает вопрос неврозов и психических заболеваний. Сравнительный анализ развития ребенка в нашем обществе и на Тробриандских островах показал, что матрилинейный комплекс формируется в жизни ребенка позднее и вне семейного круга, влечет за собой меньше травм, если они вообще бывают, в основном обусловлен драмой соперничества, а его эротическая составляющая не имеет отношения к ранней детской сексуальности. Исходя из этого и опираясь на фрейдовскую теорию неврозов, мы можем предположить меньшую распространенность неврозов, связанных с травмами детства. Очень жаль, что не нашлось квалифицированного психиатра, который смог бы изучить тробрианцев в их естественных условиях: полагаю, его находки пролили бы новый свет на гипотезы психоанализа.

Этнографу нет смысла сравнивать тробрианцев с европейцами, так как в нашем обществе существует бесконечное множество других факторов, осложняющих картину и способствующих формированию психического заболевания. Но примерно в тридцати милях к югу от Тробрианских островов находятся Амфлетские острова, населяемые народом в целом той же расы, с похожими обычаями и языком, но с иной во многих отношениях социальной организацией. Здесь господствуют строгие сексуальные нравы, т.е. секс до брака осуждается, нет институтов, поддерживающих сексуальную свободу, и семейная жизнь намного стабильнее. Несмотря на то что общество матрилинейно, патриархальная власть развита намного сильнее, и это в сочетании с сексуальным подавлением формирует картину детства, похожую на нашу[1].

Далее, даже при моем ограниченном знании предмета у меня сложилось совершенно иное впечатление о невротической предрасположенности этих аборигенов. Среди обитателей Тробрианских островов, при том что многих из них я знал близко или во всяком случае «шапочно», я бы не смог назвать ни одного страдающего истерией или даже просто неврастенией. Я не обнаружил у них ни нервных тиков, ни навязчивых состояний или идей. В туземной системе патологий, — основанной, конечно, на вере в черную магию, но вполне согласующейся с симптомами болезней, — существуют две категории психических нарушений: *нагова*, которое соответствует кретинизму, идиотизму и также распространяется на людей с дефектом речи; и *гвайлува*, которое примерно соответствует мании и распространяется на тех, кто периодически проявляет склонность к насилию и психически неуравновешенному поведению. Коренные жители Тробрианских островов хорошо знают, что на соседних Амфлетских

[1] Описание некоторых обычаев и особенностей культуры аборигенов Амфлетских островов можно найти в моей книге «Аргонавты западной части Тихого океана». Гл. XI.

островах и островах д'Антркасто существуют другие виды черной магии, которые могут влиять на сознание неизвестным им образом и вызывать, судя по их рассказам, нервные тики и различные формы навязчивых состояний. Я пробыл на Амфлетских островах пару месяцев, и моим первым и сильнейшим впечатлением было то, что это общество неврастеников. После открытого, веселого, сердечного и доступного для наблюдения общества тробрианцев было удивительно оказаться в обществе людей, недоверчивых к чужаку, нетерпеливых в работе, самонадеянных в своих требованиях, однако легко запугиваемых и крайне нервных, если взяться за них энергичнее. Женщины, когда я высаживался в их деревнях, разбегались и прятались в течение всего времени моего пребывания — исключение составляли разве что несколько старух. Помимо этой общей картины я сразу заметил немало болезненно нервных людей, которых не мог использовать в качестве информантов, потому что они стали бы либо врать от страха, либо волноваться и раздражаться при более подробных расспросах. Интересно, что на Тробрианских островах даже медиумы скорее позеры, чем психически больные люди. И если жители Тробрианских островов занимаются «научной» черной магией, т.е. их методы лишь в малой степени претендуют на связь со сверхъестественным, то на южных островах действуют «летающие чародеи», чья магия на других островах считается прерогативой полулегендарных колдуний; на первый взгляд они производят впечатление совершенно ненормальных людей.

В еще одном племени, с которым я работал во время своей первой этнографической практики и поэтому использовал другие методы и не узнал их так близко, как тробрианцев, подавление выражено даже еще более ярко, чем на Амфлетских островах. Маилу, населяющие часть южного побережья Новой Гвинеи, следуют патрилинейному принципу, в семье ярко выражена отцовская власть, и в сексуальной сфере действуют до-

статочно строгие репрессивные нормы морали[2]. Среди этих аборигенов я заметил несколько людей, которых я бы назвал неврастениками; тем самым в качестве информантов они были совершенно бесполезны.

Но все эти предположительные замечания, хотя и не являются голословными догадками, имеют целью только обозначить проблему и указать наиболее вероятное решение. Таким образом, наша задача состоит в следующем: изучить ряд матрилинейных и патрилинейных сообществ одного уровня культуры, установить вариации сексуального подавления и устройства семьи и отметить соотношение между степенью сексуального подавления и распространенностью истерии и невроза навязчивых состояний. Меланезия, где бок о бок живут сообщества с совершенно разным социальным устройством, как кажется, представляет собой естественную площадку для подобного эксперимента.

Другой момент, который может быть истолкован в пользу фрейдовского объяснения проблемы, — это корреляция между сексуальными перверсиями и сексуальным подавлением. Фрейд показал, что между развитием детской сексуальности и возникновением перверсий в дальнейшей жизни человека существует глубокая связь. Если исходить из его теории, то в нестрогом обществе по типу тробрианского, не вмешивающемся в свободное развитие детской сексуальности, наличие перверсий должно сводиться к минимуму. Это положение полностью подтверждается на примере тробрианского общества. Тробрианцы, осведомленные, что гомосексуальность встречается в других племенах, считают ее чем-то отвратительным

[2] См. мою монографию «Туземцы Маилу» (The Natives of Mailu // Proceedings of the Royal Society of Australia. 1915. Vol. 39). Там нет информации о психических заболеваниях. Я надеялся вернуться в те места, и эта работа была опубликована в качестве предварительного отчета, куда вошли далеко не все мои наблюдения, поскольку я рассчитывал переиздать ее позднее в более полной форме.

и смехотворным. На Тробрианских островах она появилась только под влиянием белого человека, а именно — морали белого человека. Мальчикам и девочкам на миссионерской базе, запертым в отдельных и строго изолированных домах, пришлось выручать друг друга, поскольку им было отказано в том, что каждый тробрианец считает своим правом и обязанностью. Подробный опрос как подвергнутых миссионерской обработке, так и избежавших ее туземцев свидетельствует о том, что гомосексуальность — норма среди тех, кому таким неблагоразумным и ненаучным методом насильственно пытались привить мораль белых людей. Так или иначе, было несколько случаев, когда «грешники», застигнутые *in flagrante delicto*, были с позором изгнаны «с глаз Божьих» обратно в деревни, где один из них попробовал было продолжить это занятие, но вынужден был отказаться от своих попыток под давлением местной морали, выражавшейся в презрении и осмеянии. У меня также есть основания полагать, что перверсии намного более распространены на Амфлетском архипелаге и островах д'Антркасто, но, как я уже писал, к сожалению, мне не удалось тщательно изучить этот важный вопрос.

3. СНЫ И ДЕЙСТВИЯ

Теперь проследим, как совокупный сентимент тробрианской матрилинейной семьи отражается в культуре и социальной организации туземцев. Но если слишком углубиться в эту проблему, нам пришлось бы подробно разбирать с этой точки зрения чуть не каждое явление племенной жизни. Поэтому мы произведем отбор и остановимся лишь на наиболее существенных моментах. Их можно разделить на две категории: 1) свободные фантазии; 2) данные фольклора. К первой категории относятся такие продукты индивидуального воображения, как сны, мечтания, желания и идеалы, имеющие источником личную жизнь человека и фор-

мирующиеся под действием эндопсихических сил его личности. В этой группе мы будем рассматривать проявления фантазий не только в мыслях и во сне, но и в действии, так как преступление, прегрешение или поступок, вызывающий всеобщее возмущение и нарушающий представления о приличии, совершаются, когда вытесненные страсти вырываются наружу вопреки подавлению со стороны закона и морали. Такие поступки говорят как о силе идеала, так и о глубине страстей. Мы обратимся сейчас к этой категории сновидений и действий, когда человек временно сбрасывает с себя оковы обычая и на поверхность выходят вытесненные элементы, вступающие в конфликт с репрессивными факторами.

Сны и фантазии меланезийцев Тробрианских островов изучать нелегко. Удивительная и характерная черта этих аборигенов, которая, по-видимому, отличает их от других дикарей, заключается в том, что они редко видят сны, мало ими интересуются, как правило, не рассказывают их спонтанно, не считают, что у обычных снов может быть пророческое или какое-то иное важное значение и не располагают системой символического толкования сновидений. Я часто напрямую задавал информантам вопрос, снилось ли им что-нибудь, и если да, то что. Обычно ответ был отрицательным, за редкими исключениями, к которым мы еще вернемся. Объясняется ли это отсутствие сновидений или, скорее, интереса к ним тем, что мы имеем дело с обществом, в котором отсутствует подавление и секс как таковой никоим образом не ограничивается? Связано ли это с тем, что у них слабый, поздно проявляющийся «комплекс» с малым числом детских элементов? Редкие случаи свободных сновидений, оставляющих сильное впечатление и, как следствие, отсутствие воспоминаний о снах, — все это равносильно отсутствию неврозов, что подтверждает справедливость в общих чертах фрейдовской теории. Эта теория утверждает, что основная причина снов —

неудовлетворенное сексуальное желание и особенно такие сексуальные и псевдосексуальные импульсы, которые были насильственно подавлены в детстве. Удовлетворительный ответ на этот вопрос можно получить, только если собрать богатый сравнительный материал в двух обществах, схожих по культуре и образу жизни, но различающихся по типу подавления.

Я использую выражение «свободные сны», так как есть сновидения, которые трудно классифицировать, независимо от того, содержат ли они свободные или фиксированные фантазии, поскольку целиком укладываются в рамки традиции и могут быть названы «формальными снами». Например, человеку, стоящему во главе какого-то начинания, могут сниться сны о целях и задачах этого начинания. Тем, кто возглавляет рыболовные походы, снятся погода, места, где могут появиться косяки рыб, в какой день им будет сопутствовать удача, и они дают указания, сообразуясь с этим снами. Тем, кто руководит походами к другим племенам — *Кула*, снятся сны об успехе церемониальной торговли. Маги видят сны, связанные с их магией. Кроме того, существуют закрепленные в традиции типичные виды сновидений, которые являются непосредственным результатом магических заклинаний или обрядов. Так, те, кто ведет церемониальную торговлю с другими племенами, могут с помощью особого заклинания наслать на своего делового партнера сон, который склонил бы его совершить сделку. Любовная магия, по поверьям аборигенов, вызывает сны, пробуждающие любовное желание. Таким образом, может показаться, что тробрианцы выворачивают фрейдовскую теорию снов наизнанку, поскольку для них сон — это причина желания[3]. В действительности эти традиционные сны во многом соответствуют фрейдовской теории, так как представляют собой

[3] См. также мою книгу «Аргонавты западной части Тихого океана» (глава о магии, а также подробные описания ритуалов и заклинаний).

проекцию желания мага на его жертву. Жертва любовной магии чувствует во сне непреодолимое желание, соответствующее желанию наславшего сон мага. Партнер *Кула* под влиянием магии должен видеть сон о взаимовыгодном обмене и испытывать желание, совпадающее с желанием того, кто проводил магический обряд.

О таких снах не говорят, просто считается, что они существуют. Очень часто бывало так, что маг сам приходил ко мне и говорил, что ему снился хороший улов, а затем организовывал рыбалку на основании своего сна. Или маг, отвечающий за сады, говорил, что ему снилась долгая засуха, и дал соответствующие указания. Во время ежегодной церемонии в честь умерших предков я дважды имел возможность записать сны аборигенов. В обоих случаях сон касался организации праздника, причем один из сновидцев утверждал, что во сне говорил с духами и духи были недовольны. Другой класс типичных снов касается рождения детей. В таких снах будущая мать получает что-то вроде благой вести от своих умерших родственников[4].

Один из видов типичных или формальных снов — эротический сон, который интересует нас прежде всего. Мужчине снится, что ночью к нему приходит женщина; они вступают в сексуальные отношения, и, проснувшись, он обнаруживает на циновке сперму. Он скрывает это от жены, но активно пытается воплотить сон наяву и завести любовную связь с этой женщиной, так как сон значит, что та, что к нему приходила, провела обряд любовной магии и о нем мечтает.

О таких снах и последующих попытках завести отношения с женщиной из сна мне лично рассказывали несколько туземцев.

Естественно, как только я слышал от них пересказ эротических сновидений, тут же шел по следу инцестуальных снов. На вопрос: «Снилась ли тебе так

[4] См. мою статью «Балома», напечатанную в «Журнале Королевского антропологического института» (1916).

мать?» ответом было спокойное отрицание без всяких признаков шока. «Мать запрещена — только *тонагова* (дураку) может такое присниться. Она старая женщина. Это невозможно». Но всякий раз, когда этот же вопрос касался сестры, реакция была другой, резкой и эмоциональной. Конечно, я никогда не задавал этот вопрос напрямую и никогда не обсуждал его в присутствии других туземцев. Но даже вопрос, могло ли такое сниться «другим людям», вызывал ярость и негодование. Иногда информант вообще ничего не отвечал и после неловкой паузы заговаривал о другом. Кто-то отрицал это со всей серьезностью, а кто-то — с гневом и раздражением. Но проработав этот вопрос шаг за шагом вместе с моими лучшими информантами, я в конце концов установил истину и выяснил, что в действительности дела обстоят несколько иначе. На самом деле общеизвестно, что «другие люди» видят такие сны. — «Иногда человек грустен, пристыжен и раздражителен. Почему? Потому что ему снилась любовная связь с сестрой». «От этого мне стало стыдно», — говорит такой человек. Я выяснил, что это один из типичных снов, который часто беспокоит аборигенов. Это же подтверждают другие свидетельства, особенно мифы и легенды.

Как мы уже знаем, инцест между братом и сестрой — самое тяжкое нарушение правил экзогамии, согласно которым запрет распространяется на любовные отношения с любой женщиной того же рода. Однако, хотя инцест между братом и сестрой вызывает настоящий ужас, в остальном нарушение клановой экзогамии представляется чем-то весьма соблазнительным, требующим смелости и хитроумия. Соответственно сны о внутриклановом инцесте очень распространены. Сравнивая различные типы инцестуальных снов, мы имеем все основания полагать, что образ матери появляется в них редко, и такие сновидения не оставляют глубокого впечатления; что сны о дальних родственницах снятся часто и оставляют приятное впечатле-

ние; сны же об инцестуальной связи с сестрой производят глубокое и болезненное впечатление. Этого можно было ожидать, поскольку, как мы видели, по мере развития сексуальности тробрианского мальчика искушения, связанного с матерью, не возникает; к сестре тяга острая и жестоко подавляемая;, запрет же по отношению к другим женщинам из родовой общины воспринимается как нечто пикантное и не слишком строгое.

Туземцы с таким ужасом воспринимают инцест между братом и сестрой, что даже хорошо знакомый с их жизнью наблюдатель сначала убежден, что этого никогда не происходит, хотя у фрейдиста могут быть подозрения на этот счет. И они полностью оправдываются при более внимательном изучении. Инцест между братом и сестрой случался даже в былые времена, и семейные скандалы такого рода происходят и поныне, особенно ими славится правящий клан Малази. В наши дни, когда прежние нравственные нормы и институты разрушены под влиянием ложной христианской морали и действует так называемый закон белого человека, страсти, вытесненные племенной традицией, прорываются наружу даже еще сильнее и непосредственнее. У меня записано три или четыре случая, когда общественное мнение определенно, хотя и полушепотом, обвиняло брата в инцестуальных отношениях с сестрой. Но один случай выделяется среди прочих, так как это была длительная связь, герои которой прославились своим бесстыдством, дурным нравом и всевозможными скандальными выходками.

Мокадаю из рода Окопукопу был известным певцом. Как и все мужчины его профессии, он пользовался большим успехом у женщин. «Потому что, — говорят аборигены, — горло — это трубка сродни *вила* (влагалище), и они притягивают друг друга». «Мужчина с красивым голосом будет очень любить женщин, а они — его». Я слышал множество историй о том, как он был любовником всех жен вождя в Оливилеви, как

он соблазнил ту и эту замужнюю женщину. Было время, когда Мокадаю удалось сделать блестящую и очень прибыльную карьеру медиума, в его хижине происходили невероятные вещи — например, дематериализация различных ценных вещей, таким образом отправляющихся в страну духов. Но его разоблачили, и было доказано, что якобы дематериализованные предметы просто им присваивались.

Затем произошла драматичная история его инцестуальной связи с сестрой. Она была очень красивой девушкой и, будучи тробрианкой, конечно, имела множество любовников. Внезапно она отказала им всем в своей благосклонности и стала хранить целомудрие. Юноши деревни, признавшись друг другу в том, что она их прогнала, решили выяснить, в чем дело. Вскоре они догадались, что со своим таинственным избранником она встречалась в доме своих родителей. Однажды вечером, когда обоих родителей не было дома, в тростниковой крыше хижины было проделано отверстие, и через него отвергнутые любовники увидели сцену, повергнувшую их в глубокий шок: брат и сестра были пойманы на месте преступления. В деревне разразился жуткий скандал, который в старые времена, вне всякого сомнения, закончился бы самоубийством преступной пары. В настоящих условиях они могли вести себя вызывающе и сожительствовать в течение нескольких месяцев, пока она не вышла замуж и не покинула деревню.

Помимо инцеста между братом и сестрой существует, как уже упоминалось, другое нарушение правил экзогамии, которое называется *сувасова*. Мужчине запрещено вступать в отношения с женщиной из той же родовой общины под страхом позора и образования чирьев по всему телу. Против этого последнего наказания есть магическое средство, причем, как говорили мне с самодовольной ухмылкой многие информанты, абсолютно эффективное. В действительности такие проступки осуждаются мало и, как и в случае

со многими другими официальными этическими нормами, нарушитель считается умным парнем. Молодой мужчина, имеющий репутацию донжуана и большое самомнение, презирает незамужних девушек и всегда пытается завести любовную связь с замужней женщиной, лучше всего женой вождя, т.е. совершить *сувасова*. Выражение *Сувасова йоку* — «Ты, нарушитель закона экзогамии!» близко к нашему «Эй, ты, гуляка!» и является шутливым комплиментом.

Картину довершает тот факт, что в Меланезии не встречается ни одного случая инцеста между матерью и сыном; на этот счет не возникает даже тени подозрения, хотя это табу далеко не такое строгое, как запрет на инцест между братом и сестрой. В вышеприведенном обзоре типичных семейных отношений тробрианцев я говорил о том, что единственная аналогия здесь с патриархальным обществом — это отношения между отцом и дочерью. Как и следовало ожидать, инцест между отцом и дочерью — не редкость. Два или три случая совершенно бесспорны. Один из них — случай девушки, которая помимо отношений с отцом имела также любовную связь с местным парнем, моим помощником. Он хотел на ней жениться и обратился ко мне за финансовой и моральной поддержкой в этом предприятии; поэтому я знаю все подробности этого инцеста и могу утверждать, что природа и длительность этих отношений не оставляют никаких сомнений.

До сих пор мы говорили о сексуальном табу и подавленном желании его нарушить, находящем выражение в сновидениях, преступлениях и страстях. Существует, однако, еще один тип отношений, отягощенных подавленными преступными желаниями, — это отношение мужчины к его матриарху, т.е. брату матери. Со снами связан один интересный факт — поверье, что пророческий сон о смерти дяди обычно снится его *вейола* (кровному родственнику), чаще всего сыну сестры. Еще один факт, уже из области действий, а

не снов, имеет отношение к черной магии. Мужчина, овладевший искусством насылать болезни, должен выбрать свою первую жертву из числа ближайших родственников по материнской линии. Очень часто он выбирает собственную мать. Поэтому когда известно, что кто-то изучает колдовские ритуалы, его кровные родственники, т.е. родственники по материнской линии, живут в постоянном страхе за свою жизнь.

Хроники действительных преступлений также хранят несколько случаев, имеющих отношение к нашей проблеме. Одно из них произошло в деревне Осапола, в получасе ходьбы от того места, где я тогда жил, и я хорошо знал всех участников. Их было трое братьев, старший был слепым. Младший имел привычку сбивать еще незрелый орех бетельной пальмы, тем самым лишая слепого его доли. Слепой брат однажды пришел в ярость и, схватив топор, как-то сумел ранить младшего брата. Средний тогда взял копье и убил слепого брата. Магистрат белых людей приговорил его к двенадцати месяцам заключения. Аборигены восприняли это решение как возмутительную несправедливость. Убийство одного брата другим — исключительно внутрисемейное событие, безусловно, страшное преступление и ужасная трагедия, но внешний мир не имеет к этому никакого отношения и может только выражать свое сожаление и ужас, но не вмешиваться. Также в моих записях есть другие случаи жестоких ссор, драк и еще одно или два убийства в матрилинейной семье.

В то же время нет ни одного случая отцеубийства. Тем не менее, как я уже говорил, для меланезийцев отцеубийство не было бы особой трагедией, а только проблемой, которую должен решить род отца.

Помимо драматических событий, преступлений и трагедий, потрясающих племенной порядок до самых его оснований, случаются и другие, не столь значительные происшествия, которые просто свидетельствуют о кипении незримых страстей. Как мы видели,

общество постепенно формирует свои традиционные нормы и идеалы и ограждает их от посягательств, создавая барьеры и заградительные сетки запретов. Однако именно эти барьеры самим своим существованием провоцируют определенные эмоциональные реакции.

За все время моего социологического исследования сильнее всего меня поразило постепенное осознание того факта, что существует подводное течение желаний и наклонностей, противоположное течению обычаев, закона и морали. Материнское право, признающее родственные связи только по материнской линии и присваивающее им всю полноту обязательств и родственных чувств, — это диктат традиции. В действительности живые силы, основанные на личных склонностях и личном опыте, — это дружеское теплое отношение к отцу и общие с ним интересы и желания в сочетании со стремлением освободиться от экзогамных пут рода. И эти силы во многом разжигают постоянно тлеющие искры вражды между братьями и между братом матери и его племянником. Таким образом, реальные чувства человека — это, так сказать, социологический негатив традиционного принципа материнского права[5].

4. СКВЕРНОСЛОВИЕ И МИФ

Мы переходим к разговору о фольклоре в связи с типичными отношениями в матрилинейной семье и разберем наиболее популярный сюжет на границе психоанализа и антропологии. Давно общепризнано, что по той или иной причине истории о стародавних временах, рассказываемые всерьез или для развлечения, соответствуют желаниям тех, кто их рассказывает. Школа Фрейда утверждает, более того, что сказки и предания имеют отношение к удовлетворению подавленных желаний и это справедливо также и для за-

[5] Эту мысль я подробно развиваю в книге «Преступление и обычай».

крепленных в фольклоре пословиц, шуток, присловий и ругательств.

Начнем с последних. Их бессознательный смысл не стоит интерпретировать в том ключе, что они служат удовлетворению подавленных желаний оскорбляемого или даже оскорбляющего. Например, выражение «съешь испражнения», широко употребимое среди восточных народов и многих диких племен (в несколько измененной форме оно встречается и у романских народов), не удовлетворяет напрямую желания ни того, ни другого. Оно направлено только на то, чтобы унизить адресата и внушить ему отвращение. В любом оскорбительном или грязном высказывании содержатся определенные эмоционально заряженные элементы. Одни из них направлены на то, чтобы вызывать эмоции отвращения и стыда; в других адресату приписываются определенные действия, которые считаются отвратительными в данном конкретном обществе. К последним относятся богохульства, которые в европейской культуре достигли предельной изощренности в звучном испанском языке с его бесконечными вариациями «Me cago en Dios!». Сюда также относятся различные оскорбления с упоминанием социального положения, презираемых или унизительных занятий, преступных привычек и т.п.; все они представляют большой интерес с социологической точки зрения, поскольку указывают на то, что в этой культуре считается последней степенью деградации.

Инцестуальная брань, — когда человеку, которому она адресована, предлагают вступить в преступную половую связь с родственником, обычно матерью, — в Европе особенно распространена среди славянских народов, и первенство здесь принадлежит русским с многочисленными вариациями выражения «Е... твою мать». Этот вид брани интересует нас прежде всего в связи со спецификой его употребления на Тробрианских островах. В языке аборигенов существуют три инцестуальных выражения: *Квой инам* — «Сово-

купляйся со своей матерью»; *Квой лумута* — «Совокупляйся со своей сестрой» и *Квой ум квава* — «Совокупляйся со своей женой». Сочетание этих трех выражений любопытно само по себе, поскольку мы видим здесь, что и совершенно законный, и строго запрещенные виды половой связи упоминаются с одной целью — уязвить и обидеть. Градация по степени оскорбительности еще более удивительна. Приглашение к инцесту с матерью — не более чем безобидное выражение, которое произносится в шутку или в качестве добродушной насмешки. Так, например, мы можем сказать: «Иди ты к черту!». Упоминание инцеста с сестрой — тяжкое оскорбление, и это ругательство используется только в приступе настоящего гнева. Но худшее оскорбление — предложение вступить в половую связь с женой. Мне известны лишь два случая, когда это было сказано всерьез, и в одном из них оно стало причиной описанного выше братоубийства. Это выражение настолько оскорбительно, что я узнал о его существовании только после длительного пребывания на Тробрианских островах. Аборигены произносят это чудовищное оскорбление не иначе как шепотом и никогда не отпускают на этот счет шуток.

Какова психология этой градации? Очевидно, что связь со степенью чудовищности или отвратительности действия здесь не просматривается. Инцест с матерью категорически недопустим, тем не менее это самое безобидное выражение. Также градацию ругательств нельзя объяснить преступностью действия, поскольку наименее преступная, более того, законная связь оказывается наиболее оскорбительной. Настоящая причина в другом: чувство стыда и гнева, ощущение униженности, возникающие при вторжении в потаенное пространство реально существующих взаимоотношений двух людей. Интимная близость между мужем и женой оберегается крайне жестким этикетом, не таким строгим, конечно, как связь между братом и сестрой, но направленным непосредственно

на то, чтобы исключить любые неприличные намеки. Непристойные шутки на тему секса не должны звучать в обществе двух супругов, и отзываться о личных интимных отношениях в нецензурных выражениях — значит нанести тробрианцу смертельную обиду. Эта психология очень интересна, так как показывает, что одна из движущих сил оскорбления — это соотношение между правдоподобностью желания или действия и формами подавления его на социальном уровне.

С точки зрения этой же психологии становится понятным соотношение между оскорблениями с предложением инцеста с матерью и инцеста с сестрой. Тяжесть оскорбления определяется в основном вероятностью этих событий. Мысль об инцесте с матерью не менее, а может быть даже и более отвратительна аборигену, чем мысль об инцесте с сестрой. Но просто потому, что, как мы видели, все развитие сексуальной жизни ребенка практически исключает возникновение искушения вступить в половую связь с матерью, в то время как табу относительно сестры носит исключительно жесткий характер и соблюдается со всей строгостью, существует большая вероятность нарушения этого последнего. Поэтому это оскорбление задевает за живое.

О поговорках тробрианцев сказать нечего, так как их нет. Что касается присловий и других лингвистических особенностей, здесь стоит упомянуть, что слово *лугута*, «моя сестра», используется в магическом искусстве для обозначения несовместимости и взаимного отвращения.

Мы переходим сейчас к мифам и преданиям, т.е. к историям, рассказываемым с серьезной целью объяснить различные явления, общественные институты и обычаи. Чтобы изложить этот обширный и богатый материал в наиболее отчетливой и вместе с тем лаконичной форме, разделим эти истории на три категории: 1. Мифы о происхождении человека и устройстве общества, прежде всего о существующих в нем тотем-

ных и социальных делениях. 2. Мифы о культурных изменениях и достижениях: сюда входят истории о героических деяниях, о возникновении обычаев, культурных атрибутов и социальных институтов. 3. Мифы, связанные с определенными видами магии[6].

Матрилинейный характер культуры ясен уже из мифов первой группы, т.е. мифов о происхождении человека, социальном порядке, вождях, делении на тотемные группы и о различных кланах и подкланах. Эти мифы во всем их многообразии (так как в каждой местности существуют свои предания или вариации общих мифов) образуют что-то вроде единого цикла. Они все сходятся в том, что люди появились из-под земли, через отверстия в почве. У каждого подклана — свое место, откуда они появились; и событиями, произошедшими в тот важнейший момент, объясняются обычно привилегии или, наоборот, ограничения того или иного подклана. Нас здесь более всего интересует то, что первые люди, чье появление описывается в мифе, — это всегда женщина, иногда в сопровождении брата, иногда — тотемного животного, но никогда — мужа. В некоторых мифах ясно описывается, как забеременела первая прародительница. Она начинает свой род, когда по неосторожности оказывается под дождем, или купается и ее кусает рыба, или в пещере на нее падают капли воды со сталактита. Таким образом, она «открывается», в ее лоно попадает дух ребенка, и она беременеет[7]. Итак, в мифах повествуется не о со-

[6] См. главу о мифологии в книге «Аргонавты западной части Тихого океана».

[7] Фрейдистам будет интересно узнать о психологии символики, содержащейся в этих мифах. Нужно отметить, что аборигены не имеют представления об оплодотворяющей функции мужского семени, но знают, что девственница забеременеть не может и что для того чтобы стать матерью, женщина должна, как они говорят, «открыться». В повседневной жизни деревни это совершается в раннем возрасте с помощью соответствующего органа. В мифе о матери-прародительнице, где нет мужа или другого подходящего

зидательной силе отца, а о стихийной производительной мощи матери-прародительницы.

Отец не появляется ни в какой другой роли. Он вообще никогда не упоминается и не присутствует ни в одной части мифологического мира. Большинство этих местных мифов имеют очень усеченную форму, некоторые содержат только одно событие или подтверждение права и привилегии. Те из них, которые включают в себя конфликт или драматическое событие, — сущностные элементы неискаженного мифа, изображают непременно матрилинейную семью и внутрисемейную драму. Между двумя братьями происходит ссора, которая их разводит, и каждый из них уходит с сестрой. В другом мифе две сестры отправляются в путь, ссорятся, расходятся и основывают две разные общины.

В одном из мифов из этой категории, в котором рассказывается о том, как люди утратили бессмертие или, вернее, вечную молодость, к катастрофе приводит ссора между бабушкой и внучкой. В структуре мифов этой группы со всей наглядностью представлена модель матрилинейной семьи — материнское право, т.е. счет родства по женской линии, исключительная роль женщин, матриархальная система родства, вражда между братьями. Нет ни одного мифа о происхождении человека, в котором мужу или отцу отводилась бы хоть какая-то роль. То, что матрилинейная природа мифологической драмы тесно связана с матрилинейными формами подавления внутри семьи, должно быть теперь совершенно очевидно любому психоаналитику.

Рассмотрим теперь второй класс мифов, описывающих определенные культурные достижения, ставшие

Окончание сн. 7

сексуального партнера, выбирается какой-нибудь природный объект, такой как рыба или сталактит. См. подробно на эту тему мою статью в «Psyche Miniatures» (октябрь 1923 г.), переизданную в 1927 г. под заголовком «Отец в примитивной психологии».

результатом героических деяний и приключений. Мифы этого класса имеют менее рудиментарную форму, состоят из длинных циклов и содержат развернутые драматические события. Главный миф в этой категории рассказывает о герое по имени Тудава, рожденном девственницей, которая зачала, когда на нее упали капли воды со сталактита. Деяния этого героя прославляются в нескольких мифах, варьирующихся в зависимости от местности и приписывающих ему изобретение земледелия и учреждение ряда обычаев и этических норм, хотя его собственная моральная характеристика развита очень слабо. Однако главное деяние этого героя, известное во всем регионе, — это убийство великана-людоеда. Вот эта история.

Человечество счастливо жило на Тробрианском архипелаге, когда внезапно в восточной части островов появился ужасный великан-людоед по имени Доконикан. Он питался человеческой плотью и постепенно уничтожал одну деревню за другой. На северо-западе острова в деревне Лабаи жила в это время семья, сестра и ее братья. Когда Доконикан стал все ближе и ближе подбираться к Лабаи, семья решила бежать. Но сестра поранила ногу и не могла идти. Поэтому братья оставили ее вместе с маленьким сыном в пещере на берегу Лабаи и уплыли в каноэ на юго-запад. Мать вырастила мальчика, научила его, из какого дерева делаются копья, а затем научила его магии *Квойгапани*, которая похищает у людей разум. Герой отправился в плавание и, найдя Доконикана, околдовал его с помощью магии *Квойгапани*, а затем убил и отрубил ему голову. После этого они с матерью запекли голову людоеда в тесте из клубней таро. С этим страшным блюдом Тудава отправился на поиски брата своей матери. Найдя дядю, он угостил его этой запеканкой, и тот с ужасом обнаружил в ней голову Доконикана. Охваченный страхом и раскаянием, он предложил племяннику всевозможные дары в искупление своей вины перед ним и его матерью. Герой отказался от них и смилостивился только

после того, как получил в жены дочь дяди. После этого он вновь отправился в плавание и совершил ряд подвигов, которые не интересуют нас в этом контексте.

В этом мифе движущей силой драмы являются два конфликта: во-первых, каннибальская ненасытность великана и, во-вторых, оставление матери и сына дядей со стороны матери. Как показал наш анализ устройства матрилинейной семьи на Тробрианских островах, второй конфликт типичен для матрилинейной драмы и, безусловно, соответствует естественной тенденции, подавляемой племенной моралью и обычаями. Брат матери назначен ее защитником и защитником ее семьи. Но эта обязанность для него тяжела, и, кроме того, его забота не всегда с благодарностью и удовольствием принимается подопечными. Таким образом, для большинства героических драм в мифологии характерен зачин, в котором матриарх пренебрегает своими обязанностями.

Но этот второй матриархальный конфликт не вполне независим от первого. После того как Доконикан убит, его голова преподносится на деревянном блюде дяде. Если бы единственной целью этого действия было его устрашение видом чудовища, не имело бы смысла запекать голову в тесте. Более того, так как Доконикан был общим врагом человечества, вид его мертвой головы должен был обрадовать дядю. Все обстоятельства этой истории и подразумеваемая эмоция проясняются, только если предположить, что великан и дядя как-то связаны. В этом случае угостить головой каннибала другого каннибала — единственное верное наказание, и тогда в истории оказываются один злодей в двух лицах и один конфликт, разбитый на два этапа. Итак, мы видим, что сказание о Тудаве включает в себя типичную матрилинейную драму, логически завершенную и составляющую его ядро. Поэтому я ограничусь тем, что укажу безусловные особенности мифа, понятные уже по самим событиям, и не буду углубляться в дальнейшие его толкования, для чего

потребовалось бы выдвинуть ряд исторических и мифологических гипотез. Мое предположение состоит в том, что образ Доконикана не вполне объясняется связью с матриархом. Возможно, этот образ заимствован матриархальной культурой из патриархальной, и в этом случае он может символизировать одновременно отца и мужа. Если это так, то наше сказание особенно интересно тем, что показывает, как господствующий тип культуры моделирует и преображает людей и ситуации в соответствии со своим социологическим контекстом.

Еще одно событие этого мифа, которое я здесь только упомяну, — кросскузенный брак героя с дочерью брата матери. В рамках нынешней системы родственных связей аборигенов это совершенно неприемлемый, хотя и не кровосмесительный брак.

К другому мифологическому циклу относится история о двух братьях, повздоривших из-за садового участка (как это часто случается в жизни); в результате старший брат убивает младшего. В мифе не говорится о том, что старший брат пожалел о содеянном; вместо этого подробно описывается кулинарная развязка драмы: старший брат вырывает яму, обкладывает ее листьями, камнями и дровами и запекает тело своего брата в этой земляной печи, как если бы это был поросенок или большая рыба. Затем он торгует на улицах деревень запеченным мясом, обжаривая его время от времени вновь, когда обоняние говорит ему о необходимости этой процедуры. Общины, отказывающиеся от его угощения, остаются «неканнибальскими»; принимающие его становятся с тех пор каннибальскими. Таким образом, каннибализм восходит к братоубийству и к приятию или неприятию пищи, добытой таким преступным и греховным способом. Излишне говорить, что этот миф рассказывается только неканнибальскими племенами. Каннибальские племена Добу и других местностей островов д'Антркасто объясняют эту же разницу между каннибализмом и его

отсутствием другим мифом, где каннибализм, конечно, не клеймится как нечто отталкивающее. Однако в этой истории речь идет опять-таки о размолвке, если не ссоре между двумя братьями и двумя сестрами[8]. Нас в этих мифах прежде всего интересует матрилинейный след в ссоре между старшим и младшим братьями.

Миф о происхождении огня, в котором также вкратце говорится о происхождении солнца и луны, описывает ссору между двумя сестрами. Нужно добавить, что огонь в этом мифе зарождается в женских половых органах.

Читатель, привыкший к психоаналитическим интерпретациям мифа и к психологическим и антропологическим работам на эту тему в целом, может счесть мои замечания слишком простыми и наивными. Все, что было здесь сказано, лежит на поверхности, и я намеренно воздерживался от сложных или символических истолкований. Ведь мой тезис о том, что конфликты в матриархальном мифе имеют специфическую матрилинейную природу, должен быть подкреплен только бесспорными аргументами. Более того, если я прав и социологическая точка зрения действительно приближает нас к правильной интерпретации мифа, ясно, что мы не должны безоглядно полагаться на иносказательные или символические интерпретации и уверенно можем позволить фактам говорить самим за себя. Для внимательного читателя будет очевидно, что многие ситуации, понимаемые нами как прямые следствия матрилинейного комплекса, при искусственном и символическом подходе могли бы стать частью патриархальной картины мира. Конфликт между братом матери и племянником, которые должны защищать друг друга и всегда действовать сообща, но в действительности часто смотрят друг на друга как один людоед на другого; борьба и каннибальская жестокость между

[8] Эти мифы уже приводились в книге «Аргонавты западной части Тихого океана» (гл. «Мифология»).

двумя братьями, составляющими по племенному закону одно тело, — все это в общих чертах соответствует аналогичным конфликтам в патриархальной семье. Матриархальный миф отличается от патриархального лишь набором действующих лиц. Мы опираемся на социологический подход к трагедии, представленной в мифе. Впрочем, принципы психоаналитических интерпретаций остаются неизменными. В коррективах нуждался лишь социологический аспект. Но то, что эти коррективы исключительно важны и даже затрагивают фундаментальные психологические проблемы, мне, надеюсь, удалось здесь показать в достаточной мере.

Обратимся теперь к третьей категории мифов, рассказывающих о культурных достижениях и магии. Магия играет чрезвычайно важную роль во всем, что делают эти аборигены. Во всяком деле, имеющем для них жизненно важное значение, но в котором они не могут полагаться только на свои силы, они призывают на помощь магию. Магией занимаются, когда хотят подчинить себе погоду и ветер, предотвратить опасности, подстерегающие в открытом море, добиться успеха в любви, церемониальной торговле или танце. Черная магия и целительная магия играют большую роль в социальной жизни, и в качестве неотъемлемого и очень важного элемента магия входит в состав таких видов экономической деятельности, как садоводство, рыболовство и строительство каноэ. Между магией и мифом существует тесная связь.

Чаще всего сверхвозможности, демонстрируемые героями в мифах, объясняются знанием магии. Сегодня человечество, в отличие от великих мифических героев прошлого, не владеет наиболее действенными видами магии. Если бы можно было вернуть утраченные заклинания и ритуалы, люди могли бы летать по воздуху, омолаживаться и жить вечно, убивать и возвращать к жизни, всегда быть красивыми, удачливыми, любимыми и почитаемыми.

Но не только миф использует энергию магии. Магия также зависит от мифа. Почти все заклинания и ритуалы имеют мифологическую основу. Аборигены рассказывают, как люди овладели искусством магии. История того или иного магического обряда служит доказательством его эффективности. В этом, возможно, секрет социологического воздействия мифа. Так как миф живет в магии, а магия формирует и обслуживает многие социальные институты, миф, в свою очередь, оказывает на них влияние.

Рассмотрим несколько конкретных примеров таких магических мифов. Для начала стоит обсудить один миф подробно, и для этого я выбрал миф о летающем каноэ, уже публиковавшийся без сокращений[9]. Этот миф связан с судостроительной туземной магией. Нам долго рассказывают о том далеком времени, когда магические обряды, проведенные во время строительства каноэ, могли поднять его в воздух. Герой этой истории, последний (и также, по-видимому, первый), кому удалось сотворить подобное чудо, изображается в роли кораблестроителя и мага. Мы узнаем, как под его руководством было построено каноэ; как в дальней морской экспедиции на юг оно опередило все остальные, плывя по воздуху, в то время как остальные плыли по воде; и как эта экспедиция оказалась чрезвычайно удачной для владельца чудесного каноэ. Это счастливое начало истории. Теперь — трагедия. Все в деревне завидуют герою и ненавидят его. Происходит еще кое-что. Он также владеет садоводческой магией и умеет насылать бедствия. Во время всеобщей засухи выживает только его сад. Все жители деревни решают, что он должен умереть. Младший брат героя выучился у него магии каноэ и садоводческой магии. Поэтому никто из соплеменников не думал, что с убийством старшего брата они лишатся магических знаний. Преступление совершается не кем-нибудь, а

[9] «Аргонавты...».

младшим братом героя. В одной из версий он нападает на брата вместе с племянниками героя по материнской линии. В другой версии история продолжается рассказом о том, как после убийства старшего брата младший устроил погребальные торжества. Суть истории в том, что после того как дело было сделано и младший брат попытался поднять каноэ в воздух, он с ужасом обнаружил, что владеет лишь малой частью магии. Так человечество навсегда утратило магическую способность летать.

В этом мифе матрилинейный комплекс выходит на первый план. Герой, обязанный, согласно закону племени, поделиться своими магическими знаниями с младшим братом и племянником по материнской линии, просто-напросто надувает их, сделав вид, что передал им все заклинания и ритуалы, тогда как в действительности сообщает только незначительную их часть. Младший брат, в свою очередь обязанный защищать старшего, мстить за его смерть, разделять его интересы, возглавляет заговор и обагряет руки кровью брата.

При сравнении этой мифологической ситуации с социологической реальностью обнаруживается странное соответствие. Каждый мужчина обязан передать своему племяннику по материнской линии или младшему брату семейное наследие, в том числе семейный миф, семейную магию и семейные песни, а также права на определенные материальные ценности и хозяйственные обряды. Передача магических знаний должна происходить в течение жизни старшего брата. Передача имущественных прав и привилегий также часто осуществляется до его смерти. Интересно, что это законное приобретение человеком имущества, полагающегося ему по наследству от дяди по матери или старшего брата, всегда требовало определенной платы, *покала*, часто весьма значительной. Еще важнее отметить, что когда отец передает сыну какое-то имущество, он никогда ничего не просит взамен и делает это

исключительно из теплых чувств. В действительности старший брат также очень часто обманывает младшего. И между двумя людьми, которых по закону племени должны связывать общие интересы, обязательства и родственные чувства, всегда существуют взаимное подозрение и неуверенность. Нередко я обнаруживал, что какой-нибудь туземец, переняв магическое искусство у дяди или старшего брата, сам сомневается, не обманул ли его в чем-то наставник, когда передавал эти знания. Но такие сомнения неведомы человеку, получившему свои знания в дар от отца. Работая с людьми, владеющими магическими знаниями, я заключил, что более половины выдающихся магов получили их в дар от отца, а не как материнское наследство.

Таким образом, как в действительности, так и в мифе ситуация определяется комплексом и подавленным чувством и идет вразрез с законом и традиционными идеалами племени. Согласно закону и морали два брата или дядя и его племянник — друзья, союзники, разделяющие общие чувства и интересы. Но и в действительности, и в мифе они — достаточно явные враги, обманывающие, убивающие друг друга; между ними царят скорее подозрение и неприязнь, чем любовь и согласие.

Еще одна особенность мифа о каноэ заслуживает нашего внимания: из эпилога мы узнаем, что три сестры героя разозлились на младшего брата из-за того, что он убил старшего, не переняв у него искусство магии. Однако сами они успели обучиться магии и хотя, будучи женщинами, не могли построить летающие каноэ, зато умели летать, как летучие ведьмы. После того как произошло убийство, они улетели и поселились в разных местах. Этот эпизод показывает нам характерное матрилинейное положение женщины, которая изучает искусство магии до того, как им овладел мужчина. Сестры также выступают хранительницами рода, но их гнев вызван не преступлением, а тем, что пострадало родовое наследие. Если бы младший брат

вполне овладел искусством магии прежде, чем убил старшего брата, три сестры счастливо жили бы с ним до скончания века.

Еще один фрагментарный и уже публиковавшийся миф заслуживает нашего внимания[10] — миф о происхождении магии, позволяющей спасти людей в случае кораблекрушения. Жили-были два брата, старший — человек, младший — пес. Однажды старший отправился на рыбалку, но отказался взять с собой младшего. Пес, перенявший у матери магию безопасного плавания, бросился в воду и поплыл за старшим братом. Улов пса оказался больше. В отместку за нанесенную старшим братом обиду пес перешел в другой клан и завещал магические знания своим новым родственникам. Суть этой драмы заключается прежде всего в том, что мать отдала предпочтение второму сыну, что, очевидно, является матрилинейной чертой в том смысле, что мать распределяет свои милости открыто, ей не приходится обманывать отца, как матери Исава и Иакова. Здесь также имеется типичная матрилинейная ссора — несправедливый поступок со стороны старшего брата по отношению к младшему и возмездие.

Приведем еще один важный сюжет: сказание о происхождении любовной магии, представляющее собой наиболее убедительное свидетельство влияния матрилинейного комплекса. Стремясь понравиться, обольстить, произвести впечатление на другой пол, эти влюбчивые люди всячески демонстрируют свои красоту, доблесть и артистические способности. Слава хорошего танцора, певца, воина имеет сексуальный аспект, и хотя честолюбие само по себе — властное чувство, какая-то его часть всегда приносится в жертву на алтаре любви. Но более всех прочих способов обольщения аборигены почитают и чаще всего применяют прозаичное и грубое искусство магии. Местный

[10] «Аргонавты...».

донжуан будет хвалиться скорее своими магическими знаниями, чем личными качествами. Менее везучий обожатель вздыхает: «Если бы только я знал *кайроиво*». Туземцы всегда указывают на старых и некрасивых калек, которым благодаря их магическому искусству всегда сопутствовал успех в любви.

Это не простая магия. Она включает в себя ряд действий, каждое из которых состоит из особой формулы и ритуала; ритуалы необходимо исполнять один за другим, чтобы с каждым следующим все сильнее очаровывать желанного возлюбленного. Нужно сразу добавить, что любовной магией занимаются как девушки — чтобы обворожить кавалера, так и юноши — чтобы покорить любимую.

Исходное заклинание связано с ритуальным купанием в море. Заклинание произносится над губчатыми листьями, которыми аборигены пользуются как банными полотенцами. Купальщик вытирается заколдованными листьями и бросает их в волны. Листья поднимаются и опускаются на волнах, и так же должна волноваться от страсти душа возлюбленной. Иногда этого заклинания достаточно; если же нет, отвергнутый любовник прибегает к более мощному средству. Второе заклятье произносится нараспев над орехом катеху, затем маг жует и выплевывает его по направлению к возлюбленной. Если же даже это оказывается тщетным, есть третье заклинание, превосходящее два других по силе воздействия; оно произносится над каким-нибудь лакомством, таким как орех катеху или табак, и кусочек его предлагается возлюбленной, чтобы та его съела, пожевала или выкурила. Еще более решительное средство — прошептать магическое заклинание над открытыми ладонями и попытаться прижать их к груди возлюбленной.

Последний и самый радикальный способ можно без преувеличения назвать психоаналитическим. Фактически задолго до того, как Фрейд открыл преимущественно эротическую природу снов, подобные

теории были популярны среди темнокожих дикарей северо-западной Меланезии. Они верят, что при помощи определенных форм магии можно вызывать сны. Желание, испытанное в этих снах, проникает в действительность, и таким образом греза воплощается в жизнь. Это фрейдизм наоборот; но я бы не взялся сказать наверняка, чья теория верна и чья ошибочна. Что касается любовной магии, есть способ, при котором над настоенными на кокосовом масле определенными ароматическими травами произносится магическая формула, придающая этому настою свойство вызывать сны. Если магу повезет и его возлюбленная вдохнет аромат этого напитка, он непременно ей приснится. В этом сне она может увидеть и испытать то, что затем обязательно попытается воплотить в жизнь.

Из всех видов любовной магии важнейший, несомненно, *сулумвойя*. Эта магия считается весьма действенной: тому, кто хочет, чтобы маг провел для него этот обряд или же передал само магическое знание, придется заплатить большую цену. Этой магией занимаются в двух центрах. Первый расположен на восточном побережье главного острова. С прекрасного пляжа с чистым коралловым песком открывается вид на морские просторы, где за белыми бурунами в ясный день можно разглядеть силуэты далеких коралловых скал. Одна из них — остров Ива, второй центр любовной магии. Пляж деревни Кумилабвага на главном острове — что-то вроде священного храма любви для аборигенов. Здесь в белом известняке среди пышной растительности прячется грот, где разыгралась древняя трагедия. По обеим сторонам от грота бьют два родника — считается, что вода из них и поныне обладает магическими свойствами и ею можно приворожить любимого человека.

Эти два места, разделенные морем, связывает красивый миф о магии и любви. Этот миф особенно интересен тем, что объясняет возникновение любовной магии ужасным и трагическим для туземцев событи-

ем — инцестом между братом и сестрой. В этом отношении он близок сказаниям о Тристане и Изольде, Ланселоте и Гиневре, Зигмунде и Зиглинде.

В деревне Кумилабвага жила женщина из рода Малази с дочерью и сыном. Однажды, пока мать кроила себе юбку из волокон растений, сын занялся магией. Он делал это, надеясь завоевать любовь определенной женщины. Он залил очищенным кокосовым маслом жгучие листья *квайавага* и душистой *сулумвойя* (мяты) и вскипятил смесь, произнося заклинание. Затем он перелил ее в сосуд из плотных банановых листьев и поставил сосуд на тростниковую крышу. После этого он пошел искупаться в море. Тем временем его сестра собралась на пруд, чтобы наполнить водой емкости из кокоса. Проходя под тем местом, где стоял сосуд с волшебным маслом, она задела его волосами и несколько капель упали ей на волосы. Она провела по ним рукой и понюхала пальцы. Вернувшись домой, она спросила мать: «Где мужчина, где мой брат?» Местные нравы запрещают девочке задавать вопросы о брате и говорить о нем как о мужчине. Мать догадалась, что случилось. Она подумала: «Увы, мои дети помешались».

Сестра побежала за братом и нашла его на пляже. Он был без фигового листа. Она сняла юбку из волокон растений и, нагая, попыталась к нему приблизиться. В ужасе от увиденного брат убежал от нее и бежал вдоль пляжа, пока путь ему не преградила отвесная скала, которой на севере оканчивается пляж Бокарайвата. Он повернулся и побежал к другой скале, неприступно возвышающейся на южном конце пляжа. Так они трижды пробежали вдоль пляжа в тени нависающих деревьев, пока брат, изможденный и обессилевший, не позволил сестре поймать его. Они упали, обнявшись, на мелководье и лежали в ласковых волнах. Затем, мучась угрызениями совести, но не сумев погасить любовный пыл в груди, они ушли в грот Бокарайвата и оставались там без еды, питья и сна. И там они умерли, сжав друг друга в объятиях,

и из их переплетенных тел выросла душистая мята (*сулумвойя*).

Человеку на острове Ива приснился *кирисала*, магический сон об этом трагическом событии. Ему было видение. Он проснулся и сказал: «В гроте Бокарайвата умерли два человека, и из тел их вырос *сулумвойя*. Я должен идти». Он сел в каноэ, переплыл со своего острова на остров Китава, а затем с Китавы — на главный остров, пока не высадился на трагическом пляже. Там он увидел, что над гротом парит рифовая цапля. Он вошел и увидел *сулумвойя*, растущую из груди любовников. После этого он пошел в деревню. Мать созналась в том, что ее семья опозорена, и дала ему магическую формулу. Он выучил ее наизусть и часть заклинания привез с собой на остров Ива, а часть оставил в Кумилабвага. В гроте он сорвал немного мяты и взял с собой. Он вернулся на Ива, свой остров, и сказал: «Я привез верхушку магии; ее корни остались в Кумилабвага. Там они и останутся, в канале Кадиусаваса, в воде Бокарайвата. В одном роднике должны купаться мужчины, в другом — женщины». Затем человек с Ива установил табу, связанные с магией, описал ритуал и поставил условием, что люди Ива и Кумилабвага должны получать оплату за то, что позволяют другим людям пользоваться их магией и священными местами. Те, кто проводит ритуал на пляже, могут стать свидетелями традиционного чуда или, по крайней мере, предзнаменования. Миф изображает человека с Ива первым свидетелем чуда: после того как ритуал закончен и можно ожидать положительных результатов, на мелководье появляются и играют друг с другом две маленькие рыбки.

Я очень кратко изложил здесь последнюю часть мифа, так как в полной версии содержатся притязания на особое положение в обществе, граничащие с утомительным хвастовством; рассказ о чуде обычно влечет за собой воспоминания о недавнем прошлом, описание обряда обрастает техническими подробностями,

а перечень табу превращается в морализирование. Но для рассказчика из числа местных жителей последняя часть представляет практический, прагматический и часто личный интерес, и, возможно, для него она имеет большее значение, чем все остальные. Антрополог больше узнает из этой части, чем из предшествующей ей драмы. В мифе отчетливо просматриваются социальные притязания, поскольку магия, о которой здесь идет речь, является личной собственностью. Только полноправный обладатель магических знаний может передать их тому, кто приобретает их на законном основании. Вся сила магии заключается в строгом соблюдении традиции. Факт прямого родства между нынешним исполнителем ритуала и первоисточником исключительно важен. В некоторых магических формулах перечисляются имена всех магов, когда-либо ими пользовавшихся. Необходима уверенность в том, что те или иные ритуалы и заклинания полностью соответствуют исходному образцу. И миф представляет собой первоисточник, будучи последним звеном в этом обратном отсчете. Кроме того, это хартия магической преемственности, начало отсчета родословной.

В связи с этим нужно сказать несколько слов о социальных условиях, в которых существуют магия и миф. Некоторые формы магии не привязаны к определенному месту. Это знахарство, любовная магия, магия красоты и магия *Кула*. Для них родство не менее важно, хотя это не кровное родство. Другие формы магии связаны с конкретной территорией, занятиями местной общины, с определенными исключительными правами, которыми обладают вождь и главная деревня. Сюда относятся все формы садоводческой магии, которая может быть действенной только при условии тесной связи с землей. Сюда относится магия, применяемая при ловле акул и других рыб. Сюда же относятся определенные ритуалы с каноэ, магия красных раковин, из которых делаются украшения, и прежде всего магия *вайгиги* — высшая магия дождя и

солнца — исключительное право верховных вождей Омаракана.

Во всех этих видах магии эзотерическая сила слов составляет такую же неотъемлемую часть определенной местности, как и жители деревни, применяющие магию. Таким образом, магия не только относится к конкретной территории, но и является исключительным и наследственным правом матрилинейной родственной группы. В этих случаях миф о происхождении магии нужно рассматривать в одном ряду с мифом о происхождении конкретной общины как социологический фактор, объединяющий группу, формирующий чувство общности и общую культурную ценность.

Еще одна особенность привлекает внимание в конце описанного нами мифа и отличает большинство других мифов на тему магии — перечисление знамений, чудес и предсказаний. Мы можем сказать, что так же, как местный миф утверждает права общины в связи с прецедентом, миф об искусстве магии подтверждает их посредством чудес. Магия основывается на вере в особую силу, которая транслируется через человека и всегда наследуется по традиции[11]. Свидетельством действенности этой силы является миф, но она также должна подтверждаться тем единственным, что люди принимают как окончательное доказательство, а именно практическими результатами. «По плодам их узнаете их». Первобытный человек, не менее, чем современный человек, полагающийся на науку, хочет видеть подтверждение своим взглядам в виде эмпирических фактов. Эмпирика веры, будь это вера дикарей или людей цивилизованного мира, состоит из чудес. А живая вера всегда творит чудеса. Нет ни одной цивилизованной религии, которая бы обходилась без святых и чертей, знамений и прозрений и где бы дух Божий не сходил на верующих. Нет ни одного ново-

[11] «Аргонавты...», гл. «Магия» и «Сила слова в магии». См. также книгу Огдена и Ричардса «Значение значения», гл. II (*Ogden C.K., Richards I.A.* The Meaning of Meaning).

модного вероучения, ни одной новой религии, будь это спиритизм, теософия или «христианская наука», которая бы не могла доказать свою легитимность неопровержимым фактом проявления сверхъестественной силы. У дикарей также имеются свои доказательства, и на Тробриандских островах, где магия — главное проявление сверхъестественного, этим доказательством является магия. Каждую форму магии окружает ореол маленьких чудес, иногда увеличивающийся, если появляются новые убедительные доказательства действия сверхъестественных сил, иногда вновь уменьшающийся, но никогда не исчезающий совсем.

Что касается, например, любовной магии, то ее чудотворная сила, отголоски которой присутствуют в многочисленных хвастливых утверждениях о действенности ворожбы, а также в рассказах об удивительных случаях, когда первые красавицы увлекались безобразными мужчинами, достигла кульминации в описанном выше случае нашумевшего инцеста между братом и сестрой. Это преступление часто объясняется несчастным случаем, подобным тому, который произошел с мифическими любовниками — братом и сестрой из Кумилабвага. Миф, таким образом, является основой и фоном всех современных чудес; он остается их образцом и мерилом. Я мог бы привести другие примеры подобной связи между изначальным чудом, о котором рассказывает миф, и его повторением в виде современных чудес живой веры. Читатели книги «Аргонавты западной части Тихого океана» помнят, как мифология церемониальной торговли отражается в современном обычае и практике. В магии вызывания дождя, садоводства и рыболовства прослеживается устойчивая тенденция рассматривать чудесные подтверждения магической силы как повторение в ослабленной форме изначального чуда.

Наконец, большинство мифических сказаний заканчивается установлением предписаний, ритуалов, табу и социальных норм. Когда миф об определен-

ном виде магии рассказывает практикующий ее человек, он, конечно, указывает в развязке истории свои собственные функции. Он сам верит, что действует заодно с основателем магии. В любовной магии, как мы видели, место, где произошла первая трагедия, с его гротом, пляжем и родниками, стало важным святилищем, обладающим магической силой. Местным жителям, которые больше не обладают монополией на магию, очень дороги определенные права, все еще связанные с этим местом. Та часть ритуала, которая до сих пор связана с местом, естественно, привлекает их внимание. В магии дождя и солнца Омаракана, которая является одним из краеугольных камней власти вождя, миф вращается вокруг одной или двух местных черт, также фигурирующих в современном ритуале.

Туземцы верят, что все сексуальное влечение, вся сила обольщения заключается в магии любви.

В ловле акул и *калала* также важны специфические местные элементы. Но даже в тех историях, которые не связывают магию с определенным местом, длинные предписания относительно ритуала либо выступают в качестве неотъемлемой части повествования, либо вкладываются в уста одного из персонажей. В директивном характере мифа проявляется его, по сути, утилитарная функция, тесная связь с ритуалом, верованием, живой культурой. Миф часто описывается психоаналитиками как «извечный сон расы». Эта формула неверна даже в качестве грубого приближения, если учесть практическую и прагматическую природу мифа, о которой мы только что говорили. Мы лишь едва затронули эту тему здесь, поскольку более она раскрывается в другой моей работе[12].

В этой работе я прослеживаю влияние матрилинейного комплекса только на одну культуру, изученную мною лично в процессе интенсивной полевой работы.

[12] «Миф в примитивной психологии» (Myth in Primitive Psychology // Psyche Miniatures. 1926).

Однако полученные результаты могут иметь намного более широкое применение, так как мифы об инцесте между братом и сестрой часто встречаются у матрилинейных народов, особенно в тихоокеанском регионе, а ненависть и соперничество между старшим и младшим братьями или между племянником и дядей — характерная черта мирового фольклора.

III. *Психоанализ и антропология*

1. РАЗРЫВ МЕЖДУ ПСИХОАНАЛИЗОМ И СОЦИОЛОГИЕЙ

Психоаналитическая теория Эдипова комплекса была изначально сформулирована вне какого бы то ни было социологического или культурного контекста. И это понятно, поскольку психоанализ начинался как метод лечения, основанный на медицинских наблюдениях. Затем он был расширен до учения о неврозах вообще; затем до теории психологических процессов в целом; и наконец, стал системой, которая объясняет большинство явлений тела и духа в обществе и культуре. Очевидно, что такие претензии слишком амбициозны, но даже частичная их реализация была бы возможна только в результате компетентного и искреннего сотрудничества экспертов в психоанализе с другими специалистами. Эти последние могли бы, взяв на вооружение психоаналитические принципы, открыть новое направление исследования. В свою очередь они могли бы предоставить свои особые знания и методы в распоряжение психоаналитиков.

К сожалению, новое учение не получило доброжелательного приема и не было понято: наоборот, большинство специалистов либо проигнорировали психоанализ, либо выступили против него. Как следствие мы видим, с одной стороны, жесткую эзотерическую изоляцию психоанализа, а с другой — невежество в отношении того, что, несомненно, является важным вкладом в психологию.

Эта книга представляет собой попытку соединить антропологию и психоанализ. Подобные попытки

предпринимались также и со стороны психоаналитиков. В их числе — любопытная статья доктора Эрнеста Джонса[1]. Я выбрал ее в качестве примера, поскольку эта статья представляет собой критический разбор первой части настоящей книги, которая появилась в виде двух предварительных статей в 1924 году[2]. Эссе доктора Джонса — типичная иллюстрация определенных различий в подходе антропологов и психоаналитиков к проблеме примитивного общества, поскольку автор, предлагая свою интерпретацию материнского права у меланезийцев, сложности их системы законов и организации родственных связей, обнаруживает понимание сложных антропологических вопросов.

Здесь будет целесообразно привести краткое описание взглядов доктора Джонса. Цель его эссе — дать психоаналитическое объяснение института материнского права и незнания отцовства, существующего у некоторых примитивных народов. Согласно психоанализу эти два явления нельзя принимать за чистую монету. Таким образом, эти дикари, придерживаясь подобных взглядов на деторождение, демонстрируют столь безошибочный символизм, «что можно говорить, по крайней мере, о бессознательном понимании ими истины». И это подавленное знание фактов отцовства находится в тесной связи с особенностями материнского права, так как здесь действует тот же мотив — желание подрастающего мальчика защититься от чувства ненависти, которое он испытывает к отцу.

В подтверждение этой гипотезы доктор Джонс в значительной мере опирается на материал, собранный на Тробрианских островах, но приходит к отлич-

[1] «Материнское право и сексуальное невежество дикарей» (*Jones E.* Mother-Right and the Sexual Ignorance of Savages // International Jounal of Psycho-Analysis. 1925. Vol. VI. Part 2. P. 109–30).

[2] «Психоанализ и антропология» (Psycho-Analysis and Anthropology // Psyche. Vol. IV).

ным от моих выводам, особенно в том, что касается центральной темы — зависимости формы нуклеарного семейного комплекса от социальной структуры конкретной анализируемой культуры. Доктор Джонс придерживается теории Фрейда об Эдиповом комплексе как о фундаментальном — а по сути, первоначальном — феномене. Он высказывает мнение, что из двух составляющих его элементов — любви к матери и ненависти к отцу — последний играет куда более важную роль в формировании вытеснения. Попытка избежать чувства ненависти к отцу выражается просто в отрицании факта рождения от отца: «Участие отца в совокуплении и зачатии отвергается, и, как следствие, ненависть к нему смягчается и обходится стороной». Но с отцом еще не все. «Благоговение, ужас, уважение и подавленная враждебность, неотделимые от образа отца, навязчивые противоречивые чувства дикарей» никуда не исчезают, поэтому выбирается дядя в качестве, так сказать, козла отпущения, на которого можно свалить все грехи как на старшего мужчину, облеченного властью, а отец продолжает оставаться дружелюбным и приятным членом семьи. Таким образом, «отец распадается на доброго и снисходительного фактического отца, с одной стороны, и строгого и поучающего дядю, с другой». Другими словами, сочетание материнского права и незнания отцовства защищает как отца, так и сына от взаимной враждебности и соперничества за любовь матери. Для доктора Джонса Эдипов комплекс есть нечто основополагающее, а «матрилинейная система с дядиным комплексом возникает... как способ защиты от тенденций изначального Эдипова комплекса».

Все эти соображения знакомы читателям первых двух частей этой книги и в основном справедливы.

Я не готов безоговорочно согласиться с главным утверждением доктора Джонса, что назначение и материнского права, и незнания отцовства — «избежать ненависти, которую подрастающий мальчик испыты-

вает обычно по отношению к отцу». Я думаю, этот тезис нуждается в более тщательной проверке в различных антропологических областях. Но этот подход, как мне кажется, совершенно не противоречит ни тому, что я узнал о системе родства в Меланезии по личным наблюдениям, ни тем сведениям об устройстве любых других систем родства, что я почерпнул из научной литературы. Если, как я полагаю и надеюсь, гипотеза доктора Джонса подтвердится в ходе дальнейших исследований, ценность моих собственных наблюдений, конечно, значительно повысится, так как это означало бы, что мне посчастливилось описать не единичный случай, а явление универсального характера с точки зрения эволюции и генезиса. Некоторым образом мне представляется, что гипотеза доктора Джонса — это смелое и оригинальное развитие моих собственных выводов о том, что в материнском праве семейный комплекс — не Эдипов комплекс; что в матрилинейных условиях ненависть направляется не на отца, а на дядю по материнской линии, и что любые инцестуальные намерения направляются не на мать, а на сестру.

Доктор Джонс, однако, не только придерживается более универсального подхода, в чем я готов его поддержать, но и привносит некое метафизическое или причинно-следственное измерение в том смысле, что рассматривает комплекс как *причину*, а всю социологическую структуру как *следствие*. В эссе доктора Джонса, как и в большинстве психоаналитических интерпретаций фольклора, обычаев и институтов, предполагается универсальность Эдипова комплекса, словно он существует независимо от типа культуры, социальной организации и сопутствующих представлений. Где бы в фольклоре мы ни встретили ненависть между двумя мужчинами, один из них понимается как символизирующий отца, а другой — сына, независимо от того, существуют ли в данном обществе возможности для конфликта между отцом и сыном. Опять-таки

все вытесненные или преступные чувства, так часто присутствующие в мифологических трагедиях, психоаналитики относят к инцестуальной любви между матерью и сыном, хотя можно показать, что эти намерения исключаются в силу определенного устройства данного общества. И поэтому доктор Джонс в цитируемой выше статье говорит, что при том что мои результаты могут быть верны «на исключительно описательном уровне», корреляция между социологией и психологией, на которой я настаиваю, «крайне сомнительна». И далее: «если сосредоточить внимание на социологических аспектах материала», мои взгляды могли бы «даже показаться вполне правдоподобным предположением», не приведи мое «недостаточное внимание к генетическим аспектам проблемы» к утрате «объемной перспективы, т.е. чувства ценности, основанного на близком знании бессознательного». Доктор Джонс приходит к беспощадному выводу, что «чем дальше от концепции Малиновского, тем ближе к истине».

Радикальное расхождение между психоаналитической доктриной и эмпирической антропологией или социологией, заявленное в приведенных мною цитатах, представляется мне несуществующим. Психоанализ не должен быть оторван от эмпирической этнографии, а описательная работа по антропологии — от психоаналитической теории. Я также не могу признать себя виновным в излишнем внимании к социологическим элементам. Попытавшись обобщить эти факторы в формуле нуклеарного комплекса, я никоим образом не стремился приуменьшить значение биологических, психологических или бессознательных факторов.

2. «ВЫТЕСНЕННЫЙ КОМПЛЕКС»

Мой главный тезис точно и емко сформулирован самим доктором Джонсом в следующем виде: «Представление, что нуклеарный семейный комплекс варьирует-

ся в зависимости от конкретной семейной структуры, существующей в том или ином обществе. Согласно его (т.е. Малиновского) взглядам при матрилинейной семейной системе, возникшей по неизвестным социальным и экономическим причинам, вытесненный нуклеарный комплекс состоит из влечения брата и сестры друг к другу и ненависти племянника к дяде; когда эту систему заменяет патрилинейная, нуклеарный комплекс превращается в знакомый нам Эдипов комплекс». Все это совершенно верная интерпретация моих взглядов, хотя доктор Джонс и выходит за пределы моих ранее опубликованных выводов. Как полевой исследователь я до сих пор в этом сочинении не выходил за рамки «исключительно описательного уровня», но в данной части настоящей работы я воспользуюсь возможностью изложить свои генетические взгляды, взгляды на происхождение.

Как уже упоминалось, основное затруднение заключается в том обстоятельстве, что для доктора Джонса и других психоаналитиков Эдипов комплекс есть нечто абсолютное, изначальный источник, *fons et origo* — начало всего. Для меня же нуклеарный семейный комплекс является функциональным образованием, зависящим от структуры и культуры общества. Он обязательно обусловлен сексуальными ограничениями, характерными для данного общества, и особенностями распределения власти. Я не могу назвать комплекс первопричиной всего, уникальным источником культуры, организации и верований; метафизической сущностью, созидающей, но не созданной, предшествующей всему и не вызванной ни чем.

Я позволю себе процитировать еще несколько важных фрагментов из статьи доктора Джонса, чтобы продемонстрировать те неясности и противоречия, которые я имею в виду. Они представляют собой образчик типичной аргументации в ортодоксальных психоаналитических рассуждениях относительно обычаев диких племен.

Даже там, где (как, например, в матрилинейном обществе Меланезии) их обнаружить не удается, «изначальные Эдиповы тенденции» все-таки присутствуют в скрытом виде: «запрещенная и подсознательная любовь к сестре — только замена матери, а дядя — замена отца». Другими словами, Эдипов комплекс просто замаскирован другим комплексом, как если бы это была картина, нарисованная поверх другой картины. Собственно говоря, доктор Джонс использует даже еще более недвусмысленную терминологию и говорит о «вытеснении комплекса» и о «различных сложных механизмах, посредством которых это вытеснение создается и поддерживается». И в этом для меня заключается первая неясность. Я всегда исходил из того, что комплекс — это сложившаяся конфигурация установок и сентиментов, отчасти лежащих на поверхности, отчасти вытесненных, но всегда присутствующих в бессознательном. Такой комплекс всегда можно выявить эмпирическим способом, практическими методами психоанализа, изучением мифологии, фольклора и других культурных проявлений бессознательного. Если же — и доктор Джонс, похоже, вполне это признает — установки, типичные для Эдипова комплекса, не обнаруживаются ни в сознательной, ни в бессознательной жизни; если, как было доказано, нет никаких их признаков ни в тробрианском фольклоре, ни в снах и видениях, ни в чем-либо еще; если все эти проявления говорят о существовании другого комплекса — где тогда искать этот вытесненный Эдипов комплекс? Можно ли говорить о каком-то еще бессознательном, которое залегает глубже известного нам бессознательного, и что же тогда стоит за понятием вытесненного вытеснения? Конечно, все это выходит за рамки классического психоаналитического учения и заводит нас в совершенно неизвестные края; и я даже подозреваю, что это края метафизики!

Перейдем теперь к рассмотрению механизмов, приводящих к вытеснению комплекса. Как утверждает

доктор Джонс, это прежде всего стремление провести границу между кровным и социальным родством посредством различных обычаев, отрицающих фактическое рождение и вводящих рождение ритуальное, а также настаивающих на незнании отцовства и т.д. Я хотел бы сразу сказать, что во многом согласен с точкой зрения доктора Джонса, хотя и смотрю иначе на определенные моменты. Так, я бы не стал столь уверенно говорить о «тенденциозном отрицании физического отцовства», поскольку я совершенно убежден, что незнание этих сложных физиологических процессов так же естественно, как незнание процессов переваривания пищи, секреции, постепенного старения организма, в общем всего, что происходит с человеческим телом. Я не знаю, почему мы должны предполагать, что люди на очень низком уровне культуры приобрели каким-то образом знание об определенных аспектах эмбриологии, в то время как во всех остальных аспектах естествознания они не знают почти ничего о причинно-следственных связях явлений. Тем не менее то, что разделение или, по крайней мере, частичная независимость биологических и социальных отношений в культуре имеют важнейшее значение в примитивном обществе, я попытаюсь показать довольно подробно.

Однако в том, что касается незнания отцовства, мои взгляды, по-видимому, отличаются от взглядов доктора Джонса. Так, в одном месте он говорит: «Между незнанием роли отца в зачатии, с одной стороны, и установлением материнского права, с другой, существует тесная косвенная связь. Я думаю, что оба эти явления вызваны одним мотивом; в каком хронологическом порядке они находятся по отношению друг к другу — совершенно другой вопрос, который будет рассмотрен позднее. Мотив, согласно этой точке зрения, в обоих случаях состоит в том, чтобы отвести от отца ненависть, испытываемую подрастающим мальчиком». Это очень важный момент, но доктор Джонс

сам не вполне в этом уверен, поскольку в другом месте он пишет: «Нет причины полагать, что незнание, или, скорее, вытеснение, роли отца в деторождении среди дикарей — необходимый атрибут материнского права, хотя очевидно, что оно должно было в существенной мере подкрепить те мотивы, что привели к установлению материнского права». Связь между двумя процитированными предложениями не вполне ясна: последнее не во всем верно, но первое было бы более понятно, если бы автор пояснил, что имеет в виду под «тесной косвенной связью». Значит ли это, что и незнание отцовства, и материнское право — необходимые *следствия* главной причины, т.е. Эдипова комплекса, или они оба связаны с ним весьма условно? Если так, при каких условиях необходимость замаскировать Эдипов комплекс приводит к материнскому праву и незнанию, а при каких этого не происходит? Без таких конкретных данных теория доктора Джонса — не более чем абстрактное предположение.

Перейдем теперь от механизмов к «изначальной причине». Это, как мы знаем, Эдипов комплекс, понимаемый как нечто абсолютное и в смысле своего происхождения трансцендентное. Отвлекаясь от статьи доктора Джонса и обращаясь к антропологическим работам психоаналитиков в целом, мы узнаем, как предположительно возник Эдипов комплекс. Он возник в результате известного тотемного преступления в первобытной орде.

3. «ПЕРВОПРИЧИНА КУЛЬТУРЫ»

Теория Фрейда о драматичных истоках тотемизма и табу, экзогамии и жертвоприношения имеет огромное значение для всех психоаналитических работ по антропологии. Разумеется, ее нельзя обойти молчанием и в настоящей работе, в которой мы попытались соединить психоаналитические взгляды и антрополо-

гические находки. Поэтому мы используем эту возможность подвергнуть эту теорию подробному критическому разбору.

В книге «Тотем и табу» Фрейд показывает, как Эдипов комплекс может объяснить тотемизм и избегание тещи, почитание предков и запрет на инцест, отождествление человека со своим тотемным животным и идею Бога-Отца[3]. Фактически Эдипов комплекс, как мы знаем, должен рассматриваться психоаналитиками как источник культуры, как то, что произошло до начала культуры, и в своей книге Фрейд предлагает гипотезу, описывающую, как именно возник Эдипов комплекс.

В этом Фрейд берет пример с двух своих знаменитых предшественников — Дарвина и Робертсона Смита. У Дарвина он заимствует идею «первобытной орды», или, как переименовал ее Аткинсон, «циклопической семьи». Согласно этой точке зрения ранняя форма семьи или социальной жизни состояла из маленьких групп, возглавляемых зрелым мужчиной, который держал в подчинении определенное количество женщин и детей. У другого великого исследователя — Робертсона Смита Фрейд позаимствовал предположение о важности тотемных жертвоприношений. Робертсон Смит полагал, что первый религиозный акт состоял в общей трапезе, когда члены рода поедали с надлежащими церемониями тотемное животное. Затем из тотемной трапезы выросло жертвоприношение — практически универсальный и, несомненно, важнейший религиозный акт. Табу, запрещающее употреблять в пищу тотемных животных в обычное время, представляет собой негатив ритуальной общности и сопричастности. К этим двум гипотезам Фрейд добавил собственную: отождествление человека с тотемом — черта мышления, характерная для детей, примитивных людей и невротиков и основанная на тенденции

[3] *Freud S.* Totem and Taboo. N.Y., 1918 (цит. по: *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.: Азбука-классика, 2005).

отождествлять отца с каким-нибудь неприятным животным.

В этом контексте нас прежде всего интересует социологическая сторона теории, и я полностью процитирую фрагмент из сочинения Дарвина, на котором основана теория Фрейда. Дарвин говорит: «Судя по тому, что нам известно о ревности у всех млекопитающих, из которых многие обладают специальным оружием для борьбы с соперниками, мы действительно можем заключить, что общее смешение полов в естественном состоянии весьма невероятно... Если поэтому в потоке времени мы оглянемся далеко назад и сделаем заключение о социальных привычках человека, как он теперь существует, то самым вероятным будет мнение, что человек первоначально жил небольшими обществами, каждый мужчина с женщиной или, если у него была власть, со многими, которых он ревностно защищал от других мужчин. Или он не был социальным животным и все же жил один со многими женами, как горилла, потому что все туземцы согласны в том, что в группе горилл можно встретить только одного взрослого самца. Когда молодой самец подрастает, происходит борьба за власть и более сильный становится главою общества, убив или прогнав остальных (см. работу доктора Т.С. Савиджа в «Бостонском журнале по естественной истории» за 1845–1847 гг., т. V). Младшие самцы, изгнанные таким образом, скитаются одни, и, когда наконец им удастся найти самку, они таким же образом не допустят слишком близкого кровосмесительства среди членов одной и той же семьи»[4].

Я могу сразу отметить, что в этом отрывке Дарвин не делает различия между человеком и гориллой. И для антрополога нет причины осуждать его за эту путаницу: меньшее, что может сделать наука, — это отрезвить нас от всяческого высокомерия по отноше-

[4] *Фрейд З.* Тотем и табу (цит. по: *Дарвин Ч.* Происхождение человека. Т. II. Гл. 20).

нию к нашим человекообразным братьям! Но если с философской точки зрения разница между человеком и обезьяной несущественна, для социолога отличие семьи человекообразных обезьян от организованной человеческой семьи крайне важно. Он также должен четко различать животную жизнь в условиях природы и человеческую жизнь под воздействием культуры. Для Дарвина, выдвинувшего биологический довод против гипотезы о промискуитете, это различие не имело значения. Если бы он говорил об истоках культуры, если бы он попытался определить момент ее рождения, отчетливое разграничение природы и культуры было бы для него крайне важно. Фрейд, который, как мы увидим, действительно пытается понять и изобразить «великое событие рождения культуры», совершенно не справляется со своей задачей в том смысле, что теряет из вида эту разграничивающую линию и помещает культуру в такие условия, в которых *ex hypothesi*[5] она не может существовать. Более того, Дарвин говорит только о женах лидера общины и ни о каких других женщинах. Он также утверждает, что изгнанные молодые мужчины в итоге находят партнера и больше не заботятся о родительской семье. Фрейд существенно видоизменяет дарвинскую гипотезу по двум этим пунктам.

Я позволю себе процитировать слова отца психоанализа полностью, чтобы обосновать свою критику. Фрейд пишет: «В дарвиновской первичной орде нет места для зачатков тотемизма. Здесь только жестокий ревнивый отец, приберегающий для себя всех самок и изгоняющий подрастающих сыновей». Как видим, взрослый самец представлен как приберегающий *всех самок* для себя, а изгнанные сыновья остаются где-то поблизости, в группе, чтобы подготовиться к гипотетическому событию. И, действительно, чудовищное преступление происходит на наших глазах — вполне

[5] Согласно гипотезе (*лат.*). — *Примеч. пер.*

гипотетическое, однако важнейшее в истории психоанализа, если не человечества! Ведь, согласно Фрейду, оно должно дать начало всей будущей цивилизации. Это «великое событие, с которого началась культура и которое с тех пор не дает покоя человечеству», это деяние, которое было «вначале»; это «замечательное преступное деяние, от которого многое взяло свое начало: социальные организации, нравственные ограничения и религия». Послушаем же рассказ об этой первопричине всей культуры.

«В один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца и положили таким образом конец отцовской орде. Они осмелились сообща совершить то, что было бы невозможно каждому в отдельности. Может быть, культурный прогресс, умение владеть новым оружием дали им чувство превосходства. То, что они, кроме того, съели убитого, вполне естественно для каннибалов-дикарей. Жестокий праотец был, несомненно, образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. В акте поедания они осуществляют отождествление с ним, каждый из них усвоил себе часть его силы. Тотемическая трапеза, может быть, первое празднество человечества, была повторением и воспоминанием этого замечательного преступного деяния...».

Это первый акт человеческой культуры, и тем не менее в середине описания автор говорит о «культурном прогрессе», об умении «владеть новым оружием» и, таким образом, снабжает своих докультурных животных достаточным количеством культурных предметов и орудий. Никакая материальная культура не представима без одновременного существования организации, морали и религии. Как я сейчас покажу, это не просто придирка с моей стороны — это самая суть вопроса. Мы увидим, что теория Фрейда и Джонса пытается объяснить происхождение культуры с помощью операции, которая подразумевает существование культуры до установления культуры и, следовательно,

представляет собой доказательство по замкнутому кругу. Критика этой позиции естественным образом приведет нас прямо к анализу культурного процесса и его основ в биологии.

4. ПОСЛЕДСТВИЯ ОТЦЕУБИЙСТВА

Однако, прежде чем мы перейдем к подробному разбору этой теории, давайте терпеливо выслушаем все, что Фрейд имеет нам сказать по этому вопросу, — его всегда стоит послушать. «Объединившиеся братья находились во власти тех же противоречивых чувств к отцу, которые мы можем обнаружить и у наших детей, и у наших противников как содержание амбивалентности отцовского комплекса. Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием на пути удовлетворения их стремлений к власти и их сексуальных влечений, но в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния, возникло сознание вины, совпадающее здесь с испытанным всеми раскаянием. Мертвый теперь стал сильнее, чем он был при жизни; все это произошло так, как мы теперь еще можем проследить на судьбах людей. То, чему он прежде мешал своим существованием, они сами себе теперь запрещали, попав в психическое состояние хорошо известного из психоанализа "позднего послушания". Они отменили поступок, объявив недопустимым убийство заместителя отца, тотема, и отказались от его плодов, отказавшись от освободившихся женщин. Таким образом, из сознания вины сына они создали два основных табу тотемизма, которые должны были поэтому совпасть с обоими вытесненными желаниями Эдипова комплекса. Кто поступал наоборот, тот обвинялся в единственных двух преступлениях, составлявших предмет заботы примитивного общества».

Мы видим, что убившие отца сыновья сразу после совершения преступления устанавливают законы и религиозные табу, формы социальной организации, в общем, создают культурные формы, которые будут передаваться затем из поколения в поколение на протяжении истории человечества. И здесь мы вновь сталкиваемся с дилеммой: существовал ли уже в то время исходный культурный материал — и в этом случае «великое событие» не могло породить культуру, как предполагал Фрейд, или тогда, когда было совершено убийство, культуры еще не существовало, — и в этом случае сыновья не могли установить таинства, законы и обычаи и передавать их из поколения в поколение.

Фрейд не игнорирует это соображение полностью, но, по-видимому, и не сознает его решающего значения. Он предвидит вопрос о том, насколько вероятно продолжительное влияние первобытного преступления и как долго оно могло воздействовать на последующие поколения человечества. Для того чтобы снять все возможные возражения, Фрейд призывает на помощь другую гипотезу: «...нельзя было не заметить, что мы берем за основу массовой психики, в которой протекают те же душевные процессы, что и в жизни отдельного лица». Но недостаточно просто допустить существование коллективной души — мы должны еще и наделить эту универсальную сущность почти безграничной памятью. «Мы допускали существование на протяжении многих тысячелетий сознания вины за содеянное в поколениях, которые ничего не могли знать об этом деянии. Чувственный процесс, возникший в поколении сыновей, которых мучил отец, мы распространяем на новые поколения, которые именно благодаря устранению отца не знали таких отношений».

Фрейд, кажется, не вполне уверен в обоснованности своего предположения, но имеет наготове *argumentum ad hominem*[6]. Он убеждает нас, что, какой бы дерзкой

[6] Аргумент к человеку (*лат.*). — *Примеч. пер.*

ни была его гипотеза, «не нам одним приходится нести ответственность за подобную смелость». Более того, он вводит универсальное для антропологов и социологов правило. «Без допущения наличия массовой психики, непрерывности в жизни чувств людей, которая дает возможность игнорировать прерываемость душевных актов вследствие гибели индивидов, психология народов вообще не может существовать. Если бы психические процессы одного поколения не находили продолжения в другом, если бы каждое поколение должно было заново приобретать свою направленность к жизни, то в этой области не было бы никакого прогресса и почти никакого развития». И здесь мы затрагиваем очень важный вопрос методологической необходимости концепта коллективной души. Фактически ни один компетентный антрополог сейчас не допускает существования «массовой психики», наследования приобретенных «психических предрасположенностей» или «психической непрерывности», преодолевающей границы индивидуальной души[7]. С другой стороны, антропологи могут однозначно указать среду, в которой откладывается и сохраняется для потомков опыт каждого поколения. Эта среда — тот корпус материальных объектов, традиций и типичных психических процессов, который мы на-

[7] Так, никто из авторитетных антропологов, труды которых легли в основу фрейдовской работы, — Ланг, Кроли, Маретт, — не применяет подобного рода концепции в своем анализе обычаев, верований и институтов. Фрэзер, более того, сознательно и методично не допускает проникновения этой концепции в свою работу (из личной беседы). Дюркгейма, балансировавшего на грани этого метафизического заблуждения, раскритиковали большинство современных антропологов. Ведущие социологи, такие как Хобхаус, Вестермарк, Дьюи, и социальные антропологи, в том числе Лоуи, Кребер, Боас, неизменно избегали понятия «коллективное сознание». Попытки использования в социологии концепции «массовая психика» подвергаются сокрушительной критике в книге М. Гинсберга «Психология общества» (*Ginsberg M.* The Psychology of Society. 1921).

зываем культурой. Она надиндивидуальна, но не психологична. Она сформирована человеком и, в свою очередь, формирует его. Это единственная сфера, в которой человек может выразить любой творческий импульс и тем самым внести свой вклад в общее хранилище человеческих ценностей. Это единственный источник, из которого может черпать отдельный человек, когда хочет использовать опыт других людей для личной пользы. Более полный анализ культуры, к которому мы теперь перейдем, раскроет нам механизм ее создания, поддержания и транслирования. Анализ также покажет нам, что *комплекс* — это естественный побочный продукт возникновения культуры.

Читателю, знакомому со статьей доктора Джонса, очевидно, что он полностью принимает теорию Фрейда о возникновении человеческой цивилизации. Из приведенных фрагментов ясно, что для него Эдипов комплекс — начало всего. Следовательно, комплекс должен быть докультурным образованием. Доктор Джонс совершенно недвусмысленно объявляет о своей приверженности теории Фрейда: «В отличие от Малиновского я далек от мысли отвергнуть или пересмотреть концепцию Фрейда о “первобытной орде” (“циклопическая семья” по Аткинсону). Мне, напротив, кажется, что эта концепция представляет собой наиболее удовлетворительное объяснение рассматриваемых нами сложных проблем». Доктор Джонс также полностью согласен с идеей существования расовой памяти о первобытном преступлении, поскольку говорит о «наследовании импульсов, восходящих к первобытной орде».

5. АНАЛИЗ ПЕРВОБЫТНОГО ОТЦЕУБИЙСТВА

Проанализируем теперь пункт за пунктом гипотезы Фрейда и Джонса. Гипотеза о «первобытной орде» сама по себе не содержит ничего такого, что было бы неприемлемо для антрополога. Мы знаем, что первой

формой человеческого и дочеловеческого родства была семья, основанная на браке с одной или большим количеством женщин. Приняв дарвиновскую точку зрения на родственные связи, психоанализ отказался от гипотез первобытного промискуитета, группового брака и сексуального коммунизма, и в этом отношении его выводы поддерживаются и полностью совпадают с выводами профессиональных антропологов. Но Дарвин, как мы помним, не разграничивал явным образом статус животного и статус человека, и Фрейд в своей реконструкции доводов Дарвина окончательно устранил все различия, какие подразумевались великим натуралистом. Мы, следовательно, должны прояснить проблему устройства семьи на антропоидной стадии развития человека. Мы должны задаться вопросом: какие узы связывали семью *до* того, как она стала человеческой, и *после* этого? В чем разница между родственными связями животных и людей; между антропоидной семьей в ее природном состоянии и ранней человеческой семьей в условиях существования культуры?

Дочеловеческая антропоидная семья была связана инстинктивными, или врожденными, узами, которые варьировались в зависимости от индивидуального опыта, но не испытывали влияния традиции, так как животные не владеют языком и не имеют законов и общественных институтов. В природе самец и самка спариваются, движимые сексуальным импульсом в период гона и только в этот период. После оплодотворения самки новый импульс обусловливает совместное проживание, при этом самец исполняет роль защитника самки во время ее беременности. С рождением ребенка у самки просыпаются материнские инстинкты кормления грудью и проявления заботы о детеныше, в то время как самец реагирует на новую ситуацию тем, что обеспечивает пропитание семьи, охраняет ее и, если нужно, для ее защиты вступает в опасные битвы. С учетом долгого развития и медленного созревания

особи среди человекообразных обезьян для сохранения вида необходимо, чтобы родительская любовь зародилась как у самца, так и у самки, и чтобы она длилась какое-то время после рождения детеныша, пока он не научится заботиться о себе самостоятельно. Как только он достигает зрелости, биологическая потребность в семье исчезает. Эта потребность, как мы увидим далее, возникает в культуре, где ради сотрудничества члены семьи должны держаться вместе и где для передачи традиции молодое поколение не должно терять связь со старшим. Но в дочеловеческой циклопической семье детеныш, едва обретя самостоятельность, естественным образом покидал стаю.

Это эмпирические факты, касающиеся любого вида обезьян. Они соответствует интересам вида и поэтому должны приниматься как общие принципы. Они также согласуются со всем, что можно заключить на основании общих сведений об инстинктах, свойственных животным. Кроме того, для всех высших млекопитающих характерно то, что старый самец покидает стаю, как только перестает чувствовать себя полным сил и энергии и таким образом освобождает место молодому самцу. Это идет на пользу виду, потому что у животных, как и у людей, с возрастом нрав не улучшается, и старый вожак более склонен к провоцированию конфликтов. Все это свидетельствует о том, что действие инстинктов в природных условиях не оставляет места внутренним конфликтам, сложным эмоциям или трагическим событиям.

Семейная жизнь высших животных, таким образом, управляется и скрепляется врожденными эмоциональными установками. Всякий раз, когда возникает биологическая потребность, возникают и соответствующие ей психические реакции. Как только потребность исчезает, исчезает и эмоциональная установка. Если понимать инстинкт как модель поведения при непосредственной реакции на ситуацию, сопровождающейся приятными ощущениями, то можно

сказать, что семейная жизнь животных определяется цепочкой взаимосвязанных инстинктов: ухаживание, спаривание, совместное проживание, нежные чувства к детенышам и взаимопомощь родителей. Звенья следуют одно за другим, каждое следующее полностью отменяет предыдущее, так как для таких соединений инстинктивных реакций характерно, что каждая новая ситуация требует новой модели поведения и нового эмоционального отклика. В психологическом отношении очень важно понять, что каждая новая реакция заменяет и уничтожает прежнюю эмоциональную установку, что новая эмоция не несет никаких следов прежней. Животное, действующее под влиянием одного инстинкта, не испытывает действия предыдущего. Угрызения совести, душевный конфликт, противоречивые эмоции — культурные, человеческие, а не животные реакции. Работа инстинктов, разворачивание последовательностей инстинктов могут быть более или менее успешными и сопровождаться более или менее тяжелыми конфликтами, но в любом случае не оставляют места для «эндопсихических трагедий».

Какое отношение все это имеет к гипотезе первобытного преступления? Я не раз указывал, что Фрейд поместил Великую Трагедию у истоков культуры как ее первое событие. Соответствующие цитаты из Фрейда и Джонса можно было бы приводить в изобилии; но здесь нам нужно четко себе уяснить, что это положение неотделимо от их теорий: все их гипотезы развалятся, если не исходить из того, что культура началась с тотемного отцеубийства. Для психоаналитика, как мы знаем, Эдипов комплекс — основа всей культуры. Это должно значить не только то, что он определяет все культурные феномены, но и то, что он всем им предшествовал по времени. Комплекс — это *fons et origo*, из которого развились тотемизм, закон, ритуал, институт материнского права, фактически все, что для антрополога и психоаналитика относится к первым элементам

культуры. Более того, доктор Джонс возражает против моих попыток проследить культурные причины развития Эдипова комплекса уже потому, что этот комплекс предвосхищает всю культуру. Но очевидно, что если комплекс предшествовал всем культурным явлениям, то тотемное преступление, обусловившее его возникновение, нужно *a fortiori*[8] поместить на шкале времени еще раньше.

Итак, установив, что это тотемное преступление должно было произойти до того, как зародилась культура, мы сталкиваемся с альтернативной проблемой: могло ли оно произойти в условиях природы? Могло ли оно оставить след в традиции и культуре, которых тогда, *ex hypothesi*, не существовало? Как уже отмечалось, мы должны были бы допустить, что в результате одного акта коллективного отцеубийства Обезьяна обрела культуру и стала Человеком. Или же что в результате того же события они обрели так называемую расовую память, новый «сверхживотный» дар.

Остановимся на этом подробнее. В семейной жизни человекообразных обезьян каждое звено в цепочке инстинктов устраняется, как только перестает быть функциональным. Прежние инстинктивные установки не оставляют следов, и это исключает возможность развития конфликта или сложных чувств. Я согласен с тем, что эти утверждения нуждаются в дальнейшей научной проверке силами зоопсихологов, но на данный момент это пока все, что нам известно на данную тему. Но если это так, мы должны критически разобрать предпосылки циклопической гипотезы Фрейда. Зачем отцу изгонять сыновей, если они инстинктивно склонны покинуть семью, как только перестают нуждаться в родительской опеке? Почему им недостает самок, если из других групп, как и из их собственной, выходят повзрослевшие особи другого пола? Почему молодые самцы должны оставаться в родительской

[8] Тем более (*лат.*). — *Примеч. пер.*

стае, почему они должны ненавидеть отца и желать его смерти? Мы знаем, что они рады получить свободу и не хотят вернуться в родительскую стаю. К чему, наконец, им отваживаться на такое обременительное и неприятное предприятие, как убийство старого самца, когда они могут просто дождаться его отставки и вместе с ней — открытого доступа к стае, будь у них такое желание?

Каждый из этих вопросов ставит под сомнение обоснованность исходных посылок Фрейда. Фрейд, в сущности, нагружает свою циклопическую семью рядом тенденций, привычек и психических установок, которые были бы смертельны для любого вида животных. Ясно, что эта концепция неубедительна с биологической точки зрения. Невозможно допустить существование в природных условиях антропоидного вида, важнейшее дело размножения которого регулировалось бы инстинктами, враждебными всем его интересам. Но если дать волю воображению, наделив первобытную орду в доисторических джунглях всеми предрассудками, неврозами и дурным нравом европейской семьи среднего класса, то в результате возникнут весьма соблазнительные, но совершенно фантастические гипотезы.

Тем не менее попробуем поддаться соблазну фрейдовских построений и допустить, в рамках настоящего анализа, что первобытное преступление было совершено. Но даже в этом случае мы сталкиваемся с непреодолимыми трудностями. Как уже отмечалось, нам нужно поверить в то, что, совершив отцеубийство, сыновья испытывают угрызения совести, и это выражается в устроении эндоканнибальского тотемного пира и установлении сексуального табу. Это значит, что сыновья обладали сознанием. Но сознание — наиболее неестественная психическая особенность человека и явный продукт культуры. Это также значит, что они могли устанавливать законы, вводить нравственные ценности, религиозные церемонии и социальные свя-

зи. И все это опять-таки невозможно допустить или представить по той простой причине, что *ex hypothesi* события происходят во времена, когда культуры не существовало, и мы должны помнить, что культура не может возникнуть в один момент и в результате какого-либо одного действия.

В действительности переход из естественного состояния в культурное не произошел внезапно, это не был быстрый процесс или резкий переход. Мы должны представить себе развитие первых элементов культуры — речи, традиции, практических изобретений, понятийного мышления — как трудоемкий, поступательный и очень медленный процесс, включавший в себя бесконечное множество бесконечно малых шагов и растянувшийся на очень длительное время. Мы не можем реконструировать этот процесс детально, но можем говорить о существенных факторах изменений, проанализировать ситуацию раннего этапа развития человеческой культуры и до известной степени определить породивший ее механизм.

Подытожим наш критический анализ: мы выяснили, что тотемное преступление помещается у истоков культуры и рассматривается как ее первопричина. Следовательно, мы должны допустить, что преступление и все, что оно за собой повлекло, совершилось еще в природных, докультурных условиях, но такое допущение чревато противоречиями. В действительности мотив для отцеубийства отсутствует, так как в природных условиях инстинкты всегда соответствуют ситуации, функционирование инстинктов может приводить к конфликтам, но не к вытесненным психическим состояниям, а у сыновей нет причин ненавидеть отца после того, как они покидают орду. Кроме того, мы установили, что в природных условиях отсутствуют культурные институты, необходимые для закрепления эффекта тотемного преступления. Полностью отсутствует какая-либо культурная среда для развития ритуала, закона или морали.

Оба возражения можно объединить в следующем заключении: невозможно принять теорию происхождения культуры в результате одного творческого акта, будь это преступление, катаклизм или мятеж.

В нашей критике мы сосредоточились на том, что представляется нам принципиальным возражением против гипотезы Фрейда; это возражение, связанное с самой природой культуры и культурного процесса. Мы могли бы привести ряд других контраргументов, но их уже изложил в своей прекрасной статье профессор Кребер, ясно и убедительно перечислив ясные и убедительные психоаналитические и антропологические доводы против гипотезы[9].

Однако в связи с этой психоаналитической гипотезой возникает еще один принципиальный вопрос. Если действительную причину Эдипова комплекса и вдобавок всей культуры нужно искать в травматическом акте рождения посредством отцеубийства, если комплекс просто сохранился в «расовой памяти человечества» — тогда, очевидно, со временем он должен был сойти на нет. По теории Фрейда, сначала Эдипов комплекс должен был быть страшной реальностью, затем — навязчивым воспоминанием, но на высшем этапе развития культуры он должен стремиться к исчезновению.

Это следствие кажется неизбежным, но осмыслять его диалектически не приходится, поскольку доктор Джонс дает четкое и недвусмысленное объяснение этого феномена в своей статье. По его мнению, патриархат — социальная организация в высших культурах — знаменует собой благополучное разрешение всех трудностей, связанных с первобытным преступлением.

«Патриархальная система, какой мы ее знаем, свидетельствует о признании верховенства отца и о го-

[9] «Тотем и табу. Этнографический психоанализ» (*Kroeber A.* Totem and Taboo, an Ethnologic Psychoanalysis // American Anthropologist. 1920. P. 48).

товности тем не менее принимать его даже с теплым чувством, не прибегая ни к материнскому праву, ни к сложным табу. Она означает приручение человека, постепенную ассимиляцию Эдипова комплекса. Человек, наконец, смог посмотреть в лицо своему настоящему отцу и жить с ним. Фрейд мог бы сказать, что признание роли отца в семье означает важнейший прогресс в культурном развитии».

Таким образом, доктор Джонс и с его подачи сам Фрейд пришли к неизбежному выводу. Они признают, что в пределах их схемы в патриархальной культуре — наиболее отдаленной во времени от первоначального развития комплекса — произошла постепенная ассимиляция Эдипова комплекса. Это прекрасно укладывается в схему «Тотем и табу». Но как это укладывается в общую концепцию психоанализа и какое отношение имеет к антропологии?

Что касается первого вопроса, разве существование Эдипова комплекса не было открыто в одном из наших современных патриархальных обществ? И разве не открывают этот комплекс заново каждый день в ходе бесчисленных индивидуальных психоаналитических консультаций, которые проводятся в современном патриархальном мире повсеместно? Безусловно, психоаналитик — последний, кто ответит на эти вопросы отрицательно. В конце концов, по-видимому, Эдипов комплекс не так уж и хорошо «ассимилировался». Даже если допустить, что в выводах психоанализа многое преувеличено, данное положение психоанализа подтверждается обычным социологическим наблюдением. Но психоаналитик должен решить для себя — или то, или другое. Он не может лечить недуги индивидуального сознания и общества, извлекая семейные проблемы из подсознания, и в то же время радостно заверять нас, что «верховенство отца полностью признано в нашем обществе» и принимается «даже с теплым чувством». Действительно, экстремальные патриархальные институты, где *patria*

potestas доведена до абсолюта, являются источником типичных семейных проблем. Психоаналитики без устали доказывали нам это на примере Шекспира и Библии, римской истории и греческой мифологии. Разве сам герой, именем которого назван комплекс. — если такое расширительное толкование термина будет позволено, — не жил в явно патриархальном обществе? И разве его трагедия не была основана на отцовской ревности и суеверном страхе — мотивах, между прочим, типично социологических? Произвели бы эти миф и трагедия на нас такое сильное и судьбоносное впечатление, если бы мы не чувствовали, что героями, как марионетками, управляет патриархальный рок?

Большинство современных неврозов, сны пациентов, мифы индогерманских народов, наша литература и наши патриархальные принципы были истолкованы на основании Эдипова комплекса — т.е. исходя из того, что при выраженном отцовском праве сын не признает «роль отца в семье», не хочет «смотреть в лицо настоящему отцу», неспособен «жить с ним» в мире. Психоанализ как теория и как практика, несомненно, стоит на утверждении, что все неудобства современной культуры объединены под грифом «Эдипов комплекс».

Что может сказать антропология об оптимистическом взгляде, выраженном в процитированном выше отрывке? Если патриархальный строй означает счастливое разрешение Эдипова комплекса, этап, когда мужчина без страха смотрит в лицо своему отцу и т.д., — тогда где он существует в неассимилированной форме? То, что он «обходится стороной», «отклоняется» при материнском праве, было доказано в первых двух частях этой книги, а также — совершенно независимо от наших выводов — и самим доктором Джонсом. Существует ли Эдипов комплекс во всей своей силе и славе в культуре, никогда не изучавшейся с этой точки зрения эмпирически, — вопрос праздный. Целью настоящей работы было отчасти вдохновить

дальнейшие полевые исследования. Что может или не может выявить такое эмпирическое исследование, лично я не берусь предсказать. Но мне кажется, что отрицать существование проблемы, замаскировывать ее очевидно несостоятельным допущением и вычеркивать все то, что уже было сделано для ее решения, — значит оказывать медвежью услугу как антропологии, так и психоанализу.

Я указал на ряд противоречий и неясностей в психоаналитическом подходе на примере весьма любопытной работы доктора Джонса. Это следующие моменты: идея «вытесненного комплекса»; утверждение, что материнское право и незнание отцовства коррелируют друг с другом и вместе с тем независимы друг от друга; представление о том, что патриархат — это как причина Эдипова комплекса, так и счастливое его разрешение. Все эти противоречия, на мой взгляд, коренятся в учении о том, что Эдипов комплекс является *vera causa*[10] социальных и культурных феноменов, а не их результатом; что он возник в результате первобытного преступления и обрел в расовой памяти форму наследственных коллективных тенденций.

Я хотел бы упомянуть еще один момент. Если рассматривать первобытное отцеубийство как реальный исторический факт, т.е. такой, который необходимо расположить в пространстве и времени, а также соотнести с конкретными обстоятельствами, то как мы должны его себе представлять? Должны ли мы допустить, что в стародавние времена в таком-то месте, в такой-то сверхорде совершилось такое-то преступление? Что это преступление затем породило культуру и что эта культура каким-то образом распространилась по всему миру, там и сям превращая обезьян в людей? Это допущение разваливается, стоит лишь его сформулировать. Альтернативный вариант столь же труднопредставим: это что-то вроде эпидемии второ-

[10] Истинная причина (*лат.*). — *Примеч. пер.*

степенных отцеубийств, охватившей весь мир; каждая орда переживает эпоху циклопической тирании, затем совершает преступление и вступает тем самым в эпоху культуры. Чем больше мы стараемся конкретизировать и проработать эту гипотезу, тем менее склонны относится к ней иначе, чем к «сказке»[11], как назвал ее профессор Кребер, — наименование, против которого не возражал и сам Фрейд[12].

6. КОМПЛЕКС ИЛИ СЕНТИМЕНТ?

До сих пор для обозначения типичных психологических установок по отношению к членам семьи я использовал слово «комплекс». Я даже предложил новое выражение «нуклеарный семейный комплекс» в качестве применимого к различным культурам расширения понятия «Эдипов комплекс», которое, я настаиваю, применимо только к арийскому, патриархальному обществу. Но в интересах научной номенклатуры я должен пожертвовать этим новым выражением, поскольку не только не рекомендуется вводить в науч-

[11] В тексте (и Малиновского, и Фрейда) стоит «Just-so story». — иронический термин, закрепившийся в антропологии, социологии, биологии, философии как обозначение недоказуемого объяснения того, как возникли тот или иной обычай, какая-то биологическая особенность и т.п. «Just So Stories» — название сборника сказок Р. Киплинга. — *Примеч. ред.*

[12] См. работу Фрейда «Психология масс и анализ человеческого "Я"», 1922 г. (*Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». Гл. «Масса и первобытная орда». СПб.: Азбука-классика, 2009). Имя профессора Кребера напечатано как «Крегер» во всех последующих переизданиях. Можно поразмышлять над тем, какова психоаналитическая подоплека этой опечатки, в соответствии с принципом, изложенным в книге «Психопатология обыденной жизни» (*Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990). Почти непростительно, что эта опечатка в имени ведущего американского ученого закралась в американский перевод книги Фрейда!

ный обиход новые термины, но и всегда похвально избавляться от терминологических захватчиков, если можно доказать, что они претендуют на уже занятую территорию. Я полагаю, что слово «комплекс» обладает определенными смысловыми оттенками, в силу которых его можно использовать разве что только в качестве научного «жаргонизма» — того, что по-немецки называется Schlagwort[13]. Во всяком случае, требуется пояснить, что мы имеем в виду, когда его употребляем.

Слово «комплекс» относится к тому этапу развития психоанализа как науки, когда он был тесно связан с терапией и фактически представлял собой не более чем метод лечения невроза. «Комплекс» означал патогенную вытесненную эмоциональную установку пациента. Но сейчас возникает вопрос: можно ли в общей психологии выделить и изолировать вытесненную установку пациента по отношению к другому человеку и работать с ней отдельно от невытесненных элементов? Наше исследование показало, что различные эмоции, составляющие отношение человека к человеку, настолько тесно связаны и переплетены, что образуют единую, органически неразделимую систему. Таким образом, в отношении к отцу почитание и идеализация неразрывно связаны с неприятием, ненавистью и презрением, и эти последние чувства являются отражениями первых. Негативные чувства — это отчасти реакция на чрезмерное возвеличивание, тень, отбрасываемая в бессознательное ослепительной идеализацией неидеального отца. Отделить тень от части в «предсознании» и части в бессознательном невозможно; они неразрывно связаны. Допустим, в своем врачебном кабинете психоаналитик может пренебрегать видимыми элементами установки пациента, которые ничего не добавляют к заболеванию; он может обособить вытесненные элементы, сложить из них некую

[13] Модное слово (*нем.*). — *Примеч. пер.*

конструкцию и назвать ее комплексом. Но как только он покидает своих невротических пациентов и входит в лекционный зал, собираясь говорить на тему общей психологической теории, ему стоит также осознать, что комплексов не существует, что они, конечно, не ведут независимое существование в бессознательном и что они — только часть органического целого, основные составляющие которого вовсе не вытеснены.

Меня как социолога интересуют здесь не патологии, а их нормальные, обычные основания. Этот теоретический анализ было бы лучше оставить до тех времен, когда мы сможем подкрепить его фактами; и тем не менее, исследуя в настоящей работе влияние семьи, я очевидным образом указывал как на «предсознательные», так и на бессознательные элементы этого влияния. Большая заслуга психоанализа — в том, что он показал, что типичные сентименты по отношению к отцу и матери включают в себя как позитивные, так и негативные элементы; что часть из них вытеснена, в то время как другая часть находится на поверхности сознания. Но мы не должны забывать, что обе эти части одинаково важны.

Так как концепция обособленной вытесненной установки, очевидно, бесполезна в социологии, мы должны добиться ясного понимания того, как ее расширить и с какими психологическими доктринами необходимо объединить нашу концепцию «нуклеарного семейного комплекса», включающего в себя помимо «бесссознательных» еще и явно выраженные элементы. Я отчетливо показал, что некоторые новые тенденции в современной психологии особенно близки к психоанализу. Я имел в виду, конечно, важные открытия в области нашей эмоциональной жизни, сделанные А.Ф. Шандом, автором теории сентиментов, и взятые затем на вооружение Стаутом, Вестермарком, МакДугаллом и другими. Шанд первым осознал, что эмоции нельзя рассматривать как свободные, несвязанные и неорганизованные элементы, плавающие в нашей

психической среде и время от времени обнаруживающие то там, то сям свое присутствие. Его теория, так же, как и все новые работы на эту тему, основывается на впервые сформулированном им принципе: наша эмоциональная жизнь, безусловно, соответствует окружающей среде; многие события и люди вызывают у нас эмоциональный отклик. Эмоции организованы в определенную систему вокруг каждого человека или объекта — любовь, ненависть, привязанность к родителям, стране или профессии. Такую систему организованных эмоций Шанд называет сентиментом. Узы, связывающие нас с различными членами нашей семьи, патриотизм, идеалы истины, добродетели, преданность науке — все это сентименты. И в жизни каждого человека преобладает ограниченное число этих сентиментов. Впервые теорию сентиментов Шанд изложил в одном или двух коротких эссе поистине эпохального значения, позже составивших часть внушительных резмеров тома[14].

В своей книге Шанд исходит из гипотезы о врожденной предрасположенности человека к таким системам, как любовь и ненависть, каждая из которых включает в себя ряд эмоций. Каждая эмоция для Шанда — это сложная психическая реакция на ситуацию определенного типа, так что каждая эмоция имеет в своем распоряжении определенное число инстинктивных реакций. Теория сентиментов Шанда всегда будет иметь первостепенное значение для социолога, так как социальные связи, а также культурные ценности представляют собой сентименты, стандартизированные в соответствии с традициями и культурой. Исследуя семейную жизнь и ее развитие в различных цивилизациях, мы применяли принципы Шанда и его теорию сентиментов к каждой отдельной социальной проблеме. Мы проследили, как постепенно формируется

[14] «Характер и эмоции» (*Shand A.F.* Character and the Emotions // Mind. Vol. I) и «Основы характера» (*Shand A.F.* The Foundations of Character. 1917).

отношение ребенка к важнейшим аспектам окружающего мира, и изучили факторы, способствующие его формированию. Психоанализ дополнил теорию Шанда концепцией вытесненных элементов сентимента. Но эти вытесненные элементы нельзя рассматривать по отдельности, в виде независимого от «сентимента» «комплекса». Итак, мы видим, что твердую теоретическую основу нашим результатам должна обеспечить теория Шанда; теперь, вместо того чтобы говорить о «нуклеарном комплексе», мы должны говорить о семейных сентиментах и узах родства, типичных для данного общества.

Установки или сентименты по отношению к отцу, матери, сестре и брату не существуют автономно, отдельно друг от друга. Органическое, нерасторжимое единство семьи также способствует возникновению единой системы психологических сентиментов по отношению к членам семьи. Это очень четко показывают наши результаты. Таким образом, концепция «нуклеарный семейный комплекс» равнозначна концепции взаимосвязанной системы, или конфигурации, сентиментов, которые будут характерны для того или иного — патриархального или матриархального — общества.

IV. *Инстинкт и культура*

1. ПЕРЕХОД ОТ ПРИРОДЫ К КУЛЬТУРЕ

В предыдущей части этой книги, где рассматривались главным образом некоторые положения психоанализа, мы пришли в целом к негативным выводам: мы попытались обосновать утверждение, что в мире до культуры не существовало среды для формирования общественных институтов, основ нравственности и религии; не было механизма памяти для поддержания и передачи институтов после их установления. Эта точка зрения, вероятно, бесспорна для тех, кто действительно понимает, что культура не может возникнуть мгновенно, в результате какого-либо одного действия, и что общественные институты, основы нравственности и религия не могли появиться как по волшебству даже вследствие величайшего катаклизма, до тех пор пока люди не вышли из естественного состояния. Но, конечно, мы не удовлетворимся только отрицательными постулатами, нам нужны также и утвердительные. Нам недостаточно просто указать на ошибки, мы хотим пролить свет на действительный процесс. Для этого мы должны проанализировать соотношение культурных и природных процессов.

Тип поведения в условиях культуры существенно отличается от поведения животного в природных условиях. Человек, какой бы простой ни была его культура, имеет в своем распоряжении материальные объекты, оружие и предметы домашнего обихода; он существует в социальной среде, помогающей ему и контролирующей его; он владеет речью, что позволяет ему осваивать понятия рационального, религиозного и магического характера. Итак, человек владеет материальным имуществом, живет в условиях определен-

ной социальной организации, сообщает свои мысли с помощью языка и руководствуется системой духовных ценностей. Это основные четыре раздела, по которым, как правило, можно распределить культурные достижения человечества. Следовательно, культура появляется для нас тогда, когда это уже свершившийся факт. Надо ясно и недвусмысленно признать, что мы не можем наблюдать ее *in statu nascendi*[1]. И также совершенно бесполезно выдвигать гипотезы об «обстоятельствах рождения культуры». Что же мы можем сделать, если хотим размышлять об истоках человеческой культуры, не прибегая для этого к экстравагантным гипотезам или безосновательным предположениям? И такое важное дело найдется: указать, какую роль в процессе играли различные факторы культурного развития; как они повлияли на психологическую модификацию тех качеств и способностей, которые делают человека человеком, и как на эти качества и способности повлияли непсихологические элементы. Факторы культурного развития взаимосвязаны и взаимозависимы, и хотя мы ничего не знаем о последовательности событий и во всех рассуждениях об истоках культуры хронология находится за пределами нашего понимания, все-таки можем изучать соотношения факторов, и это будет для нас весьма познавательно. Мы должны изучить эти соотношения на этапе полного культурного развития, но также можем проследить их до изначальных форм. Если мы таким образом выявим формулу зависимости, если определенные соотношения верны для всех культурных феноменов, то сможем утверждать, что любая гипотеза, идущая вразрез с этими законами, должна быть признана необоснованной. Кроме того, если законы развития всех культурных процессов свидетельствуют о первостепенном значении определенных факторов, мы должны заключить, что эти факторы также были

[1] В момент образования (*лат.*). — *Примеч. пер.*

решающими при зарождении культуры. В этом смысле понятие истоков не подразумевает первенства во времени или причинно-следственной связи, но просто указывает на универсальное действие определенных активных факторов на всех этапах развития и, следовательно, также и в начале процесса.

Мы начнем с утверждения, что основные категории культуры должны были с самого начала работать одновременно и взаимосвязанно. Они не могли появляться одна за другой, и их нельзя расположить ни в какой временнóй последовательности. Так, материальная культура не могла появиться до того, как человек научился использовать свои инструменты, а это, как мы знаем, подразумевает существование знаний. Знания и традиция, в свою очередь, невозможны без понятийного мышления и языка. Язык, мышление и материальная культура, таким образом, взаимосвязаны и должны быть взаимосвязаны на каждой ступени развития и, следовательно, также и при зарождении культуры. Материальное обустройство проживания — жилищные условия, предметы быта, атрибуты повседневной жизни — являются важнейшими коррелятами и предпосылками социальной организации. Очаг и порог — не только символы семейной жизни, но и действительные социальные факторы формирования родственных связей. Нравственные устои, опять-таки, представляют собой силу, без которой человек не смог бы противостоять своим импульсам или даже выйти за пределы своей инстинктивной природы, а в условиях культуры он должен делать это постоянно, даже занимаясь простейшей технической работой. Нас в этом контексте интересуют прежде всего изменения инстинктивной природы, так как здесь мы касаемся вопроса вытесненных влечений, или видоизмененных импульсивных тенденций, т.е. области «бессознательного». Я попытаюсь показать, как невнимание к тому, что происходит с человеческими инстинктами в условиях культуры, привело к возникновению фан-

тастической гипотезы, предложенной для объяснения Эдипова комплекса. Моей целью будет показать, что зарождение культуры означает подавление инстинктов и что все существенные черты Эдипова комплекса или любого другого «комплекса» — это неизбежные побочные продукты постепенного формирования культуры.

Для этого я попытаюсь показать, что между родителем и ребенком в условиях культуры должны возникать инцестуальные желания, не возникающие в семьях животных, которыми управляют подлинные инстинкты. Я также докажу, что эти желания должны безжалостно подавляться людьми, так как инцест и организованная семейная жизнь несовместимы. Культура подразумевает воспитание, а его невозможно осуществить без принуждения. Эту власть принуждения в человеческой семье воплощает отец, и отношения между отцом и сыном пробуждают вытесненную ненависть и другие составляющие комплекса.

2. СЕМЬЯ КАК КОЛЫБЕЛЬ ЗАРОЖДАЮЩЕЙСЯ КУЛЬТУРЫ

Принципиальное изменение механизма инстинктивных реакций необходимо изучать уже в связи с предметом настоящего исследования: ранние формы семейной жизни и переход от семьи животных к человеческой семье. Человеческая семья составляет главный интерес психоанализа, и семья, по мнению антропологической школы, к которой принадлежит автор этой книги, является важнейшей группой в примитивных обществах[2]. Сравнение периода ухаживания,

[2] Как и во всей книге, здесь я имею в виду, что типичная форма человеческой семьи основана на моногамном браке. О широком распространении моногамии во всех человеческих сообществах также пишет доктор Лоуи в книге «Примитивное общество», особенно в гл. III (*Lowie R.H.* Primitive Society). Очень интересный и важный вклад в проблему

совокупления, брачных отношений и родительской заботы в семье животных и людей покажет нам, в каком смысле семью можно рассматривать как единицу общества и исходный пункт всякой человеческой организации.

Прежде чем приступить к изложению нашей аргументации, необходимо решить один вопрос. Очень часто антропологи исходят из того, что человечество произошло от обезьян, живущих стаями, и что человек унаследовал от своих предков так называемый «стадный инстинкт». Эта гипотеза совершенно несовместима с принятой нами точкой зрения, что единственный исток общей социальности — это расширение семейных связей. До тех пор пока не будет доказано, что предположение о стадном образе жизни в эпоху до существования культуры категорически необоснованно, до тех пор пока не будет показана принципиальная разница между человеческой социальностью, являющейся достижением культуры, и стадностью животных, являющейся врожденной наклонностью, нет смысла объяснять, каким образом социальная организация берет свое начало в ранних родственных группах. Вместо того чтобы натыкаться на «стадный инстинкт» на каждом новом витке нашей аргументации и на каждом шагу доказывать несостоятельность этой концепции, лучше разобрать эту ошибочную теорию в самом начале.

представляет книга капитана Дж. Питт-Риверса «Контакт рас и культурный конфликт» (*Pitt-Rivers G.* The Contact of Races and Clash of Culture), см. особенно гл. VIII, разделы 1, 2, 3: гл. IX, раздел 1. Питт-Риверс подчеркивает биологическое и социологическое значение полигамии на более ранних этапах развития культуры. Я не принимаю его позицию полностью, но согласен с тем, что проблема должна быть пересмотрена с предложенной им точки зрения. Тем не менее я все-таки настаиваю, что значение полигамии выражается в той роли, какую она играет в разграничении высших и низших классов общества; множество жен обеспечивают вождю экономические и политические преимущества и тем самым служат основой для различения статуса.

Не смысла, на мой взгляд, разбирать здесь исключительно зоологический вопрос, жили ли наши предки большими стаями и были ли они наделены необходимыми врожденными способностями, позволяющими животным взаимодействовать, или они жили отдельными семьями. Мы должны ответить на вопрос, могли ли какие-либо формы человеческой организации произойти от каких-то форм стадности животных, т.е. можно ли проследить связь между организованным поведением и какой-то формой стадности животных, или «стадным инстинктом».

Рассмотрим для начала вопрос о стадности животных. Неоспоримый факт — то, что некоторые виды животных устроены так, что должны жить более или менее многочисленными группами и решать основные проблемы своего существования с помощью врожденных форм взаимодействия. Можем ли мы сказать об этих видах животных, что они обладают особым «стадным» *инстинктом*? Все сколько-нибудь научные определения понятия «инстинкт» сходятся в том, что оно означает *стереотипную модель поведения*, определяемую *анатомическими механизмами*, которые соотносятся с *органическими потребностями* и характеризуются общим *единообразием для всего вида*. Различные специальные способы, применяемые животными для поиска еды и для питания; ряд инстинктов, посредством которых осуществляются спаривание, воспитание и обучение детенышей; работа опорно-двигательного аппарата; функционирование простейших механизмов защиты и нападения — все это инстинкты. Во всех названных случаях мы можем соотнести инстинкт с системой организма, физиологическим механизмом и определенной целью огромного биологического процесса существования отдельной особи и вида в целом. Каждая особь вида ведет себя так, как все особи данного вида, при условии, что состояние ее организма и внешние обстоятельства позволяют инстинкту сработать.

Что же насчет стадности? Любопытно, что разделение функций, координация видов деятельности и общая интеграция коллективной жизни наиболее выражены у относительно низких форм животного мира, таких как насекомые и, по-видимому, колонии кораллов (см. мою статью «Инстинкты и культура»[3]). Но ни у общественных насекомых, ни у стадных млекопитающих мы не находим никакого специального анатомического приспособления, служащего целям «стадности». Коллективное поведение животных регулирует все процессы, охватывает все инстинкты, но это не отдельный особый инстинкт. Его можно назвать врожденной чертой, общей модификацией всех инстинктов, которые побуждают животных данного вида взаимодействовать в жизненно важных делах. Нужно заметить, что во всех ситуациях коллективного поведения взаимодействие животных определяется врожденными механизмами адаптации, а не чем-то, что может быть названо социальной организацией в том смысле, в каком мы применяем это слово к человечеству. Я изложил все это в более развернутом виде в вышеупомянутой статье.

Таким образом, человек не мог унаследовать *инстинкт* стадности, несвойственный ни одному животному, а только разве что «стадность», возникающую от случаю к случаю. Это, очевидно, означает, что в целом человек склонен к определенной адаптивности в коллективном, а не индивидуальном поведении, — предположение, совершенно бесполезное в решении любой конкретной антропологической проблемы. Однако даже предположение о склонности человека к стадному образу жизни глубоко ошибочно, и мы можем это доказать. Склонен ли человек выполнять все важные действия или даже любую четко определенную деятельность сообща, «стадом»? Действительно, он может бесконечно развивать свою

[3] Instincts and Culture // Nature. 1924. July 19. — *Примеч. ред.*

способность взаимодействия; принуждать все большее число себе подобных к решению какой-нибудь общей культурной задачи. Но какой бы вид деятельности мы ни взяли, человек также способен выполнить свою работу без посторонней помощи, если того требуют условия и тип культуры. К процессам, связанным с питанием и удовлетворением физических потребностей, относятся всевозможные виды деятельности: собирательство, рыболовство, земледелие, и они осуществляются либо в группе, либо по одному, в результате коллективного труда или индивидуальных усилий. Что касается продолжения рода, здесь также существуют как коллективные формы сексуального соперничества, группового брака, так и строго индивидуальные формы ухаживания. Коллективная забота о детях, характерная, по крайней мере, для насекомых, не имеет аналогов в человеческом обществе, где мы видим индивидуальную родительскую заботу об отдельных детях. Многие религиозные и магические церемонии совершаются в группе, но индивидуальные обряды инициации, одиночные опыты и уединенно переживаемые откровения играют в религии не меньшую роль, чем коллективные формы культа. В области *сакрального* — не больше признаков «стадности», чем в любом другом типе человеческой культуры[4]. Итак, анализ видов культурной деятельности не выявил никаких тенденций к стадности. Фактически, чем дальше назад, тем больше преобладает индивидуальный характер, по крайней мере, в области экономических занятий. Однако эта деятельность никогда не бывает полностью одиночной, и стадия «индивидуального поиска пищи», о

[4] Этот вопрос я подробно рассматриваю в работе «Магия, религия и наука», опубликованной в книге «Наука, религия и действительность» — сборнике работ различных авторов, под редакцией Дж. Нидэма (Science, Religion and Reality / J. Needham (ed.). 1925) (*Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998).

которой говорят некоторые экономисты, кажется мне вымыслом: даже на низших уровнях организованная деятельность всегда идет бок о бок с индивидуальными усилиями. Бесспорно то, что по мере развития культуры индивидуальные экономические занятия постепенно исчезали и в конце концов были вытеснены коллективным производством в огромных масштабах. Получалось бы, что «инстинкт» усиливался с развитием культуры, а это, как можно легко понять, *reductio ad absurdum*![5]

Еще один подход к проблеме так называемого стадного инстинкта состоит в изучении природы связей, объединяющих людей в социальные группы. Эти связи — политические, правовые, лингвистические или традиционные — все без исключения носят приобретенный характер; собственно говоря, легко увидеть, что они вовсе не содержат никакого врожденного элемента. Возьмем языковые связи, объединяющие группы людей на всех уровнях культуры и резко отличающие их от тех, с кем невозможно общаться при помощи речи. Язык — это полностью приобретенная физическая привычка. Она не основана ни на какой природной физической потребности и полностью зависит от культуры и традиции племени, т.е. от элементов, которые варьируются в пределах одного вида и не могут быть врожденными. Более того, ясно, что невозможно было унаследовать «языковой инстинкт» от предков, которые никогда не пользовались для взаимодействия символическим условным кодом.

Какую бы форму организованного сотрудничества мы ни рассматривали, беглый анализ обычно выявляет, что она основана на культурных артефактах и регулируется общепринятыми нормами. В экономической деятельности человек применяет инструменты и использует традиционные методы. Следовательно, социальные связи, объединяющие взаимодействую-

[5] Доведение до абсурда (*лат.*). — *Примеч. пер.*

щие группы в экономике, полностью основываются на механизме культуры. Это же относится к организации с целью участия в войне, соблюдения религиозного церемониала, отправления правосудия. Природа не могла наделить людей специальными реакциями на культурные артефакты, традиционные правила и нормы, символические звуки по той простой причине, что все эти объекты находятся за пределами царства природы. Формы и факторы социальной организации обусловлены в человеческом обществе культурой, а не природой. Не может быть никакой врожденной склонности управлять паровозом или пулеметом просто потому, что появление этих предметов нельзя было предвидеть в природных условиях, в которых создавался человек как биологический вид.

Во всех ситуациях, требующих организованного поведения, человек применяет не природные способности и знания. С психологической точки зрения, человеческая организация основывается на сентиментах, т.е. на сложных, постепенно складывающихся установках, а не врожденных тенденциях. Связи между людьми всегда соотносятся с артефактами, инструментами, утварью, оружием, изобретениями, выходящими за рамки природного анатомического «оснащения» человека. Человеческая социальность — это всегда сочетание правовых, политических и культурных функций. Это не просто тождество эмоционального импульса, не просто уподобление реакции стимулу, но приобретенная привычка, обусловленная существованием искусственного сочетания условий. Все это станет понятнее после того, как мы обсудим, как врожденные тенденции внутри семьи преобразуются в социальные связи.

Подводя итог, мы можем сказать, что люди, очевидно, должны действовать сообща и что организованное поведение — один из краеугольных камней культуры. Но если коллективное поведение животных объясняется врожденными тенденциями, то для людей это по-

степенно сформировавшаяся привычка. Человеческая *социальность* усиливается с развитием культуры, а если бы это была просто *стадность*, она должна была бы уменьшаться или, по крайней мере, оставаться неизменной. Очевидно, что в основе культуры лежит глубокое изменение врожденных способностей и качеств, и в этом процессе большинство инстинктов заменяются пластичными, хотя и направленными тенденциями, которые могут преобразоваться в культурные реакции. Социальная интеграция этих реакций — существенная часть процесса, но она становится возможной благодаря общей пластичности инстинктов, а не какой-то особой наклонности к стадному образу жизни!

Мы можем, таким образом, заключить, что происхождение любого типа человеческой организации нельзя отнести к стадным наклонностям и тем более к какому-то особому «стадному инстинкту». Далее мы покажем, что аналогом этому принципу по необходимости может быть только тот, согласно которому семья — это единственный вид объединения, который человек перенял у животного. Однако в процессе перехода природа и структура этой единицы изменились кардинально, хотя форма и осталась удивительным образом неизменной. Объединение родителей и детей, постоянство материнской привязанности, отношение отца к ребенку — все это такие явления в человеческой культуре, удивительные параллели с которыми прослеживаются и в мире высших животных. Но по мере того как семья начинает регулироваться культурными механизмами, инстинкты, единственные ее регуляторы у животных, трансформируются в нечто такое, что не существовало до человека: я имею в виду культурные связи социальной организации. Мы переходим теперь к изучению этой трансформации инстинктивных реакций в особое поведение, складывающееся в условиях культуры.

3. Гон и спаривание у людей и животных

Сравним теперь цепочку взаимосвязанных инстинктивных реакций, регулирующих у животных ухаживание, спаривание и семейную жизнь, с соответствующими человеческими институтами. Разберем пункт за пунктом каждое звено в ухаживании и семейной жизни человекообразных обезьян и определим, что соответствует каждому из них у людей.

У обезьян процесс ухаживания начинается с изменений женского организма, которые определяются физиологическими факторами и автоматически вызывают сексуальную реакцию у самца[6]. Затем самец переходит к ухаживанию в соответствии с тем, какой тип поведения доминирует в данном виде. В этом принимают участие все особи, оказавшиеся в соответствующей зоне, так как их непреодолимо влечет состояние самки. Гон дает возможность самцам показать себя, а самкам — сделать выбор. Все факторы, определяющие поведение животных на этом этапе, едины для всех особей вида. Они функционируют настолько единообразно, что для каждого вида животных зоолог указывает только один набор данных. Вместе с тем данные значительно варьируются от вида к виду, поэтому для каждого вида требуется свое описание. Но в пределах одного вида все вариации, индивидуальные или нет,

[6] В этом контексте я хотел бы рекомендовать читателю книгу Хэвлока Эллиса «Исследования психологии пола» в 6 т. В этой работе всегда учитывается биологическая природа регулирования сексуального инстинкта в условиях культуры, и важным принципом интерпретации служит параллель между человеческим обществом и животным миром. Интересный комментарий к теории Дарвина о половом отборе содержится в т. III (издание 1919 г.). В этом томе читатель также найдет общий критический анализ различных теорий сексуального импульса. В т. IV рассматривается проблема полового отбора у людей, в т. VI анализируется социологический аспект проблемы.

настолько малы и незначительны, что зоолог с полным правом их игнорирует.

Может ли антрополог вывести такую формулу ухаживания и спаривания для человеческого вида? Очевидно, что нет. Достаточно открыть любую книгу на тему сексуальной жизни людей, будь то классическая работа Хэвлока Эллиса, Вестермарка или Фрэзера или великолепное описание в книге Кроули «Мистическая роза» (*Crawley E.* The Mystic Rose), чтобы обнаружить, что существует бесконечное множество форм ухаживания и брака, что периоды ухаживания различны, что способы ухаживания и завоевания любви варьируются в зависимости от культуры. Для зоолога единица анализа — вид, для антрополога — культура. Другими словами, зоолог анализирует особое инстинктивное поведение, антрополог — привычку-реакцию, сформировавшуюся в условиях культуры.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Во-первых, мы видим, что для человека не существует периода гона, и это значит, что мужчина готов к ухаживанию, а женщина готова откликнуться на него в любое время; и это, как все мы знаем, не упрощает отношений между людьми. Ничто в человеческом обществе не действует так же однозначно, как начало овуляции у самок млекопитающих. Означает ли это, однако, беспорядочное спаривание среди людей? Мы знаем, что даже в самых вольных в этом смысле культурах не существует и не могло существовать ничего подобного «промискуитету». В каждой человеческой культуре мы находим прежде всего четко выраженные табу, которые жестко разделяют определенные группы людей противоположного пола и исключают целые категории потенциальных партнеров. Важнейшее из этих табу полностью исключает половую связь между людьми, которые обычно контактируют естественным образом, т.е. членов одной семьи, родителей и детей, братьев и сестер. Как развитие этого принципа, в ряде примитивных сообществ мы находим более широкий запрет на

сексуальные отношения, не допускающий интимную близость между целыми группами людей. Это закон экзогамии. Следующий по важности после запрета на инцест — запрет на адюльтер. Если первый имеет целью сохранение семьи, второй охраняет брак.

Но культура оказывает на сексуальный импульс не только негативное влияние. В каждом обществе помимо запретов и ограничений также действуют стимулы к ухаживанию и возникновению любовного интереса. Периоды различных праздников, когда люди танцуют и показывают себя, обильно питаются и употребляют спиртные напитки, также служат сигналом для любовных поисков. В это время вместе собираются множество мужчин и женщин, и молодых мужчин сводят с девушками не из их семейного круга и обычного круга знакомых. Очень часто снимаются некоторые традиционные ограничения, и мальчикам и девочкам позволяют встречаться беспрепятственно и неподконтрольно. Действительно, в такие периоды ухаживание облегчается благодаря алкоголю, развлечениям и праздничному настроению[7].

Итак, сигнал к ухаживанию и спариванию выражается не только в физических изменениях, но и в сочетании культурных факторов. В последнем случае эти факторы, безусловно, влияют на человеческое тело и стимулируют проявление врожденных реакций, т.е. обеспечивают физическую близость, психологическую атмосферу и соответствующую реакцию; если бы организм не был готов отреагировать в сексуальном смысле, никакие культурные факторы не заставили бы людей вступать в половые отношения. Но вместо автоматического физиологического механизма мы имеем сложную структуру, большую часть которой

[7] Хэвлок Эллис приводит огромное количество сведений о сезонном спаривании животных и людей в работе «Сексуальная периодичность» (Sexual Periodicity. Vol. I. 1910). Также см. книгу Вестермарка «История человеческого брака» (*Westermarck E.A.* History of Human Marriage. Vol. I. Ch. II).

составляют искусственные элементы. Следовательно, необходимо отметить два момента: людям несвойственен исключительно биологический спусковой механизм, но вместо него существует комплексный психологический и физиологический процесс, определяемый в своей временно́й, пространственной и формальной природе культурной традицией, которая с ним связана; его дополняет система культурных табу, существенно ограничивающих действие сексуального импульса.

Попробуем теперь выяснить, в чем заключается биологическое значение гона для животных и каковы последствия его отсутствия для человека. У всех видов животных спаривание носит избирательный характер, т.е. предусматривается возможность сравнения и выбора партнера. Самцы и самки должны иметь возможность продемонстрировать свою привлекательность, заинтересовать избранника и побороться за него. Определяют выбор раскраска, голос, физическая сила, ловкость и искусность, проявленные в бою, и все это — признаки физической мощи и здоровья. Избирательное спаривание — опять-таки неотъемлемая часть естественного отбора, так как без этой возможности вид вырождается. Эта необходимость увеличивается по мере того, как мы поднимаемся по лестнице эволюции органического мира; низшие животные не испытывают даже потребности в спаривании. Следовательно, ясно, что у высших животных — людей потребность в избирательном спаривании исчезнуть не могла. На самом деле, ближе к правде будет прямо противоположное утверждение — что это наиболее настоятельная потребность.

Однако гон для животных — это не только возможность выбора. Он также очерчивает и определяет временны́е границы полового влечения. После того как период гона заканчивается, половое влечение спадает, и соперничество, борьба и всепоглощающая сосредоточенность на сексе уходят из повседневной

жизни вида. Учитывая опасность со стороны внешних врагов и внутривидовые деструктивные силы, связанные с ухаживанием, исключение полового влечения из обычной жизни и его актуализация в течение определенного короткого срока имеют очень большое значение для выживания вида.

В свете всего этого что означает отсутствие периода гона в человеческом обществе? Сексуальный импульс не приурочен к какому-либо периоду, не зависит от какого-либо процесса в организме, а на физиологическом уровне может возникнуть в жизни мужчины и женщины в любой момент. Он всегда готов потеснить все другие интересы; предоставленный сам себе, он постоянно пытается ослабить все существующие связи. Этот всепоглощающий и всепроникающий импульс, таким образом, мешал бы всем обычным занятиям человека, разрушал бы любую потенциальную форму объединения, создавал бы внутренний хаос и увеличивал внешнюю угрозу. Как мы знаем, это не пустая фантазия; половое влечение принесло больше всего бед человечеству, начиная с Адама и Евы. Это причина большинства трагедий как в современной действительности, так и в истории, мифологии и литературе. Тем не менее сам факт возникновения конфликта говорит о том, что существуют силы, контролирующие сексуальный импульс; это доказывает, что человек не подчиняется своим ненасытным аппетитам, что он создает препятствия и накладывает табу — могущественные, как силы рока.

Следует отметить, что эти препятствия и механизмы, регулирующие секс в условиях культуры, отличны от защитных мер, используемых животными в природных условиях. Наделенные инстинктивной природой и подверженные физиологическим изменениям, самка и самец оказываются в ситуации, из которой они должны выйти с помощью простой игры естественных импульсов. В человеческом обществе, как мы знаем, контролирующую функцию выполняют культура и

традиция. В каждом обществе существуют правила, не позволяющие мужчине и женщине беспрепятственно поддаваться импульсу. Как возникают эти табу, какие силы ими управляют — предмет нашего дальнейшего анализа. Пока достаточно понять, что социальное табу не происходит от инстинкта, но, напротив, должно препятствовать определенному врожденному импульсу. Это ясно обозначает разницу между человеческими тенденциями и животным инстинктом. Человек готов отреагировать в сексуальном отношении в любой момент, но в то же время подчиняется искусственно созданному тормозу, контролирующему эту реакцию. Несмотря на то что не существует естественного физического процесса, который бы однозначно вызывал активное половое влечение между мужчиной и женщиной, сексуальный импульс регулируется рядом стимулов, побуждающих к ухаживанию.

Теперь мы можем точнее сформулировать, что мы подразумеваем под *пластичностью инстинктов*. Модели поведения, связанные с половым влечением, определяются только целями; человек должен вступать в любовные союзы выборочно, он не может делать это беспорядочно. С другой стороны, возникновение импульса, стимул к ухаживанию, мотивы определенного выбора диктуются культурными факторами. Эти факторы должны соответствовать определенным схемам, сопоставимым с естественными тенденциями животных. Должны присутствовать элемент отбора, средства обеспечения эксклюзивности, и прежде всего должны действовать табу, предотвращающие постоянное вторжение секса в обычную жизнь.

Пластичность человеческих инстинктов определяется отсутствием физиологических изменений, автоматического срабатывания биологически обусловленного импульса к ухаживанию. Это связано с тем, что сексуальное поведение зависит от культурных элементов. Человек с рождения обладает сексуальными тенденциями, но на них накладывают свой отпечаток

системы культурных норм, варьирующихся от одного общества к другому. В ходе настоящего исследования мы увидим, насколько различными могут быть эти нормы и как они отличаются от основной модели поведения животных.

4. БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Перейдем теперь к следующему этапу универсальной любовной истории и проанализируем узы брака, к которому пещерный человек эпохи эолита и человекообразная обезьяна приходят двумя параллельными путями. Что, собственно, означает брак у животных, прежде всего у обезьян? Спаривание представляет собой кульминационную точку ухаживания, и после этого самка беременеет. Оплодотворение завершает период гона, и самка перестает быть сексуально привлекательной для других самцов. Но не для завоевавшего ее самца, которого она выбрала и которому подчинилась. На основании имеющихся у нас данных сложно утверждать, спариваются ли высшие обезьяны в природных условиях после оплодотворения. Однако тот факт, что самка перестает быть привлекательной для других самцов, но ее партнер сохраняет ей преданность, составляет основу брака у животных. Особая реакция как самца, так и самки на новую ситуацию; их взаимная привязанность; склонность самца не оставлять свою спутницу, охранять ее, помогать ей, защищать ее и кормить — врожденные элементы, составляющие брак у животных. Итак, новый этап жизни включает в себя новую модель поведения; появляется новое звено в цепочке инстинктов. Это новое звено можно назвать матримониальной реакцией в противоположность сексуальному импульсу. Брачный союз у животных основывается не на безудержной страсти, не на ревности самца и не на утверждении им своих собственнических прав. Он основывается на врожденной тенденции.

Переходя к человеческому обществу, мы обнаруживаем совершенно иную природу брачных уз. Половой акт, во-первых, не влечет за собой создание семьи. Требуется особая церемониальная санкция, и это социальное действие отличается от тех табу и стимулов, которые мы обсуждали в предыдущей главе. Здесь речь идет об особом, творческом и культурном акте, санкции, печати, удостоверяющей новые отношения между двумя людьми. Эти отношения — результат общественного давления, а не действия инстинктов. Это связь особого рода, она не совпадает с биологическими узами. До тех пор пока этот творческий акт не совершен, до тех пор пока брак не принимает свою культурную форму, мужчина и женщина могут совокупляться и жить вместе так часто и так долго, как им вздумается, и их отношения остаются чем-то принципиально отличным от общественно одобренного брака. Их связь — поскольку человек не имеет врожденных матримониальных установок — никак не защищена в биологическом смысле. Также, пока обратное не закреплено официально, она не обеспечена культурной санкцией. Фактически в каждом человеческом обществе мужчина и женщина, пытающиеся вести себя так, как если бы они были женаты без получения соответствующей социальной санкции, подвергаются более или менее суровым взысканиям.

Таким образом, в действие вступает новая сила, новый элемент, дополняющий типичное для животных инстинктивное регулирование: вмешательство общества. И вряд ли нужно добавлять, что как только эта санкция получена, как только два человека женятся, они берут на себя многочисленные обязательства, предполагаемые этими отношениями, — физиологические, экономические, религиозные и семейные. Как мы уже видели, заключение брака у людей является следствием не инстинктивного побуждения, а комплекса культурных стимулов. Но после того как брак социологически закреплен и узаконен, мужчина и

женщина оказываются перед лицом взаимных обязательств, поддерживаемых правовыми, религиозными и моральными санкциями. В человеческом обществе такие отношения обычно можно расторгнуть и вновь заключить с другим партнером, но это трудный процесс, и в некоторых культурах цена развода такова, что делает его почти невозможным.

Здесь мы ясно видим разницу между инстинктивным регулированием, с одной стороны, и культурным детерминизмом, с другой. В то время как у животных брак предваряется избирательным ухаживанием, завершающимся актом оплодотворения, и поддерживается врожденной привязанностью к партнеру, у людей брак предваряется рядом культурных факторов, закрепляется санкцией общества и поддерживается различными системами социального давления. Однако нетрудно заметить, что культурный аппарат работает в том же самом направлении, что и природные инстинкты, и что он имеет те же цели, хотя при этом действует совершенно иной механизм. Для высших животных брак необходим, поскольку чем дольше длится беременность, тем беспомощнее беременная самка и новорожденный детеныш и тем больше они нуждаются в защите самца. Определяемая врожденными факторами привязанность, которой самец реагирует на беременность своей избранницы, удовлетворяет эту потребность вида и, в сущности, является необходимой для его выживания.

У людей сохраняется эта потребность в любящем и заинтересованном защитнике беременной женщины. То, что врожденный механизм исчез, следует из того факта, что в большинстве обществ, как при низком, так и при высоком уровне культуры, мужчина отказывается принимать на себя ответственность за ребенка, пока его не принудит к этому общество, требующее заключения брачного договора. Но каждая культура предлагает определенные рычаги и средства, выполняющие ту же функцию, что и инстинктивные стимулы

у животных. Институт брака в своих основополагающих нравственных, правовых и религиозных аспектах должен рассматриваться, таким образом, как прямое следствие матримониальной тенденции животных, но в качестве ее культурного субститута. Этот институт обязывает мужчину и женщину к такому поведению, которое настолько же соответствует потребностям человеческого вида, насколько врожденные тенденции у животных соответствуют их потребностям.

Как мы увидим далее, самый действенный способ, с помощью которого культура привязывает мужа и жену друг к другу, состоит в организации их эмоций и формировании их личных установок. У нас будет возможность изучить этот процесс более полно, и он покажет нам принципиальную разницу между связями у людей и у животных. Если у животных мы находим цепочку взаимосвязанных инстинктов, последовательно сменяющих друг друга, то человеческое поведение определяется полностью организованной эмоциональной установкой, или *сентиментом*, как это называется в психологии. Если у животных мы находим ряд физиологических процессов, событий на уровне организма, каждое из которых запускает определенную врожденную реакцию, то у людей это постоянно развивающаяся система эмоций. С первой встречи двух потенциальных любовников через постепенное увлечение и возникновение общих интересов и взаимных нежных чувств мы можем проследить, как развивается и все более обогащается система эмоций, непрерывность и стабильность которой являются залогом счастливых и гармоничных отношений. Эта сложносоставная установка, помимо врожденных реакций, включает в себя социальные элементы, такие как нравственные устои, экономические ожидания и духовные интересы. Последние стадии привязанности супругов друг к другу во многом определяются тем, как развивается ухаживание. С другой стороны, ухаживание и личная заинтересованность друг в друге двух потенциальных лю-

бовников окрашены возможностью будущего брака и его преимуществами. Элементы планирования, т.е. связь предполагаемых будущих реакций с настоящими обстоятельствами; влияние воспоминаний и опыта; постоянная корректировка прошлого, настоящего и будущего — все это помогает понять, почему человеческие отношения представляют собой постепенное и равномерное развитие, а не ряд четко разграниченных этапов, как у животных.

Во всем этом мы наблюдаем ту же пластичность инстинктов, которую уже отметили на предыдущих этапах, и видим, что, хотя культурные механизмы значительно отличаются от физиологических, общая форма, в которую общество облекает человеческие брачные отношения, четко соответствует направлению, диктуемому естественным отбором у животных.

5. РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ

Ухаживание, спаривание и беременность как в случае с животным, так и в случае с человеком ведут к одному результату — рождению детеныша. На это событие как животные, так и люди реагируют, с психологической точки зрения, схожим образом. На первый взгляд, акт рождения может быть назван единственным органическим явлением, полностью совпадающим у человека и у животного. Материнство обычно действительно рассматривается как единственный тип отношений, оставшийся неизменным при переходе из статуса обезьяны в статус человека и определяющийся биологическими, а не культурными факторами. Однако этот взгляд неверен. Материнство у людей — это тип отношений, определяемых в значительной степени культурными факторами. Отцовство, вместе с тем, хотя и кажется поначалу лишенным всякого биологического основания, глубоко коренится в естественных склонностях и органических потребностях. Таким образом, в этом отношении мы вновь должны провести тща-

тельный сравнительный анализ семьи животных и семьи людей и установить как сходства, так и отличия.

У животных рождение детеныша изменяет отношения между двумя партнерами. В семье появляется новый член. Мать мгновенно реагирует на это. Она облизывает детеныша, постоянно за ним присматривает, греет его своим телом и кормит грудью. В первое время материнская забота подразумевает определенные анатомические особенности, такие как карманы у сумчатых и молочные железы у млекопитающих. Мать отзывается на появление детеныша. Детеныш тоже отзывается на нее — это, пожалуй, наиболее безусловная инстинктивная реакция.

Мать в человеческом обществе обладает сходным анатомическим строением, и в результате зачатия, беременности и рождения ребенка в ее организме происходят те же изменения, что и в организме любой самки млекопитающих при гестации. После рождения ребенка тело женщины реагирует на материнство так же, как и тело самки животных. Ее набухшие молочные железы вызывают у ребенка естественный сосательный импульс, столь же непреодолимый, что и чувство голода и жажды. Потребность ребенка в тепле, уюте и безопасности вызывает у матери очень сильное, страстное желание его обнять. Нуждам ребенка отвечает материнская нежная забота о его благополучии.

Однако ни в одном человеческом обществе, каким бы ни был его уровень культуры, материнство не определяется только биологическими тенденциями или врожденными импульсами. Культурные влияния, аналогичные тем, что определяют отношения между любовниками и накладывают обязательства на супругов, формируют и отношение матери к ребенку. С момента зачатия это отношение становится предметом внимания общества. Мать должна соблюдать табу, следовать определенным обычаям и совершать ритуальные процедуры. В высших слоях общества они во многом, но не полностью заменены гигиеническими

и нравственными нормами; в низших они относятся к области магии и религии. Но все подобные обычаи и наставления имеют целью благополучие ребенка в чреве матери. Ради него мать должна терпеть церемониальное обхождение, лишения и неудобства. Таким образом, на будущую мать накладываются обязательства, предваряющие ее инстинктивную реакцию. Ее обязанности опережают чувства, культура диктует и подготавливает ее будущее отношение.

После рождения ребенка схема традиционных отношений не менее активна и влиятельна. Церемонии очищения, нормы, изолирующие мать и ребенка от остального общества, обряды крещения и принятия новорожденного младенца в члены племени создают раз и навсегда особую связь между ними. Такие обычаи существуют как в патрилинейном, так и в матрилинейном обществе. В последнем, как правило, действуют даже более продуманные установления, и мать поддерживает еще более тесный контакт с ребенком не только в начале жизни, но и в дальнейшем.

Таким образом, можно без преувеличения утверждать, что культура в своих традиционных установлениях дублирует инстинктивный стимул. Точнее — предупреждает его проявление. Вместе с тем все культурные влияния просто поощряют, усиливают и усложняют естественные тенденции, которые побуждают мать кормить грудью, защищать своего ребенка и заботиться о нем.

Если мы попытаемся провести параллели между отношением отца к детенышу у животных и у людей, мы увидим, что в человеческом обществе легко обнаружить культурные элементы, но трудно проследить инстинктивные тенденции. В сущности, в наиболее развитых культурах необходимость брачных уз практически и теоретически обусловлена тем фактом, что отца нужно заставить заботиться о детях. Незаконнорожденные дети, как правило, лишены возможности получить заботу со стороны их биологического отца

в той же мере, что и законнорожденные, и последние получают ее во многом потому, что это обязанность отца. Значит ли это, что мужчина не обладает врожденными отцовскими тенденциями? Мы сможем далее показать, что он, напротив, наделен определенными импульсами — недостаточными для естественного отцовства, но достаточно мощными, чтобы послужить основой для формирования обычая.

Рассмотрим сначала отцовство у высших млекопитающих. Мы знаем, что самец здесь крайне важен, поскольку вследствие длительных периодов беременности, лактации и обучения самка и детеныш нуждаются в сильном и заинтересованном защитнике. Этой потребности соответствует то, что в предыдущей главе было определено как матримониальная реакция. Матримониальная реакция, побуждающая самца заботиться о беременной самке, не ослабевает после рождения детеныша, но, наоборот, усиливается и преобразуется в стремление защищать всю семью. Привязанность самки и самца друг к другу должна рассматриваться с биологической точки зрения как промежуточный этап, ведущий к отцовской привязанности.

Обращаясь к человеческому обществу, мы видим, что эта потребность не только не уменьшается, но и становится даже еще настоятельнее. Беременная и кормящая женщина не менее, а более беспомощна, чем самка человекообразных обезьян, и эта беспомощность увеличивается с развитием культуры. Дети нуждаются не только в том, что обычно получают детеныши животных, — т.е. в кормлении, уходе и развитии определенных врожденных навыков, но и в обучении языку, традиции и ремеслу, без чего нельзя обойтись даже в простейших человеческих обществах.

Можем ли мы, следовательно, предположить, что в процессе перехода человечества из естественного состояния в культурное эта присущая самцу основополагающая тенденция, значение которой в но-

вых обстоятельствах даже еще усилилось, постепенно ослабла или исчезла? Это противоречило бы всем биологическим законам. И это также совершенно не подтверждается тем, что можно наблюдать в человеческом обществе. Ведь если мужчина должен оставаться со своей женой, чтобы оберегать ее во время беременности и выполнять различные обязанности, которые обычно ложатся на его плечи после рождения ребенка, не может быть и малейшего сомнения, что он откликнется на появление отпрыска импульсивным интересом и нежной привязанностью.

Итак, мы видим любопытную разницу в функционировании культурных и природных тенденций. Культура — в виде закона, морали и обычая — принуждает мужчину покориться естественной ситуации, т.е. заботиться о беременной женщине. Культурные установления также различными способами принуждают его разделить ее чувства к будущему ребенку. Но как только мужчина оказывается в этом положении, его неизбежной реакцией будут глубокая заинтересованность и позитивные чувства по отношению к ребенку.

И это приводит нас к очень интересной мысли. Во всех человеческих обществах без исключения — как бы они ни различались знанием эмбриологии, способами ухаживания, сексуальными нравами — действует то, что можно назвать принципом легитимности. Я имею в виду то, что во всех человеческих обществах девушка должна выйти замуж прежде, чем забеременеет. Беременность и рождение ребенка вне брака всегда воспринимаются как бесчестье[8]. И так же об-

[8] Вестермарк в «Истории человеческого брака» (History of Human Marriage. 1921. Vol. I. P. 138–157) приводит около 100 примеров из жизни примитивных народов, в культуре которых ценится целомудренность до брака. Но многие утверждения не подкреплены несомненными доказательствами. Так, утверждения относительно некоторых племен, что «целомудренность почитается за добродетель и мужчины и женщины» или что «девственность невесты высоко ценится», не доказывают отсутствие добрачных половых

стоит дело в весьма вольных меланезийских сообществах, описанных в настоящей работе. Так обстоит дело во всех человеческих обществах, о которых нам хоть что-то известно. Нигде в антропологической литературе, насколько мне известно, не упоминается ни одно общество, где бы незаконнорожденные дети, т.е. дети незамужних женщин, получали те же социальные блага и тот же социальный статус, что и законнорожденные.

Огромное социологическое значение универсального принципа легитимности пока еще не было оценено в полной мере. Этот принцип предполагает, что во всех человеческих обществах с точки зрения нравственной традиции и закона мать и ребенок — неполная социальная единица. Установления культуры здесь опять-таки функционируют так же, как и естественные тенденции: человеческая семья должна включать в себя как женщину, так и мужчину.

И в этом культура находит живой отклик в эмоциональных установках мужчины. Отец на всех этапах развития культуры заинтересован в своих детях, и этот интерес, вне зависимости от того, как он обосновывается в некоторых патрилинейных обществах, в точности тот же, что и в матрилинейных обществах, где ребенок не продолжает род отца, не наследует его имущества и даже обычно не считается его потомком

связей. С нашей точки зрения, единственное, на что эти данные указывают со всей определенностью, — это универсальность *принципа легитимности*. Следовательно, 25 описанных случаев свидетельствуют не о целомудренности, а о запрете незамужней девушке иметь детей. Далее, целый ряд других фактов указывает не на отсутствие внебрачных сексуальных отношений, а на то, что за них полагаются порицание, наказание, штраф или принуждение к женитьбе (в каждом племени по-разному). В сущности, хотя все эти данные неубедительны в том, что касается целомудрия, они все же доказывают, что принцип легитимности чрезвычайно широко распространен. В рамках логики нашего исследования необходимо разграничивать эти две проблемы.

в физическом отношении[9]. И даже в полиандрическом обществе, где биологическое отцовство неизвестно и не вызывает никакого интереса, мужчина, который выбран на роль отца, всегда эмоционально откликается на призыв.

Было бы интересно исследовать вопрос о том, как мог бы функционировать механизм инстинктивного отцовского импульса. В том, что касается матери, реакция, очевидно, определяется физическими фактами. Она любит ребенка, которого носила в своем чреве. Но корреляцию между сперматозоидом, оплодотворяющим женскую яйцеклетку, и отцовскими чувствами установить невозможно. Мне представляется, что единственный фактор, определяющий эмоциональную установку отца, — это его совместная жизнь с матерью ребенка во время ее беременности. Если это так, то становится очевидно, что предписания культуры совершенно необходимы для того, чтобы стимулировать и упорядочивать эмоциональные установки мужчины, и что культура не может обойтись без естественных врожденных тенденций. Одних только социальных факторов недостаточно, чтобы мужчина выполнял свои обязанности с полной эмоциональной отдачей, — необходима еще и сильная потребность в этом на биологическом уровне.

Культурные факторы в отношениях отца и ребенка во многом сходны с факторами, определяющими материнство. Отец обычно соблюдает часть материнских табу или, по крайней мере, должен соблюдать другие табу одновременно с ней. Особый запрет, несомненно, связанный с благополучием ребенка, — это табу на сексуальные отношения с беременной женой. После рождения ребенка на отца вновь возлагается ряд обязанностей. Самое известное из них — это *кувада* — обычай, согласно которому муж перенимает симптомы послеродовой болезни и беспомощности, в то

[9] Ср. мою работу «Отец в примитивной психологии».

время как жена занимается обычными делами. *Кувада* — одна из наиболее экстремальных форм утверждения отцовства; тем не менее подобные обычаи, обязывающие мужчину брать на себя часть послеродовых тягот жены или, по крайней мере, показывать ей свое сочувствие, существуют во всех обществах. Этот обычай без труда укладывается в нашу схему. Даже кажущийся абсурдным обычай *кувады* исполнен глубокого значения и несет в себе необходимую функцию. Тот факт, что человеческая семья должна включать в себя и отца, и мать, объясняется биологической необходимостью; если традиционные обычаи и установления создают социальную ситуацию нравственной близости отца и ребенка и направлены на то, чтобы привлечь внимание мужчины к его ребенку, тогда *кувада*, обязывающая мужчину симулировать родовые схватки и послеродовую болезнь, имеет огромную ценность и служит необходимым стимулом и выражением отцовских чувств. *Кувада* и все обычаи такого типа подчеркивают принцип легитимности — потребность ребенка в отце.

Все это снова указывает на две стороны вопроса. Человеческое поведение никогда не определяется одними инстинктами. Негибкие инстинкты, которые бы не давали человеку адаптироваться каждый раз к новым условиям, бесполезны для вида. Пластичность инстинктивных тенденций — залог культурного прогресса. Но тенденции все-таки существуют и не могут развиваться произвольно. При том что характер связи с матерью определяется культурой; при том, что обязательства привносятся извне, из традиции, все они тем не менее соответствуют естественной склонности, так как подчеркивают близость отца и ребенка, делают их зависимыми друг от друга. Следует заметить, что многие из этих социальных отношений носят предупредительный характер: они готовят отца к будущим чувствам, диктуют ему заранее определенные реакции, которые он затем усвоит для себя.

Отцовство, как мы выяснили, нельзя рассматривать только как социальное явление. Социальные факторы просто помещают мужчину в ситуацию эмоциональной реакции и предписывают ему действия, в которых найдут себе выражение отцовские чувства. Таким образом, мы заключаем, что материнство имеет как социальную, так и биологическую природу. Мы утверждаем, что отцовство также определяется биологическими факторами и, следовательно, по своему типу аналогично материнской привязанности. И в том, и в другом случае культура скорее подчеркивает, чем противостоит естественным склонностям. Она преобразует семью, добавляя другие элементы, по образцу, который мы находим в природе. Культура не действует вопреки ей.

6. УСТОЙЧИВОСТЬ СЕМЕЙНЫХ УЗ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Семейная жизнь млекопитающих не заканчивается с рождением ребенка; чем выше вид стоит на эволюционной лестнице, тем дольше обоим родителям приходится заботиться об их потомстве. Постепенное созревание детеныша требует более длительной опеки и обучения, и для того, чтобы заботиться о детях, отец и мать должны оставаться вместе. Но ни один вид животных не сохраняет семью на всю жизнь. Как только дети становятся самостоятельными, они покидают родителей. Это отвечает насущным потребностям вида, поскольку любое объединение и соответствующие связи — обуза для животных, если только они не выполняют особую функцию.

Однако у людей начинают действовать новые факторы. Помимо нежной заботы, диктуемой природой и подкрепляемой обычаем и традицией, возникает элемент культурного образования. Существует не только потребность в полном развитии инстинктов, как у животных, которые обучают детенышей находить пищу и

совершать специальные маневры, но и необходимость в развитии ряда культурных привычек, настолько же значимых для людей, насколько инстинкты значимы для животных. Человек должен обучить своих детей ручному труду и навыкам ремесла, языку и традициям нравственной культуры, манерам и обычаям, составляющим социальную организацию.

Все это требует особого взаимодействия двух поколений, когда старшее передает, а младшее перенимает традицию. И здесь семья — мастерская культурного развития, так как непрерывность традиции, особенно на низших уровнях развития, — важнейшее условие существования человеческой культуры, а эта непрерывность зависит от организации семьи. Нужно отметить, что в случае человеческой семьи эта функция, поддержание непрерывности традиции, имеет то же значение, что и размножение. Человек не смог бы выжить, если был бы лишен культуры, а культура не выжила бы, если бы не было человеческой расы, чтобы ее продолжать. Более того, новейшая психология говорит нам, что первые ступени воспитания, осваиваемые в семье, имеют образовательное значение, полностью проигнорированное прежними исследователями. Но если влияние семьи настолько велико в наши дни, оно дожно было быть еще более серьезным на заре культуры. Тогда этот институт был единственной школой для человека, и получаемое им воспитание было простым, но его уроки необходимо было преподать с непреложностью императива, нужда в котором уже отпадает на высших уровнях.

В этом процессе семейного обучения, поддерживающем непрерывность культуры, мы видим важнейшую форму разделения функций в человеческом обществе: между руководством и подчинением, между культурным превосходством и невежеством. Обучение — процесс передачи технической информации и нравственных ценностей — требует особого вида взаимодействия. Не только родитель должен быть

заинтересован в обучении ребенка, а ребенок — в учении, но также необходима особая эмоциональная атмосфера. Должны существовать уважение, послушание и доверие, с одной стороны, и нежность, авторитет и желание направить — с другой. Воспитание невозможно без авторитета и уважения. Истины, примеры и предписания не достигнут своей цели и не будут послушно восприняты, если их не подкрепляют особые установки нежного подчинения и любящего наставничества, которыми характеризуются все здоровые отношения между родителем и ребенком. Эти отношения особенно важны и трудны для сына и отца. Вследствие энергичности и инициативности первого и консервативной власти последнего существуют определенные трудности в установлении стабильных уважительных отношений. Мать как ближайшая защитница и нежная помощница обычно не сталкивается с такими трудностями на первых этапах отношений с детьми. Тем не менее в отношениях сына и матери (в которых, если они развиваются гармонично, должны сохраняться послушание, почтение и субординация) на более позднем этапе жизни появляются другие проблемы. Мы уже познакомились с ними в предыдущих разделах книги, но должны вернуться к ним еще раз.

Животное, достигшее зрелости, естественным образом покидает родителей. Потребность людей в более длительных связях бесспорна. Воспитание детей прежде всего надолго привязывает их к семье даже после того, как они достигают зрелости. Но даже окончание культурного образования не подразумевает расставания. Контакты, установленные с целью культурного воспитания, не прерываются и служат дальнейшему формированию социальной организации.

Даже после того как взрослый человек покинул дом родителей и создал свою семью, он поддерживает с ними активные отношения. Во всех примитивных обществах без исключения местное сообщество, клан или племя, организовано путем постепенного рас-

ширения семейного круга. Социальная природа тайных обществ, тотемных объединений и племенных групп неизменно основывается на идеях ухаживания, закрепленных принципом власти и статуса в данном поселении, но вместе с тем по-прежнему тесно связана с изначальными семейными узами[10].

Именно этим действительным и эмпирическим соотношением между всеми большими социальными объединениями и семьей определяется первостепенное значение последней. В примитивных обществах человек строит все свои социальные связи по образцу своих отношений с отцом и матерью, братом и сестрой. В этом опять-таки антропологи, психоаналитики и психологи совершенно единодушны, оставляя в стороне фантастические теории Моргана и некоторых его последователей. Таким образом, сохранение семейных связей после достижения зрелости — модель всякой социальной организации и условие взаимодействия во всех экономических, религиозных и магических вопросах.

К этому выводу мы пришли в предыдущей главе, где говорили о предполагаемом стадном инстинкте и выяснили, что ни инстинкта, ни тенденции к стадному образу жизни у человека нет. Но если социальные связи нельзя свести к стадности, существовавшей до появления человека, они должны были сложиться в результате развития единственных отношений, которые человек перенял у своих предков-животных: отношений между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, в общем, отношений внутри неразделенной семьи.

Раз это так, мы видим, что сохранение семейных связей и соответствующих биологических и культурных отношений необходимо не только ради непрерывно-

[10] Я не могу здесь более подробно останавливаться на этом вопросе. Он получит развитие в работе «Психология родства» (The Psychology of Kinship), подготовленной для Международной библиотеки психологии.

сти традиции, но и ради культурного взаимодействия. И здесь мы должны отметить то, что можно, пожалуй, назвать глубочайшим изменением инстинктивных тенденций, так как сохранение семейных связей после достижения зрелости в человеческом обществе не соответствует инстинктивному поведению, характерному для животных. Мы не можем больше говорить о пластических врожденных тенденциях — они не могут быть врожденными, поскольку животные не поддерживают семейные связи после достижения зрелости. Более того, целесообразность и функциональность семейных связей, длящихся на протяжении всей жизни, обусловлены культурными факторами, а не биологическими потребностями. Параллельно с этим мы видим, что животные не склонны сохранять семью после того, как уходит биологическая потребность. Культура создала у человека новую потребность, потребность близких отношений между родителями и детьми на протяжении всей жизни. С одной стороны, эта потребность вызвана передачей культуры от одного поколения другому; с другой — потребностью в сохранении связей, служащих моделью и отправной точкой всякой социальной организации. Семья — это биологическое объединение, к которому относятся все родственные связи и которое — посредством порядка наследования и происхождения — определяет социальный статус ребенка. Как можно видеть, эти отношения всегда будут значимыми для человека и постоянно должны поддерживаться. Культура, таким образом, создает новый вид человеческих связей, не имеющий прообраза в царстве животных. Как мы увидим далее, сам этот творческий акт, в котором культура выходит за пределы инстинктивных тенденций и естественных прецедентов, также создает серьезные опасности для человека. Два больших соблазна — соблазн секса и соблазн бунта — возникают уже в момент культурного отделения от природы. В той группе, которая совершила первые шаги к человеческому прогрессу,

впервые появились два главных риска человечества — склонность к инцесту и бунт против власти.

7. ПЛАСТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИНСТИНКТОВ

Продолжим довольно подробно говорить об опасностях инцеста и бунта, но сначала коротко подытожим несколько последних глав, где мы сравнивали семью у животных и у людей. Мы выяснили, что и там, и тут общая модель поведения соответствует внешней форме. Так, и в человеческом сообществе, и в мире животных ухаживание обычно имеет четко выраженную форму и ограничено по времени; избирательное спаривание ведет к эксклюзивной брачной жизни; наиболее распространен моногамный брак. Наконец, и у животных, и у людей статус родителя подразумевает схожие хлопоты и обязательства. Итак, формы поведения и их функции у животных и у людей схожи. Сохранение вида посредством избирательного спаривания, супружеской исключительности и родительской заботы — главная цель человеческих институтов и инстинктивных тенденций животных.

Наряду со сходством имеются и явные различия. Это касается не целей, а средств достижения этих целей. Механизм выбора партнера, поддержания брачных отношений и осуществления родительской заботы у животных полностью врожденный и основывается на анатомическом строении, физиологических изменениях и инстинктивной реакции. Весь ряд указывает на одну модель для всех животных одного вида. В человеческом обществе действует другой механизм. При том что здесь также присутствует общая тенденция к ухаживанию, совокуплению и заботе о ребенке, одинаково сильно выраженная и у людей, и у животных, единой модели для всего вида не существует. Ориентир исчез, и ему на смену пришли культурные ограничения. Сексуальный импульс не-

изменно активен, нет ни периода гона, ни автоматического исчезновения женской привлекательности по его истечении. Нет инстинкта отцовства, и даже отношения с матерью не определяются исключительно врожденными реакциями. Вместо четких инстинктивных детерминантов мы имеем культурные факторы — форма, в которую облекаются врожденные тенденции. Все это предполагает глубокие изменения в отношениях между инстинктом и физиологическим процессом и теми модификациями, которые они претерпевают. Эти изменения мы назвали «пластичностью инстинктов». Этим термином описываются вышеприведенные факты. Все они свидетельствуют о том, что человек утратил различные физиологические элементы, высвобождающие инстинкт, и что на смену им пришло традиционное воспитание, преобразующее врожденные тенденции в привычные культурные реакции. Эти культурные механизмы были тщательно проанализированы. Среди них — табу на инцест и прелюбодеяние; культурные факторы, способствующие срабатыванию инстинкта спаривания; нравственные нормы и идеалы, а также практические стимулы, направленные на то, чтобы муж и жена оставались вместе, — правовое санкционирование брака; предписания, придающие форму родительским тенденциям. Как мы знаем, все эти культурные детерминанты во многом соответствуют общей линии поведения животных, обусловленного природными факторами. Однако конкретные формы ухаживания, брачных отношений и отцовства-материнства варьируются в зависимости от типа культуры и факторов, влияющих на человеческое поведение, и являются не просто инстинктами, а привычками, выработанными в соответствии с данной традицией. Социальная санкция закона, давление общественного мнения, психологическая санкция религии и непосредственные мотивы взаимности приходят на смену автоматическим инстинктивным стимулам.

Культура не ведет человека в направлении, отклоняющемся от пути природы. Мужчина все так же должен ухаживать за потенциальной супругой, а она так же должна выбрать его и уступить ему. Они по-прежнему должны оставаться вместе и быть готовыми к тому, что у них может появиться ребенок, и заботиться о нем. Женщина по-прежнему должна вынашивать ребенка, а мужчина должен быть рядом с ней, чтобы ее защищать. Родители все еще должны нянчить и воспитывать своих детей, и в условиях культуры они так же привязаны к ним, как в природных условиях животные привязаны к своим детенышам. Но в человеческом обществе поразительное разнообразие моделей заменяет одну модель поведения, которую инстинктивные тенденции вменяют всем особям одного вида животных. Непосредственная инстинктивная реакция заменяется традиционными нормами. Обычай, закон, нравственные устои, ритуал и религия оказывают влияние на всех этапах ухаживания и материнства-отцовства. Но, в сущности, их действие аналогично действию животных инстинктов. Цепочка реакций, регулирующих брачные отношения у животных, представляет собой прообраз постепенного развития и формирования культурных установок человека. Мы должны перейти теперь к более подробному сравнению функционирования животных инстинктов и человеческих сентиментов.

8. ОТ ИНСТИНКТА К СЕНТИМЕНТУ

В последней главе мы резюмировали основные пункты сравнения семьи животных и семьи людей. Исчезновение определенных физиологических ориентиров, влияние культуры на человека ведут к усложнению человеческой реакции, разнообразию, которое, на первый взгляд, не приносит ничего, кроме хаоса и беспорядка. Однако в действительности это не так. Во-первых, мы можем видеть, что разнообразные эмо-

циональные брачные установки в человеческой семье тяготеют к упрощению в одном направлении. Кульминационной точкой развития человеческих отношений в сексуальном плане становится брак, в плане родительских чувств — сохранение семьи в течение всей жизни. В обоих случаях эмоции концентрируются вокруг какого-то одного объекта, будь это супруг, ребенок или родитель. Таким образом, исключительное доминирование одного человека — это первая характеристика развития человеческих эмоциональных установок.

Фактически мы можем проследить ту же тенденцию в царстве животных, если будем подниматься по лестнице от низших видов к высшим. У низших видов мужское семя часто выделяется неупорядоченно, и оплодотворение женской яйцеклетки регулируется исключительно физическими факторами. Индивидуальные отличия, отбор и адаптация вырабатываются постепенно и достигают своего полного развития у высших животных.

Однако в человеческом обществе определенные институты усиливают эту тенденцию. Например, брачные игры регулируются социологическими факторами: это подразумевает, в частности, исключение определенной группы женщин, с одной стороны, а с другой — подбор подходящих партнеров и поощрение определенных союзов. В некоторых формах брака индивидуальные отношения полностью определяются социальными факторами, такими как обручение детей или предварительный брачный сговор. В любом случае в результате ухаживания, брачных отношений и заботы о детях два человека постепенно создают исключительную личную связь. Ряд интересов экономического, сексуального, правового и религиозного характера сходятся для каждого партнера в личности другого. Правовое и религиозное санкционирование брака устанавливает, как мы знаем, долговременную связь между двумя людьми, имеющую законную силу

в социальном смысле. Таким образом, в человеческих отношениях эмоциональная адаптация определяется конкретным объектом, а не сиюминутной ситуацией. Эмоции, тип влечений и интересов варьируются в пределах одних отношений: обычно они односторонни и разрозненны в начале ухаживания, но постепенно, в процессе ухаживания развиваются в личную привязанность, чрезвычайно обогащаются и усложняются в течение совместной жизни в браке, особенно с рождением детей. При всем разнообразии эмоциональных адаптационных процессов устойчивость объекта, его глубокое влияние на жизнь второго человека постоянно усиливаются. Связь нелегко разорвать, и обычно сопротивление носит как психологический, так и социальный характер. Так, и в дикарских, и в цивилизованных сообществах развод или разрыв отношений между родителем и ребенком — личная трагедия и социальная катастрофа.

Но, несмотря на то что эмоции в человеческой семье оказывают постоянное воздействие, в зависимости от обстоятельств, на природу любви в браке, — любовь соседствует с горем, радостью, страхом, страстью; несмотря на то что они всегда сложны и никогда не регулируются одним только инстинктом, они ни в коей мере не хаотичны и не дезорганизованы. В действительности они упорядоченны и образуют определенные системы. Общее отношение одного супруга к другому, родителя к ребенку и наоборот — ни в коем случае не случайно. Каждый тип отношений должен включать в себя ряд эмоциональных установок, служащих определенным социальным целям, и каждая установка развивается постепенно, согласно определенной схеме организации эмоций. Так, в отношениях между супругами сентимент выстраиваивается начиная с пробуждения полового влечения. В условиях культуры, как мы знаем, это влечение никогда не бывает просто инстинктом. Различные факторы, такие как личная выгода, экономическая привлекательность,

продвижение по социальной лестнице, добавляют очарования девушке в глазах мужчины или мужчине — в глазах девушки, и это верно как на низких уровнях развития культуры, так и в высокоразвитых цивилизациях. После того как такой интерес возник, страстное чувство должно постепенно выстраиваться в ходе традиционного, принятого в данном обществе способа ухаживания. Решение вступить в брак принимается не раньше, чем выстроена такая привязанность; тогда же заключается первый договор, что устанавливает более или менее определенные отношения в социологическом смысле. В течение этого периода идет подготовка к брачным узам. Правовые узы брака, как правило, преобразуют отношения, в которых преобладают сексуальные элементы, в совместную жизнь, и здесь необходимо пересмотреть эмоциональные установки. Надо сказать, что переход от ухаживания к браку, который во всех обществах является предметом шуток и поговорок, влечет за собой сложную реорганизацию установок: сексуальные элементы не исчезают, и память об ухаживании не стирается, но теперь необходимо включить в отношения совершенно новые интересы и новые эмоции. Новые установки выстраиваются на основании старых, и в трудных ситуациях необходимо выработать терпение и снисходительность за счет сексуальной привлекательности. Первоначальное очарование и благодарность за эротическое удовольствие в начале отношений имеют безусловную психологическую ценность и образуют неотъемлемую часть последующих чувств. В этом проявляется важная составляющая человеческих сентиментов — перенос воспоминаний о прошлом на дальнейшие этапы. Теперь мы проанализируем отношение матери к ребенку и отца к сыну и покажем, что здесь работает та же система постепенного оформления и организации эмоций. Всегда доминирует эмоциональная установка, связанная с телесными ощущениями. Между мужем и женой это обязательно половое влечение, а также

связанная с ним личная привлекательность и совместимость характеров. Чувства, испытанные на этапе ухаживания, страсть первого обладания необходимо включить в более спокойную привязанность, которая позволит мужу и жене и дальше получать удовольствие от общества друг друга. Эти элементы должны составлять гармоничное целое с общностью интересов и занятий, которые объединяют двоих людей в деле управления домашним хозяйством. Хорошо известно, что каждый переход — от ухаживания к сексуальному сожительству и более тесной совместной жизни, от брачной жизни к рождению ребенка — сопряжен с кризисом, т.е. трудностями, опасностями и плохой приспособляемостью. В эти моменты происходит реорганизация установок.

Механизм, участвующий в этом процессе, основывается на взаимодействии врожденных влечений, человеческих эмоций и социальных факторов. Как мы видели, организация общества предполагает наличие экономических, социальных и религиозных идеалов, которые накладывают значительный отпечаток на половое влечение мужчин и женщин. Так, определенные партнеры исключаются — согласно правилам экзогамии, кастовому делению общества или в силу воспитания. Другие же партнеры предстают в ореоле экономической привлекательности, высокого положения или социального статуса. В отношениях между родителями и детьми традиция также диктует определенные установки, предвосхищающие появление объектов, к которым относятся. Действие социологических механизмов особенно важно, когда речь идет о психическом и умственном развитии ребенка. Образование, особенно в простых обществах, не заключается в непосредственном внушении социологических, нравственных и интеллектуальных принципов, но скорее реализуется путем влияния культурного окружения на формирующееся сознание. Так, ребенок постигает принципы деления на касты, ранги или кланы на кон-

кретных примерах избегания, предпочтения и подчинения, которые преподаются ему на практике. Таким образом, внушается определенный идеал, и к тому времени, когда проявляется половое влечение, в сознании уже складываются табу и стимулы, представления о правильном ухаживании и желательном браке. Важно понять, что формирование и постепенное внушение идеалов совершаются не мистическим образом, но посредством четко определенных, конкретных факторов влияния. Если мы мысленно вернемся назад к уже обсуждавшимся идеям этой книги и обратимся к жизни крестьян в Европе или диких племен в Меланезии, то увидим, что ребенок в родительском доме получает воспитание через упреки родителей, общественное мнение в лице старших, чувство стыда и дискомфорта, вызываемое их реакцией на его поведение. Так создаются категории приличного и неприличного, вступает в силу запрет на отношения с одними группами и поощряются отношения с другими, появляются более тонкие оттенки чувств к матери, отцу, дяде по матери, сестре и брату. Наконец, самый значимый контекст, в который вписана эта система культурных ценностей, — это материальные условия проживания, поселения и организации быта. Так, в Меланезии дом отдельной семьи, холостяцкое жилище, патрилокальный брак и матрилинейное право связаны, с одной стороны, с принципом устройства деревень, домов и природой территориальных разделений, а с другой — с предписаниями, табу, нравственными законами и различными оттенками чувств. Это говорит о том, что человек постепенно выражает свои эмоциональные установки в правовых, социальных и материальных формах, которые в свою очередь определяют его поведение и кругозор. Человек формирует свое окружение в соответствии со своими культурными установками, и это вторичное по сравнению с природным окружение порождает сентименты, характерные для данного типа культуры.

Это подводит нас к очень важной проблеме, объясняющей, почему человеческие инстинкты должны были стать пластичными, а врожденные реакции трансформироваться в установки, или сентименты.

Культура непосредственно зависит от степени, в которой человеческие эмоции поддаются воспитанию, адаптации и интеграции в комплекс и пластичные системы. Максимально полезный эффект культуры в том, что она позволяет человеку управлять своим окружением с помощью механических приспособлений, оружия, средств передвижения и способов защиты от неблагоприятных погодных и климатических условий. Однако все это можно применять только в том случае, если вместе со всеми этими приспособлениями передаются также традиционное знание и умение ими пользоваться. Каждое поколение заново обучается этому умению. Обучение, передача знания — это такой процесс, который нельзя освоить только за счет инстинктивных реакций и тенденций или только рассудка. Передача знания от одного поколения другому сопряжена с трудностями, усилиями и требует от старшего поколения неистощимого запаса терпения и любви к младшему. Это эмоциональное оснащение опять-таки лишь отчасти основывается на врожденных реакциях, так как все культурные действия, которыми оно руководит, искусственны, неспецифичны и, следовательно, не обеспечены врожденными побуждениями. Непрерывность социальной традиции, другими словами, влечет за собой личное эмоциональное отношение, которое представляет собой трансформацию набора определенных реакций в сложные установки. Степень, в которой на родителей можно возложить тяготы культурного образования, зависит от способности человеческого характера адаптироваться к культурным и социальным реакциям. Таким образом, в одном из своих аспектов культура непосредственно зависит от пластичности врожденных тенденций.

Но связь человека с культурой не ограничивается передачей традиции от одного человека к другому; культура даже в простейших своих формах не может быть передана иначе как в результате сотрудничества. Как мы видели, сохранение семейных связей после достижения биологической зрелости делает возможным, с одной стороны, культурное воспитание, а с другой, — взаимодействие, сотрудничество. В семье животных, конечно, также имеется элементарное разделение функций: самец обеспечивает пищу в течение определенных периодов, когда самка заботится о детеныше; позднее мать и отец защищают и кормят детеныша. Но у животных пищевая адаптация к среде обитания и схема экономического разделения функций отличаются негибкостью. Человек благодаря культуре может адаптироваться к очень многим экономическим условиям, и механизмы адаптации контролируются не жесткими инстинктами, а способностью разрабатывать специальные методы, специальную экономическую организацию и приспосабливаться к особой диете. Но наряду с этим сугубо техническим аспектом требуются также правильное разделение функций и подходящий тип взаимодействия. Это, очевидно, подразумевает различные варианты эмоциональной адаптации в различных условиях окружающей среды. Экономические обязанности мужа и жены различны. Так, в суровых северных условиях бремя обеспечения семьи пищей ложится на мужа; у примитивных земледельческих народов женщина в большей мере участвует в ведении домашнего хозяйства. С экономическим разделением функций связаны религиозные, правовые и нравственные особенности, соответствующие экономической специализации. Привлекательность социального престижа, значение супруга как помощника в практических делах, идеал нравственного или религиозного характера — все это в существенной мере окрашивает отношения. Разнообразие и возможность регулирования супружеских и родительских от-

ношений позволяют семье приспосабливаться к изменяющимся условиям практического сотрудничества, а этим последним — адаптироваться к материальным составляющим культуры и природной среды. Вопрос, как далеко можно проследить эти зависимости и соответствия, выходит за пределы нашего рассмотрения. Я хотел бы подчеркнуть здесь тот факт, что животные, способные создать вторичное окружение и, таким образом, приспособиться к сложным внешним условиям жизни, по необходимости должны располагать пластичными социальными связями и регулируемыми системами эмоций.

Все это указывает нам на то, что, хотя в основе своей отношения в человеческой семье определяются инстинктами, чем более глубокий отпечаток на них накладывают опыт и воспитание, чем больше культурных и традиционных элементов они могут воспринять, тем больше они пригодны для изменчивого и сложного разделения функций.

То, что мы сказали о семье, очевидно, относится также к другим социальным связям. Но в них, в отличие от семейных связей, инстинктивный элемент ничтожно мал. Огромное теоретическое значение брака и семьи не уступает огромному практическому значению этих человеческих институтов. Семья — не только связующее звено между биологическим единством и социальным единством, но и модель для всех более масштабных связей. Чем дальше продвинутся социологи и антропологи в разработке теории сентиментов, их формирования в условиях культуры и соотношения с социальной организацией, тем ближе мы подойдем к верному пониманию социологии примитивного сообщества. Я полагаю, что исчерпывающее описание примитивной семейной жизни, примитивных обычаев ухаживания и клановой организации исключит из социологии такие слова, как «групповой инстинкт», «сознание вида», «групповое сознание» и подобные социологические словесные панацеи.

Тем, кто знаком с современной психологией, должно быть ясно, что прежде чем разрабатывать теорию устройства примитивного общества, мы должны обратиться к замечательной теории человеческих эмоций, созданной человеком, который, несомненно, заслужил звание одного из величайших психологов нашего времени. А.Ф. Шанд первым указал, что мы можем достигнуть ощутимых результатов в классификации человеческих чувств, в конструировании законов эмоциональной жизни, только если осознаем, что человеческие эмоции не плавают в вакууме, но группируются вокруг ряда объектов. Вокруг этих объектов человеческие эмоции образуют определенные системы. Далее, в книге «Основы характера»[11] Шанд изложил ряд законов, управляющих объединением (организацией) эмоций в сентименты. Он показал, что моральные проблемы человеческого характера могут быть решены только путем изучения организации эмоций. В нашем исследовании оказалось возможным применить теорию сентиментов Шанда для решения социологической проблемы и показать, что корректный анализ замены животных реакций на культурные вполне подтверждает его взгляды. Существенными параметрами, отличающими человеческие привязанности от животных инстинктов, будут преобладание объекта над ситуацией; организация эмоциональных установок; взаимосвязь каждой следующей установки с предыдущей и их кристаллизация в устойчивые регулируемые системы. Наше дополнение к теории Шанда состоит только в том, что мы показываем, как формирование сентиментов связано с социальной организацией и владением материальной культурой.

Важное открытие Шанда, сделанное в результате исследования человеческих сентиментов, заключается в том, что основные составляющие их эмоции не авто-

[11] *Shand A.F.* The Foundations of Character. — *Примеч. ред.*

номны друг от друга, но до определенной степени тяготеют к исключению и вытеснению. В ходе дальнейшего анализа мы остановимся на двух типичных вариантах отношений — между матерью и ребенком; между отцом и ребенком. Это также поможет нам выявить процессы постепенного очищения и вытеснения, посредством которых определенные элементы должны быть удалены из сентимента по мере его развития.

И здесь мы хотели бы добавить, что теория сентиментов Шанда действительно тесно связана с психоанализом. Обе теории разбирают конкретные эмоциональные процессы в истории жизни отдельного человека. Обе теории независимо друг от друга признали, что только изучение фактических конфигураций человеческих чувств может принести удовлетворительные результаты. Если бы основатели психоанализа знали о вкладе Шанда, они могли бы избежать ряда метафизических заблуждений, понять, что инстинкт — это часть человеческих чувств, а не метафизическая сущность, и предложить нам намного менее мистическую и более конкретную психологию бессознательного. С другой стороны, Фрейд дополнил теорию сентиментов в двух важнейших отношениях. Он первым четко сформулировал, что семья — это локус формирования сентимента. Он также показал, что в формировании сентиментов очень важен процесс удаления, очищения и что в этом процессе механизм вытеснения служит источником явных опасностей. Однако силы вытеснения, которые психоаналитики приписывают таинственному эндопсихическому цензору, можно, как показывает наше исследование, поместить в более определенные и конкретные обстоятельства. Силы вытеснения — это силы самого сентимента. Они вытекают из принципа непротиворечивости, необходимой каждому сентименту, чтобы быть полезным в социальном поведении. Такие отрицательные эмоции, как ненависть и гнев, несовместимы с подчинением родительской власти и уважением и доверием в куль-

турном наставничестве. Чувственные элементы не могут проникнуть в отношения матери и сына, если эти отношения должны соответствовать естественному разделению функций в домашнем хозяйстве. К этим вопросам мы перейдем в следующей главе.

9. МАТЕРИНСТВО И СОБЛАЗН ИНЦЕСТА

«Происхождение» запрета на инцест — один из наиболее спорных и чаще всего обсуждаемых вопросов антропологии. Он связан с проблемой экзогамии или примитивных форм брака, с гипотезами первобытного промискуитета и т.д. Нет ни малейшего сомнения в том, что экзогамия коррелирует с запретом на инцест, что это просто расширение этого табу, так же, как институт клана с его классификацией родственных связей — просто расширение семьи и свойственной ей номенклатуры родства. Мы не будем углубляться в эту проблему прежде всего потому, что в этом мы согласны с такими антропологами, как Вестермарк и Лоуи[12].

Для ясности картины полезно вспомнить, что, по мнению биологов, кровосмесительные союзы не оказывают неблагоприятного воздействия на вид[13]. Был бы инцест разрушителен в природных условиях, если бы стал регулярным явлением, — вопрос академический. В природных условиях молодые животные, достигнув зрелости, покидают родительскую группу и спариваются беспорядочно с любыми самками, встречающимися им в период гона. Инцест в лучшем случае может быть только спорадическим событием. Итак, в

[12] Ср. «Историю человеческого брака» Вестермарка и «Примитивное общество» Лоуи (*Lowie R.* Primitive Society). Дополнительные аргументы я изложу в своей следующей работе «Родство» (Kinship).

[13] Обсуждение биологической природы близкородственного спаривания см. в книге Питта-Риверса «Контакт рас и культурный конфликт».

инцесте между животными нет вреда с биологической точки зрения и, очевидно, с нравственной. Более того, у нас нет оснований полагать, что животные испытывают некий особый соблазн.

В то время как для животных инцест не представляет ни биологической опасности, ни соблазна и, как следствие, против него не существует инстинктивных барьеров, у людей, напротив, во всех обществах самый мощный барьер и главный запрет связаны с инцестом. Эта закономерность, с нашей точки зрения, есть следствие не некоего первоначального законодательного акта или же особого отвращения к половой связи с родственниками, но двух явлений, возникших в условиях культуры. Во-первых, при тех механизмах, которые управляют человеческой семьей, возникает большой соблазн инцеста. Во-вторых, в связи с существованием инцестуальных тенденций в человеческой семье наряду с сексуальными соблазнами появляются особые риски. По первому вопросу мы, следовательно, должны согласиться с Фрейдом и не согласиться с известной теорией Вестермарка, предполагающей существование врожденной неприязни к совокуплению между членами одной семьи. Однако, допуская соблазн инцеста в условиях культуры, мы не поддерживаем психоаналитическую теорию, согласно которой детская привязанность к матери носит по преимуществу сексуальный характер.

Это, по всей видимости, основной тезис, который Фрейд выдвигает в своих трех очерках по теории сексуальности. Он пытается доказать, что отношения между маленьким ребенком и его матерью по своей сути сексуальны, и выражается это прежде всего в акте кормления грудью. Из этого следует, что первая сексуальная привязанность мальчика к матери, как правило, инцестуальна. Эта «фиксация либидо», если воспользоваться психоаналитическим термином, остается на протяжении всей жизни и является источником постоянных инцестуальных соблазнов,

которые необходимо вытеснять и которые составляют один из двух компонентов Эдипова комплекса.

Принять эту теорию невозможно. Отношения между ребенком и матерью принципиально отличны от сексуальных отношений. Инстинкты должны определяться не просто на основании интроспективных методов или анализа градаций ощущений, таких как боль и удовольствие, но прежде всего согласно их функции. Инстинкт — это более или менее определенный врожденный механизм реакции особи на конкретную ситуацию в виде определенной формы поведения, имеющий целью удовлетворение определенных потребностей организма. Связь грудного ребенка с матерью определяется прежде всего потребностью в пище. Телесная тяга ребенка к матери опять-таки удовлетворяет его физические потребности в тепле, защите и руководстве. Ребенок не приспособлен для жизни в окружающем мире только за счет своих собственных сил, и так как единственный посредник, через которого он может действовать, — это материнский организм, он инстинктивно тянется к матери. В сексуальных отношениях цель полового влечения и телесной тяги заключается в создании союза, который приведет к оплодотворению. Каждая из этих двух врожденных тенденций — поведение, характерное для матери и ребенка, и процесс совокупления — распространяется на широкий спектр подготовительных и завершающих действий, сходных в определенных отношениях. Тем не менее совершенно очевидно, где проходит водораздел, поскольку одни действия, тенденции и чувства направлены на то, чтобы помочь детскому незрелому организму, накормить, защитить и согреть его; а другие действия служат соединению половых органов и зачатию новой особи.

Поэтому мы не можем принять простое решение, согласно которому соблазн инцеста обусловлен сексуальной связью между ребенком и матерью. Чувственное удовольствие, общее для обоих видов отношений,

является компонентом любого успешного инстинктивного поведения. Удовольствие не может быть признаком дифференциации инстинктов, так как присуще им всем. Но, несмотря на то что каждой из этих эмоциональных установок необходимо приписать различные инстинкты, у них все же есть один общий элемент. Дело не только в том, что им присущ оттенок удовольствия, свойственный всем инстинктам; здесь также присутствует чувственное удовольствие от физического контакта. Стремление ребенка к материнскому организму активно выражается в постоянной тяге к материнскому телу, в максимально возможном эпидермическом контакте, прежде всего в контакте губ ребенка с соском матери. Сходство между подготовительными действиями полового влечения и завершающими действиями детского импульса поразительно. Их нужно различать в основном по функции и существенной разнице между завершающими действиями в каждом случае.

К чему приводит это частичное сходство? Мы можем позаимствовать из психоанализа принцип, теперь общепризнанный в психологии, что в жизни любой опыт вызывает соответствующие воспоминания из детства. Из теории сентиментов Шанда мы знаем, что в жизни человека установки подразумевают постепенную организацию эмоций. К этому мы считаем необходимым добавить, что непрерывность эмоциональных воспоминаний и постепенное выстраивание одной установки по модели другой образуют главный принцип социологических связей.

Если мы применим его к сексуальной установке любовников, то увидим, что телесный контакт в сексуальных отношениях должен оказывать очень тревожное ретроспективное воздействие на отношения матери и сына. Ласки любовников включают не только ту же среду — эпидермис, не только ту же ситуацию — объятия, ласки, максимально личное отношение, но они также вызывают подобные чувственные ощуще-

ния. Поэтому этот новый тип влечения непременно будит воспоминания о подобных ранних опытах. Но эти воспоминания связаны с определенным объектом, который остается приоритетным среди эмоциональных интересов человека на протяжении всей жизни. Этот объект — личность матери. Эротическая жизнь вызывает беспокоящие воспоминания, касающиеся матери и прямо противоположные установке почитания, подчинения и культурной зависимости, которая уже полностью вытеснила раннюю детскую привязанность в психике подрастающего мальчика. Новый тип эротической чувственности и новая сексуальная установка переплетаются с детскими воспоминаниями и угрожают разрушить упорядоченную систему эмоций, построенную вокруг матери. Установка по отношению к матери, подчиняясь задачам культурного воспитания, постепенно становится все менее чувственной и все более окрашенной психической и нравственной зависимостью, интересом в практических делах, социальными сентиментами, связанными с матерью как центром домашней жизни. Из предыдущих глав этой книги мы уже знаем, что на этом этапе отношения между мальчиком и его матерью окутываются дымкой, и происходит реорганизация сентиментов. В это время в психике человека возникает мощное сопротивление, вся чувственность по отношению к матери вытесняется, и из сочетания ранних воспоминаний с новым опытом возникает подсознательный соблазн инцеста.

Разница между этой интерпретацией и интерпретацией психоанализа заключается в том, что Фрейд говорит о неизменном с детства отношении к матери. Мы в нашем рассуждении пытаемся показать, что между ранним и поздним влечением тождество существует только отчасти, что это тождество обусловлено, в сущности, механизмом формирования сентиментов, что это объясняет отсутствие соблазнов у животных и что инцестуальные соблазны у человека

возникают вследствие ретроспективной силы новых сентиментов.

Мы должны теперь задаться вопросом, почему этот соблазн действительно опасен для человека, хотя и безвреден для животных. Мы уже выяснили, что в случае с человеком трансформация эмоций в организованные сентименты составляет сущность социальных связей и культурного прогресса. Как убедительно доказал Шанд, такие системы выстраиваются по определенным законам: они должны быть гармоничны, т.е. эмоции должны быть непротиворечивыми, и сентименты должны быть организованы таким образом, чтобы обеспечить согласованность и непрерывность этих сочетаний. Внутри семьи развитие сентимента между матерью и ребенком начинается с ранней чувственной привязанности, связывающей их глубоким врожденным интересом. Однако затем эта установка должна измениться. Функция матери состоит в обучении, наставлении, культурном влиянии и домашней власти. Подрастающий сын реагирует на эту ее функцию подчинением и почитанием. В течение детства, т.е. в течение этого чрезвычайно продолжительного в психологическом отношении периода, который начинается с отлучения от груди и заканчивается достижением зрелости, эмоции почитания, зависимости, уважения, а также сильной привязанности должны стать доминирующими в отношении мальчика к матери. Также в это время должен развиваться и завершиться процесс эмансипации, разрыва всех физических контактов. Семья на этом этапе — по сути, культурное, а не биологическое образование. Отец и мать воспитывают ребенка, пока он не достигает независимости и культурной зрелости; их физиологическая роль уже исчерпана.

В такую ситуацию тенденция к инцесту внесет деструктивный элемент. Любое сближение с матерью с чувственными или эротическими намерениями будет означать разрыв построенных с таким трудом отно-

шений. Совокуплению с ней, как и всякому совокуплению, должны предшествовать период ухаживания и тип поведения, совершенно несовместимый с подчинением, независимостью и почитанием. Мать, более того, не одна. Она замужем за другим мужчиной. Любой чувственный соблазн полностью расстроит не только отношения между сыном и матерью, но также, косвенно, отношения между сыном и отцом. Активное враждебное соперничество заменит гармоничные отношения, заключающиеся в полной зависимости и подчинении руководству. Если, следовательно, мы соглашаемся с психоаналитиками, что инцест должен быть универсальным соблазном, то видим, что он несет опасность не только психологического плана и эту опасность нельзя объяснить гипотезами, подобными фрейдовской гипотезе первобытного преступления. Инцест должен быть запрещен, потому что, если наш анализ семьи и ее роли в формировании культуры верен, инцест несовместим с установлением первооснов культуры. В цивилизации, обычай, мораль и закон которой допускали бы инцест, семья не могла бы существовать. В определенный момент происходило бы разрушение семьи, что влекло бы за собой полный социальный хаос и невозможность продолжения культурной традиции. Инцест означал бы уничтожение возрастных различий, смешение поколений, дезорганизацию сентиментов и насильственную смену законов как раз в тот период, когда семья является важнейшей образовательной средой. Никакое общество не смогло бы существовать в таких условиях. Альтернативный тип культуры, при котором инцест запрещен, — единственный тип, совместимый с существованием социальной организации и культуры.

Наше объяснение, в сущности, не расходится со взглядами Аткинсона и Ланга, считающих запрет на инцест первобытным законом, хотя наша аргументация отличается от их гипотезы. Мы также не согласны с Фрейдом в том смысле, что не можем принять пред-

ставления об инцесте, обусловленном врожденным поведением ребенка. От Вестермарка нас отличает то, что отвращение к инцесту представляется нам не естественным импульсом, простой склонностью не вступать в сексуальные отношения с людьми, с которыми живешь с детства в одном доме, но скорее сложной схемой культурных реакций. Мы смогли вывести необходимость табу на инцест из изменения инстинктивных тенденций, что должно происходить параллельно с социальной организацией и культурой. Инцест как нормальная модель поведения не может существовать в человеческом сообществе, потому что он несовместим с семейной жизнью и дезорганизовал бы самые ее основания. Основополагающая модель социальных связей — нормальная реакция ребенка на мать и отца была бы разрушена. Из состава каждого из этих сентиментов должен быть исключен половой инстинкт. Этот инстинкт труднее всего контролировать, и он наименее совместим с другими. Соблазн инцеста, следовательно, по необходимости вводится культурой в силу формирования постоянных организованных установок. Таким образом, это в определенном смысле первородный грех человека. Он должен искупаться во всех человеческих обществах через действие одного из важнейших и универсальных правил. Но даже и тогда, как показал нам психоанализ, табу на инцест преследует человека всю жизнь.

10. ВЛАСТЬ И ВЫТЕСНЕНИЕ

В предыдущей главе нас в основном интересовали отношения между матерью и сыном; здесь мы обсудим отношения между отцом и сыном. Дочери мы здесь уделим совсем немного внимания. С одной стороны, как следует из всего, что было сказано выше в главе 9, инцест между отцом и дочерью менее важен, а с другой, конфликты между матерью и дочерью не так очевидны. В любом случае то, что было сказано о матери

и сыне и отце и сыне, применимо, с небольшими отступлениями, и к другим отношениям. Следовательно, подбор персонажей во фрейдовской Эдиповой трагедии, в которой вновь фигурирует сын в связи с обоими родителями, с антропологической точки зрения вполне верен. Фрейд отказался поместить Электру рядом с Эдипом, и мы вынуждены поддержать этот акт остракизма.

Обсуждая ранее отношения между отцом и сыном, мы пришли к однозначному выводу, что эти отношения покоятся на инстинкте. Человеческая семья нуждается в мужчине так же, как и семья животных нуждается в самце; и во всех человеческих обществах эта биологическая потребность находит себе выражение в принципе легитимности, который накладывает на мужчину обязанности покровителя, защитника и главы семьи.

Нет смысла размышлять о роли самца в семье животных как источнике власти в семье. Его тирания маловероятна, так как, пока он необходим детенышам, он, вероятно, обладает запасом природной нежности и терпения. Когда он перестает быть им нужным, они его покидают.

В условиях культуры власть отца, однако, крайне важна, потому что на более поздних этапах, когда родители и дети должны оставаться вместе в целях культурного воспитания, возникает потребность в авторитете, устанавливающем порядок в семье, как и в любой другой форме человеческого объединения. Такое объединение, основанное на культурных, а не на биологических потребностях, лишено идеальной инстинктивной регулировки, подразумевает конфликты и трудности и нуждается в правовой санкции извне.

Но, несмотря на то что на последующих этапах отец или другой мужчина должен получить власть, его роль на ранних этапах совершенно иная. На ранних этапах семьи животных самец должен защищать беременную и кормящую самку; точно так же и на ранних этапах

человеческой семьи отец — скорее защитник и нянька, чем лицо, облеченное властью. Когда он соблюдает вместе с женой табу, накладываемые во время беременности, следит за ее благополучием в этот период, претерпевает различные ограничения и нянчит детей, его физическая сила, нравственный авторитет, религиозная прерогатива и правовая власть никак не задействованы. Во-первых, то, что он делает на этих этапах, считается его обязанностью, а не прерогативой. Многие из этих интимных функций подразумевают, что мужчина либо играет роль женщины — и часто это довольно унизительно, либо помогает ей в определенных делах. Вместе с тем он часто изгоняется из общества и подвергается осмеянию и оскорблениям, признаваемым за таковые самим этим обществом, в то время как его жена занята важными делами. Тем не менее, как мы не раз подчеркивали, отец исполнен смирения и доброй воли; он обычно счастлив исполнять свои обязанности, заинтересован в благополучии жены и рад маленькому ребенку.

Все обычаи, представления и социальный уклад, возложенные на мужчину культурой, четко соотносятся с его значением для семьи и для вида в это время. Отец должен вести себя как любящий, добрый и заботливый супруг, должен подчиниться естественным интересам и заботам жены, потому что на этом этапе его защита, любовь и нежные эмоции делают его хорошим защитником жены и детей. Таким образом, здесь вновь культурное поведение людей преследует ту же цель, что и врожденные тенденции животных: эта цель состоит в формировании нежного и покровительственного отношения со стороны мужчины к беременной супруге и ребенку. Но в условиях культуры покровительственное отношение должно сохраняться намного дольше — и после достижения ребенком биологической зрелости, при том что опять-таки на отца в человеческой семье изначально взваливается куда большее бремя. И здесь мы вновь видим существен-

ную разницу между семьей людей и семьей животных, так как если семья животных с прекращением биологической потребности в родительской заботе распадается, то человеческая семья должна сохраняться. После этого момента семья в условиях культуры должна перейти к процессу воспитания, где родительской нежности, любви и заботы уже недостаточно. Культурное воспитание — это не просто постепенное развитие врожденных способностей. Помимо обучения ремеслу и передачи знаний оно также подразумевает выстраивание сентиментов, усвоение законов и обычаев и развитие нравственности. И все это предполагает элемент, который мы обнаружили в отношениях между ребенком и матерью, — элемент табу, вытеснения негативных императивов. Воспитание в последнем случае заключается в выстраивании комплекса и искусственных привычных реакций, организации эмоций в сентименты.

Как мы знаем, это выстраивание происходит в результате различных проявлений общественного мнения и морального чувства, постоянного нравственного давления, которому подвергается подрастающий ребенок. Определяющее влияние оказывает структура племенной жизни, которая состоит из материальных элементов и в пределах которой ребенок постепенно растет и оформляет свои импульсы в модели сентиментов. Но этот процесс должен подкрепляться эффективной личной властью, и здесь ребенок вновь сталкивается с различиями между женской и мужской сторонами общественной жизни. Ухаживающие за ним женщины — это ближайший и знакомый круг влияния, нежность, помощь, отдых и утешение дома, куда ребенок всегда может прийти. Мужской аспект становится постепенно принципом силы, дистанции, амбиций и авторитета. Это разделение, очевидно, происходит после раннего периода детства, когда, как мы видели, отец и мать исполняют схожие роли. В дальнейшем мать, разделяя с отцом бремя воспитания и

обучения ребенка, тем не менее продолжает традицию нежности, в то время как отец в большинстве случаев должен поддерживать хотя бы видимость власти в своей семье.

Однако в определенном возрасте сын покидает родителей и отправляется в большой мир. В обществах, где проводятся церемонии инициации, это событие подготавливается с помощью особой тщательно разработанной процедуры: новообращенному разъясняют новые основы закона и нравственности, демонстрируют наличие власти; его обучают племенным порядкам, очень часто буквально физически вдалбливая эту науку посредством системы лишений и испытаний. С социальной точки зрения, инициация состоит в отлучении мальчика от домашнего очага и подчинении племенной власти. В тех культурах, где инициация не проводится, этот процесс проходит постепенно и не имеет четких очертаний, но все его элементы всегда присутствуют. Мальчику позволяют — или даже поощряют его к этому — покинуть дом или выйти из-под домашней опеки, его обучают племенной традиции, и он подчиняется мужской власти.

Но мужская власть — это необязательно власть отца. В предыдущих главах мы уже показали, как функционирует это подчинение мальчика родительской власти и что оно означает. Мы переформулируем эту идею в терминах нашего рассуждения. В обществах, где власть отдается в руки дяди по материнской линии, отец может остаться помощником по хозяйству и другом своих сыновей. Отношения между отцом и сыном могут развиваться просто и непосредственно. Ранние детские установки, непрерывно развиваясь, достигают зрелости по мере взросления мальчика. Отец в дельнейшем исполняет роль, не слишком отличающуюся от его роли на самой заре существования ребенка. Власть, племенное честолюбие, элементы вытеснения и меры принуждения связаны с другим сентиментом, который сосредоточивается вокруг фигуры

дяди по матери и выстраивается по совершенно иным силовым линиям. В свете психологии формирования сентимента — и здесь я должен сослаться на теорию Шанда — очевидно, что такое развитие двух простых и внутренне непротиворечивых сентиментов дается мальчику несравнимо легче, чем выстраивание отношений с отцом при отцовском праве.

При отцовском праве роль родителя связана с двумя элементами, каждый из которых создает значительную трудность в выстраивании сентимента. Там, где этот способ счета происхождения связан с выраженной формой *patria potestas,* отец должен стать судьей над сыном, облеченным властью и силой. Он должен постепенно отойти от роли нежного и покровительствующего друга и занять позицию строгого судьи и блюстителя закона. Это изменение влечет за собой появление в сентименте по отношению к отцу столь же диаметрально противоположных установок, как установки чувственного желания и почитания — в сентименте по отношению к матери. Вероятно, нет необходимости развивать это положение и доказывать, как трудно соединить доверие с силами вытеснения, нежность с авторитетом и дружбу с превосходством, поскольку обо всем этом мы подробнейшим образом говорили в предыдущих частях книги. Мы также уже говорили о другом аспекте, который всегда ассоциируется с отцовским правом, даже когда оно не подразумевает ярко выраженной отцовской власти: отцу предстоит лишиться властных полномочий, а сыну — заменить отца. Даже если власть отца ограниченна, он все-таки главный мужчина в старшем поколении и олицетворяет закон, племенные обязанности, табу и силы подавления. Он стоит на стороне принуждения, морали и ограничивающих общественных факторов. Как мы уже знаем, преобразовать отношения, изначально покоившиеся на фундаменте нежности и инстинктивной реакции, в установку вытеснения весьма непросто.

Это знание, однако, необходимо включить в наше нынешнее рассуждение: в человеческой семье связь отца и ребенка не основана на врожденной реакции, исчезающей с уходом достигшего зрелости ребенка из дома, — вместо этого она должна быть преобразована в сентимент. Основа этого сентимента — биологически обусловленная нежность отца, но на этой основе должна быть выстроена установка требовательного, строгого, принудительного подавления. Отец должен принуждать, должен служить источником сил вытеснения, он становится законодателем в семье и проводником племенных порядков. *Patria potestas* превращает его из нежного и любящего покровителя ребенка в могущественного и часто жестокого самодержца. Поэтому структура сентимента, в состав которого входят такие противоречивые эмоции, должна быть сложной. И тем не менее именно эта противоречивая комбинация элементов совершенно необходима для человеческой культуры. Поскольку отец на первых этапах — биологически неотъемлемый член семьи, его функция заключается в защите ребенка. Эта естественная склонность отца к нежности — капитал, из которого черпает семья с целью сохранить его интерес и привязанность к ней. Но здесь снова культура должна воспользоваться этой эмоциональной установкой, чтобы возложить на него как старшего мужчину в семье функции совершенно иного типа. Ведь по мере взросления детей, особенно сыновей, обеспечение воспитания, единства семьи и взаимодействия требует личного влияния, без которого невозможно принуждение к порядку в семье и соблюдение племенного закона вне ее. Сложное положение отца, как мы можем видеть, не является результатом исключительно мужской ревности, дурного нрава и сексуальной зависти, как, кажется, следует из большинства психоаналитических сочинений; все дело в глубинных особенностях человеческой семьи, которая должна выполнить две задачи: размножение вида и непрерывность культуры.

Отцовский сентимент с его двумя фазами — фазой покровительства и фазой принуждения — неизбежный коррелят этой двойственной функции человеческой семьи. Амбивалентные установки, составляющие самую суть Эдипова комплекса, — нежность и отторжение между сыном и отцом, напрямую зависят от этого перехода семьи из природного состояния в культурное. Нет необходимости в гипотезе *ad hoc*[14] для объяснения этих особенностей. Мы можем видеть, что они порождаются самим устройством человеческой семьи.

Есть только один способ избежать опасностей, связанных с ролью отца, и он состоит в том, чтобы связать типичные элементы роли отца с двумя различными людьми. Такую конфигурацию мы находим в материнском праве.

11. ОТЦОВСКОЕ ПРАВО И МАТЕРИНСКОЕ ПРАВО

Мы теперь можем рассмотреть спорную проблему счета происхождения по отцовской и материнской линиям, или — что звучит более красиво, но менее точно, — отцовского права и материнского права.

Сразу оговоримся, что за выражениями «материнское право» и «отцовское право» не стоит никакой идеи особых властных полномочий, а, стало быть, мы можем без всякой опаски использовать их как более изящные эквиваленты понятий «матрилинейность» и «патрилинейность». Обычно относительно этих двух принципов возникают следующие вопросы: какой из них более «первобытен», каковы «истоки» каждого из них, существовали ли определенные «этапы» матрилинейности и патрилинейности и т.д. Большинство теорий матрилинейности связывают этот институт с ранним существованием промискуитета, вытекающей

[14] На данный случай (*лат.*). — *Примеч. пер.*

из него неопределенностью в вопросе отцовства и необходимостью отсчитывать родство через женщин[15]. Вариации на тему *pater semper incertus*[16] заполняют многие труды на тему нравственности, родственных связей и материнского права.

Как это обычно бывает, критика, направленная против большинства теорий и гипотез, должна начинаться с определения концепта и формулировки проблемы. Большинство теорий подразумевают, что отцовское право и материнское право являются взаимно исключающими альтернативами. Большинство гипотез связывают одну из этих альтернатив с первым, а другую — с более поздним этапом культуры. Например, Хартланд — один из величайших авторитетов в антропологии по примитивной социологии, говорит о «матери как единственном основании общества» и утверждает, что при материнском праве «происхождение и, следовательно, родственные связи прослеживаются исключительно по материнской линии». Эта концепция красной нитью проходит через всю книгу этого выдающегося антрополога. Материнское право у него предстает замкнутой социальной системой, охватывающей и контролирующей все аспекты организации. Ученый поставил перед собой задачу доказать, что «первый установленный систематический метод счета человеческого родства — только через женщину» и что патрилинейный счет родства — «более позднее явление». Впрочем, весьма примечателен тот факт, что, пытаясь доказать приоритет матрилинейного счета происхождения над патрилинейным, Хартланд на протяжении своей работы постоянно возвращается к утверждению: всегда нужно говорить о смешении материнского права и отцовского права. Подводя итоги, Хартланд пишет: «Патриархальное правление и

[15] См., например: *Хартланд Э.С.* Примитивное общество (*Hartland E.S.* Primitive Society. 1921. P. 2, 32).

[16] Отец всегда под сомнением (*лат.*). — *Примеч. пер.*

патрилинейный счет родства постоянно посягали на материнское право по всему миру; как следствие, матрилинейные институты можно найти почти на всех этапах перехода к тому состоянию общества, когда отец стал центральной фигурой родства и управления». В сущности, справедливо было бы утверждать, что во всех частях мира мы находим материнский счет родства наряду с институтами отцовской власти, и мы видим, что два способа счета происхождения неразрывно связаны.

Возникает вопрос: зачем вообще выдвигать гипотезы о «первоистоках» и «последующих этапах» счета происхождения, только чтобы придти к выводу, что между низшими и высшими типами общества человечество переживает переходный период? Кажется, эмпирическое заключение состояло бы скорее в том, что материнство и отцовство никогда не существуют независимо друг от друга. Если исходить из фактов, более логичной была бы другая постановка вопроса: существует ли матрилинейность независимо от счета родства по отцовской линии и не следует ли считать эти два метода скорее комплементарными, нежели антитетическими? Э.Б. Тэйлор и У.Х.Р. Риверс уже проработали этот подход, и Риверс, например, разбил материнское право и отцовское право на три независимых принципа счета: происхождение, наследование и преемственность. Однако наилучший подход мы находим у доктора Лоуи, который упорядочил проблему и предложил очень целесообразную терминологию *двустороннего* и *одностороннего* родства. Организация семьи основана на *двустороннем* принципе. Организация рода связана с односторонним методом счета родства. Лоуи[17] ясно показывает, что, так как семья — универсальная единица и родословные прослеживаются одинаково далеко в обе стороны, не имеет ни малейшего смысла говорить об исключительно матри-

[17] *Лоуи Р.Х.* Примитивное общество (*Lowie R.H.* Primitive Society. Ch. «Family», «Kinship», «Sib»).

линейном или патрилинейном обществе. Эта позиция абсолютно неуязвима. Не менее значима теория рода Лоуи. Он показал, что в обществе, где *в определенных аспектах* подчеркивается одна сторона родства, появляются группы расширенного родства, соответствующие тем или иным родовым или клановым организациям человечества.

Возможно, рассуждение Лоуи стоит дополнить и объяснить, почему счет определенных человеческих отношений носит односторонний характер, как это происходит и каковы механизмы счета одностороннего родства.

Мы выяснили, что во всех вопросах, где отец и мать жизненно необходимы ребенку, должен вестись двусторонний счет родства. Сам институт семьи, всегда включающий в себя обоих родителей, связывающий ребенка двойными узами, служит исходной точкой двустороннего счета родства. Если мы попытаемся рассмотреть по отдельности социальную реальность жизни туземцев и представления туземцев о счете родства, то увидим, что на первых этапах жизни человека родство считается по обеим линиям. Но даже и тогда, при одинаковой значимости обоих родителей, их роли неидентичны и несимметричны. По мере того как ребенок растет, отношения между ним и его родителями меняются, и возникают обстоятельства, из которых неизбежно вытекает социологический счет родства и которые, иными словами, заставляют общество выработать свою собственную доктрину родства. Последние этапы воспитания, как мы видели, заключаются в передаче материального имущества и традиции знания и связанного с ним ремесла. Они также включают обучение социальным ролям, обязательствам и прерогативам, в зависимости от ранга и звания. Передача материальных благ, ценностей и личных привилегий имеет две стороны; это бремя для родителя, который должен постоянно учить, прилагать усилия, терпеливо работать с новичком; это также отказ со стороны ро-

дителей от ценностей, имущества и особых прав. Таким образом, по обеим причинам линейная передача культуры от одного поколения другому должна основываться на сильной эмоциональной привязанности. Она должна происходить между людьми, связанными любовью и теплыми чувствами. Как мы знаем, общество может полагаться только на один источник таких чувств — обусловленные биологическими факторами родительские тенденции. Итак, передача культуры во всех этих аспектах всегда определяется биологической связью родителя и ребенка, это всегда происходит внутри семьи. Однако этого недостаточно. По-прежнему существует возможность передачи культуры по отцовской линии, материнской линии или по обеим линиям. Последнее наименее предпочтительно, поскольку инициирует процесс, который сам по себе чреват рисками, сложностями и психологическими опасностями, противоречивостью и путаницей. Человеку тогда пришлось бы всегда делать выбор между двумя группами; он мог бы претендовать на имущество из обоих источников, иметь две альтернативы и двойной статус. И, соответственно, вопрос о его положении и социальной идентичности мог бы решаться по усмотрению одной из двух сторон. Такой тип общества породил бы постоянную борьбу, трудности, конфликты и, как должно быть ясно с первого взгляда, создал бы невыносимую ситуацию. Действительно, мы находим полное подтверждение нашему выводу о том обстоятельстве, что ни в одном человеческом обществе происхождение, наследование и преемственность не остаются неопределенными. Даже в таких сообществах, как полинезийские, где человек может вести счет родства либо по материнской, либо по отцовской линиям, он должен сделать свой выбор в молодости. Таким образом, одностороннее родство — неслучайный принцип. Его нельзя «объяснить» идеями отцовства или той или иной чертой примитивной психологии или социальной организации. Это единственный возможный спо-

соб решения проблем передачи имущества, титулов и социальных привилегий. Тем не менее, как мы увидим далее, он не исключает возникновения ряда трудностей, побочных явлений и опосредованных реакций. По-прежнему существует выбор между материнским правом и отцовским правом.

Рассмотрим теперь более детально, как работает метод счета родства по материнской линии и по отцовской линии. Как мы знаем, организация эмоций в сентименте во многом схожа с организацией общества. В формировании материнского сентимента, как мы подробно разобрали в первой части книги и резюмировали в одной из последних глав, не обнаруживается никакого потрясения основ в результате перехода от первоначальной нежности к применению власти. При материнском праве властью принуждения обладает не мать, а ее брат, и принцип наследования не вызывает антагонизма и ревности между матерью и сыном, так как он наследует только ее брату. В то же время личная привязанность и нежность между матерью и ребенком, несмотря на все культурное и общественное влияние, сильнее, чем между отцом и ребенком. И также нет оснований отрицать, что очевидная физическая природа материнства, возможно, во многом обусловила телесную идентичность ребенка и матери. Таким образом, при том что характерные для отношений с матерью представления о воспроизводстве потомства, нежные чувства детства, глубокие эмоциональные узы между матерью и ребенком формируют более интенсивный сентимент, этот сентимент не претерпевает никаких изменений под тяжестью правовой и экономической передачи, которую он влечет за собой. Другими словами, при материнском праве общественный закон, наследуемый сыном от брата матери, ни в коей мере не портит отношений с матерью; в целом тем самым лишь подчеркивается тот факт, что эти отношения эмпирически более очевидны и что они эмоционально сильнее. Как мы

помним из подробного анализа институтов одного матрилинейного общества, брат матери, представляющий принцип жесткой власти, общественные идеалы и амбиции, весьма удачным образом удерживается на расстоянии, вне семейного круга.

Отцовское право, с другой стороны, влечет за собой, как было показано в последней главе, определенный разрыв в формировании сентимента. В патрилинейном обществе отец должен воплощать две ипостаси — нежного друга и жесткого блюстителя закона. Это ведет к возникновению в семье противоречивых чувств и социальных трудностей, осложняя сотрудничество и порождая ревность и соперничество в самом сердце семьи.

Нужно упомянуть еще один момент. В примитивных сообществах даже в большей мере, чем в цивилизованных, посредством родственных связей регулируются сексуальные установки. Расширение родства за пределы семьи предполагает во многих обществах формирование экзогамии наряду с формированием кланов. При материнском праве запрет на инцест с членами одной семьи просто расширяется до запрета на половую связь с членами одного клана. В матрилинейном обществе, следовательно, построение общей сексуальной установки по отношению ко всем женщинам общины — гармоничный и ничем не осложненный процесс. В патриархальном обществе, с другой стороны, нельзя просто распространить табу на инцест с членами семьи на весь клан — необходимо еще и выстроить новую схему представлений о допустимом и недопустимом в сфере сексуальных отношений. Патрилинейная экзогамия не включает в себя одного человека, кровосмесительной связи с которым необходимо избегать наиболее строгим образом, — мать. Все это представляется нам обоснованием того, почему материнское право может считаться более полезным принципом социальной организации, чем отцовское право. Полезность, разумеется, связана с таким уров-

нем человеческой организации, где родственные связи играют важнейшую социальную роль как на бытовом уровне, так и на уровне классификации.

Очевидно, важно понять, что отцовское право также имеет значительные преимущества. При материнском праве всегда существует двойная власть над ребенком, и семья в этом смысле расколота. Здесь развивается та сложная перекрестная система отношений, которая в примитивных сообществах усиливает прочность социальной ткани, но в высших обществах привела бы к многочисленным проблемам. По мере развития культуры клановые институты и институты классифицирующего родства исчезают, организация местной племенной общины, города и государства упрощается, принцип отцовского права естественным образом становится доминирующим. Но это уводит нас от предмета нашего исследования.

Подведем итоги. Сравнительные преимущества материнского права и отцовского права уравновешивают друг друга, и, вероятно, отдать какому-либо из них приоритет или назвать более распространенным невозможно. Однако преимущество одностороннего принципа счета родства против двустороннего в правовом, экономическом и социальном отношении совершенно бесспорно.

Но главное, что нужно осознать, — это то, что ни материнское право, ни отцовское право не могут быть исключительным методом счета родства или происхождения. Только в передаче ощутимых ценностей материальной, нравственной или социальной природы один из двух принципов закрепляется на правовом уровне. Как я попытался показать в других своих работах[18], такое закрепление влечет за собой определенные традиционные реакции, которые до некоторой степени уменьшают эффект одностороннего функционирования.

[18] *Малиновский Б.* Преступление и обычай в обществе дикарей.

Возвращаясь еще раз к нашему исходному пункту, т.е. к критике доктора Джонса по поводу выводов, сделанных в предыдущих частях книги, мы теперь видим, что возникновение материнского права — не мистическое событие, вызванное «неизвестными социальными и экономическими причинами». Материнское право — одна из двух альтернатив счета родства, и обе они имеют определенные преимущества. Преимущества материнского права, возможно, в целом превосходят преимущества отцовского права. И среди них мы, безусловно, должны назвать ключевой фактор, описанный в этой главе: материнское право устраняет необходимость мощного вытеснения в отцовском сентименте и отводит матери более целесообразное и разумное с точки зрения адаптации место в схеме сексуальных запретов.

12. КУЛЬТУРА И «КОМПЛЕКС»

Мы очертили поле нашего исследования: изменение инстинктивных тенденций, соответствующее переходу от природы к культуре. Проследим в общих чертах ход нашего рассуждения и подведем итоги. Мы начали с разбора психоаналитических взглядов на происхождение и историю комплекса. И здесь мы обнаружили ряд неясностей и противоречий. Концепцию *вытеснения уже вытесненных* элементов, представления о том, что незнание отцовства и матрилинейность были *изобретены* как способ избежать ненависти к отцу, и о том, что отцовское право — удачное решение большинства семейных проблем, трудно совместить как с учением психоанализа, так и с основополагающими антропологическими данными и принципами. Мы также установили, что все эти противоречия вытекают из идеи о том, что Эдипов комплекс — это первопричина культуры, что он предвосхитил и породил большинство человеческих институтов, воззрений и верований. Пытаясь понять, как именно психоана-

литическая теория представляет себе конкретное воплощение этого изначального Эдипова комплекса, мы проанализировали гипотезу Фрейда о «первобытном преступлении». Фрейд рассматривает культуру как спонтанно возникшую реакцию на преступление и предполагает, что память о преступлении, раскаяние и амбивалентное отношение сохранились в «коллективном бессознательном».

Полная невозможность с нашей стороны принять эту гипотезу побудила нас изучить ее внимательнее. Мы узнали, что тотемическое преступление нужно рассматривать как событие, разделяющее природное и культурное состояние, как начало культуры. Без этого допущения гипотеза не имеет смысла. С ним она распадается на части из-за противоречий, которые содержит. Обнаружив, что главная ошибка фрейдовской гипотезы, как и других теорий ранней формы семьи, состоит в игнорировании разницы между инстинктом и привычкой, между реакцией, определяемой биологическими факторами, и культурной адаптацией, мы поставили перед собой задачу изучить трансформацию семейных уз в связи с переходом от природы к культуре.

Мы попытались показать, в чем заключалась модификация врожденных тенденций и как она повлияла на психику человека. В ходе нашего рассуждения мы вполне закономерным образом пришли к важнейшим психоаналитическим проблемам и смогли предложить теорию естественного формирования семейного комплекса. Мы выяснили, что комплекс — это неизбежный побочный продукт культуры, возникающий, когда семья из группы, удерживаемой инстинктивными связями, превращается в группу, удерживаемую культурными связями. С психологической точки зрения, это изменение означает трансформацию цепочки взаимосвязанных стимулов в систему организованных сентиментов. Выстраивание сентиментов происходит в соответствии с психологическими законами,

регулирующими психическое созревание, с тем чтобы исключить из конкретного сентимента ряд установок, приспособительных навыков и инстинктов. Этот механизм проявляется во влиянии социального окружения, действующего через культурный аппарат и непосредственные личные контакты.

Процесс исключения определенных установок и импульсов из отношений между отцом и ребенком и матерью и ребенком представляет большой диапазон возможностей. Систематическая организация импульсов и эмоций может осуществляться путем постепенного ослабления и ухода от определенных установок, путем драматических потрясений, организации идеалов (в различных церемониях), осмеяния и общественного мнения. Например, с помощью этих механизмов из отношения ребенка и матери постепенно исключается чувственность, и на смену нежности между отцом и ребенком часто приходят строгость и принуждение. Работа этих механизмов не может обеспечивать абсолютно одинаковые результаты во всех случаях. И многие нарушения в психике отдельного человека и общества объясняются несовершенным культурным механизмом подавления и регулирования сексуальности или насаждения власти. Мы подробно показали это на нескольких конкретных примерах в первых двух частях книги и теоретически обосновали в последней части.

Таким образом, формирование сентиментов, конфликтов и связанная с ними дезадаптация во многом зависят от того, какой социальный механизм работает в данном обществе. Главные аспекты этого механизма — регулирование детской сексуальности, табу на инцест, экзогамия, распределение власти и тип организации домашнего хозяйства. В этом, возможно, заключается основной вклад настоящего сочинения. Мы смогли показать связь между биологическими, психологическими и социологическими факторами.

Мы разработали теорию пластичности инстинктов в условиях культуры и трансформации инстинктивной реакции в культурную адаптацию. В психологическом отношении наша теория предлагает такой подход, который, отдавая должное действию социальных факторов, не признает гипотезы «группового сознания», «коллективного бессознательного», «стадного инстинкта» и подобные метафизические концепции.

В настоящей работе мы постоянно сталкиваемся с центральными проблемами психоанализа, проблемами инцеста, отцовской власти, сексуального табу и созревания инстинкта. Общие положения психоанализа по нескольким пунктам вполне согласуются с моими выводами в данном сочинении, но требуют серьезного пересмотра по другим. Даже по конкретному вопросу влияния и функции материнского права результаты, опубликованные мною ранее, и выводы этой книги не полностью расходятся с психоаналитическим учением. Материнское право, как уже отмечалось, обладает тем дополнительным преимуществом перед отцовским правом, что «расщепляет Эдипов комплекс», распределяя власть между двумя мужчинами, и вместе с тем предлагает последовательную схему инцестуального запрета, где экзогамия следует непосредственно из табу на сексуальную связь между членами одной семьи. Тем не менее мы должны были признать, что материнское право не полностью зависит от Эдипова комплекса, что это более широкое явление, обусловленное различными причинами. Я постарался дать этим причинам конкретное описание, отвечая на упреки доктора Джонса в том, что я допускаю возникновение материнского права по неизвестным социологическим и экономическим причинам. Я попытался показать, что из двух альтернативных форм счета родства материнское право может восприниматься как более функциональная. В действительности, как мы видим, дело в том, что односторонний способ счета

родства принят почти во всех культурах, но у народов с низким уровнем развития культуры материнская линия обладает определенным преимуществом перед отцовской. В число этих характерных преимуществ материнского права входит способность изменять и расщеплять «комплекс».

Я должен добавить, что с точки зрения теории психоанализа сложно объяснить, почему комплекс как таковой должен нести вред. В конце концов, для психоаналитика Эдипов комплекс — источник и начало культуры, религии, закона и морали. Зачем вообще нужно от него избавляться? Зачем человечеству или «коллективному разуму» «изобретать» способ его разрушить? Однако для нас комплекс — не причина, а побочный продукт, не творческий принцип, а дезадаптация. Эта дезадаптация принимает более безобидную форму при материнском праве, чем при отцовском.

Эти выводы впервые были изложены в двух статьях, напечатанных по отдельности несколько лет назад и сейчас переиздаваемых в виде первой и второй частей этой книги. Здесь мы вновь, рассматривая общую проблему, нашли определенные подтверждения теории психоанализа, если воспринимать ее как источник вдохновения и рабочую гипотезу, а не систему догматических положений.

Научное исследование — это всегда сотрудничество, обмен идеями между различными специалистами. Антропологи признали вклад психоаналитической школы, и было бы печально, если бы представители этой последней отказались сотрудничать, принять то, что предлагается из лучших побуждений, из области науки, в которой они, в конце концов, не могут чувствовать себя совершенно уверенно. Развитие науки — это всегда не просто движение по прямой линии. При завоевании новой территории часто отмечаются границы участка, но бесплодная почва не приносит урожая. Исследователь или школа должны быть го-

товы отказаться от несостоятельной позиции. Это не менее важно, чем быть первопроходцем в новой области открытий. В конце концов, нужно всегда помнить, что в научном старательстве несколько крупиц золота истины добываются только в результате терпеливого промывания груды бесполезной гальки и песка.

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

БРОНИСЛАВ МАЛИНОВСКИЙ

СЕКС И ВЫТЕСНЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ ДИКАРЕЙ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ЕВГЕНИЯ КАЧАЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 06.12.2010. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 11,8. Уч.-изд. л. 9,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1282. Заказ № 2179

Отпечатано в ГУП ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6